

Н. Н. Неплюев

16+

Христианская гармония духа

Сочинения. Кн. 2

Н. Н. Неплюев

**Христианская гармония
духа. В 2-х кн. Кн. 2**

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Неплюев Н. Н.

Христианская гармония духа. В 2-х кн. Кн. 2 / Н. Н. Неплюев —
«ЛитРес: Самиздат», 2021

ISBN 978-5-532-98754-8

Николай Николаевич Неплюев (11/23 сентября 1851 – 21 января /3 февраля 1908) – общественный деятель и писатель, религиозный мыслитель. Занимался обучением крестьянских детей в своем родовом имении Глуховского уезда Черниговской губернии. Организовал мужскую и женскую сельскохозяйственные школы, детский приют и Крестовоздвиженское трудовое братство. В издание включены все философские и публицистические работы Неплюева, отразившие становление и развитие его православного христианского мировоззрения. Издание подготовлено доктором философских наук, профессором А. Ф. Малышевским.

ISBN 978-5-532-98754-8

© Неплюев Н. Н., 2021
© ЛитРес: Самиздат, 2021

Содержание

Христианская гармония духа[1]	5
Глава III. Что есть истина?	5
§ 3. Хаос жизни	5
Зрелища	5
Поруганные святыни	25
§ 4. Книга жизни	49
Библия	49
Что мы знаем о Библии?	58
Как читать Библию?	65
Буква мертвящая	73
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Н. Неплюев

Христианская гармония духа. В 2-х кн. Кн. 2

Христианская гармония духа¹

Глава III. Что есть истина?

§ 3. Хаос жизни

Зрелища

Под общим названием зрелищ я разумею все то, что составляет любимые утехы современного общества, те цветы, которые оно срывает на жизненном пути, покупая их дороною ценою зверской борьбы, называемой мирным трудом при капиталистическом строе. Мы увидим, что именно слово *зрелища* самое подходящее для всех этих утех, несмотря на их кажущееся разнообразие.

В древнем Риме, когда буйная толпа требовала хлеба и зрелищ, она знала, что в человеке голодает не одно тело, и требовала пестрых игрушек, чтобы если не утолить, то, по крайней мере, заглушить тот другой голод, который еще сильнее чувствовался, когда тело было сыто. Что это за второй голод – римская чернь не сознавала, а потому и задаваться вопросом о том, как лучше, наиболее разумно удовлетворить эту потребность, не могла. Она чувствовала, что, напитав тело, нуждается в зрелищах и требовала зрелищ, всяких зрелищ, лишь бы перед глазами было пестро, в ушах шумно, в мозгу играл калейдоскоп и в сердце быстро сменяли друг друга грубые страсти, чтобы не сознавать страшного голода пытливым умом, не ныло неугодное сердце, не томила непонятная, невыносимая тоска.

С тех пор прошли века. Спаситель мира научил понимать, что *не хлебом единым жив будет человек*² и что есть источник воды живой, который может навеки утолить *духовную жажду*³.

Мы, христиане, не можем не понимать, что тело как материя никаких потребностей иметь не может; мы не можем не знать, что все потребности лишь разнообразные проявления воли воплощенного духа, что физические потребности человека суть не что иное, как проявления воли духа жить в теле и не получать от того болезненных, тяжелых ощущений, умственные потребности – воля духа разумного познавать абсолютную истину бытия, вечную истину правды Божией; нравственные потребности – воля духа свободного жить по вере, разумно

¹ Все тексты Н. Неплюева приведены в соответствие с нормами современного русского литературного языка при сохранении их авторской стилистики.

² *...не хлебом единым жив будет человек...* – Иисус сказал ему в ответ: написано, что не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом Божиим (Лк. 4, 4).

³ *...духовную жажду...* – Иисус сказал ей в ответ: всякий, пьющий воду сию, возжаждет опять, а кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать вовек; но вода, которую Я дам ему, сделается в нем источником воды, текущей в жизнь вечную (Ин. 4, 13–14).

собразовать свою жизнь с вечной истиной правды Божией, в двух словах – разумно любить Бога и ближних.

Понимая все это и искренно стремясь к добру и правде, человек не только не будет искать пестрых игрушек, развлечений, но далеко не успеет в течение жизни познать умом всю глубину премудрости вечной истины правды Божией и удовлетворить, хотя в малой степени, насущную нравственную потребность жить по вере и в жизнь сынов человеческих внести хоть малую частицу вечной правды Божией.

Когда огрубелое сердце перестало разуметь, ему опять нужны все те же пестрые игрушки, эти зрелища, которые развлекают дух, заглушая в нем жажду познания и жажду любви, одним словом, тоску по Богу.

Живя среди хаоса зверской борьбы за существование, когда и мысли, и чувства, и жизнь прямо противоположны поведенной нам *Светом от Света Небесного* вечной истине правды Божией, и не желая жить иначе; любя мир и то, что в мире, а не Бога, не Христа Его и не ближнего, теперь более чем когда-либо толпа нуждается в зрелищах, в этих пестрых игрушках, развлекаясь которыми можно не задумываться, не сосредоточиваться, не видеть глазами и не слышать ушами того, что огрубелое сердце ни видеть, ни слышать не желает, чтобы не быть в необходимости уразуметь.

Конечно, всего более боясь уразуметь и не желая творить волю Отца Небесного, человечество не может искать истинных, разумных утех для ума и сердца; все его утечи сводятся исключительно на бесцельные развлечения пестрыми калейдоскопами физическими, умственными и нравственными.

Физическими калейдоскопами я называю все те утечи, при которых сознание и скорбь духа заглушаются пестротой физических ощущений, умственными – те, при которых это достигается пестрыми комбинациями на клавишах машины мозга, нравственными – те, при которых это достигается щекотанием сердечных струн, что для греховного человечества всего чаще означает грубые похоти огрубелого сердца.

Само собою, так как дух человеческий один и все потребности лишь разнообразные проявления воли того же единого духа, то и утечи не могут быть однородны; в каждую утеху дух может внести активную волю жить всеми тремя основными свойствами своими: при доброй воле ощущать, сознавать и любить, при злой воле – играть ощущениями, сознанием и любовью. Сообразно с тем та же утеха может быть для людей с разным настроением духа страданием или наслаждением.

Перечислять все утечи я не могу и не буду и приглашаю только сделать беглый обзор самых выдающихся, модных утех; постараюсь приподнять тот покров условной лжи, под которым привычка так удачно прячет голую правду, постараюсь высказать эту правду в таких словах, которых привычка не сделала условною маскою, и продумать, при каком настроении духа данная утеха может быть наслаждением, а не страданием.

Начнем с действительных, основных потребностей воплощенного духа, не привитых, а тех, которые неизбежны для всякого, соответствуя трем основным свойствам духа живого: ощущать, сознавать и любить. Это и есть основные, общие для всех потребности: физические, умственные и нравственные, удовлетворение которых составляет не роскошь, а хлеб насущный, но переходит в роскошь каждый раз, как человечество начинает по-детски играть ими, не удовлетворяя разумно основную потребность духа, а делая из этой самой потребности игрушку, которою и увлекается ребячески до тупоумно-равнодушного отношения ко всему окружающему и даже до полного самозабвения.

Основные физические потребности соответствуют основному свойству духа ощущать. Воплощенный дух испытывает болезненные ощущения каждый раз, как нарушается правильность отправления дивной машины тела. Все то, что необходимо для того, чтобы не нарушалась правильность отправления тела и дух не подвергался болезненным ощущениям, и есть насущ-

ная физическая потребность. Как удовлетворять эти потребности, в связи со столь же реальными потребностями духа сознавать и любить, и есть жизненный вопрос, от которого зависит и направление, и весь строй жизни воплощенного духа на земле. Когда человек удовлетворяет свои физические потребности в ущерб основным свойствам духа сознавать и любить, другими словами, в ущерб своим умственным и нравственным потребностям, он превращается в неразумное, безнравственное двуногое животное. Когда воля духа направлена на согласование потребностей физических и умственных, не согласуя их в то же время с потребностями нравственными, воплощенный дух живет ощущениями и сознанием в ущерб любви; такой человек будет разумно удовлетворять свои физические потребности, он может быть высокоинтеллигентным человеком, даже ученым и в то же время очень вредным, гнусно безнравственным человеком, и жизнь его все же не будет разумна, потому что, не любя, он многого не уразумеет огрубелым сердцем и, даже разумно удовлетворяя свои физические потребности, будет жить одною животною жизнью, которая и поглотит всю деятельность его ума, хотя он этого сознавать не будет, обманывая себя ребяческой игрою в разнообразные, пестрые умственные и нравственные калейдоскопы.

Полной жизнью духа живет тот человек, который все три основные свойства духа удовлетворяет в наиболее гармонических сочетаниях.

Излагая христианское мировоззрение, я буду говорить об этом вопросе подробно, теперь скажу только, что Божественное Откровение поведало нам, что, согласно вечной истине правды Божией, основные свойства духа неравноправны и истинная гармония состоит не в том, чтобы все три категории основных потребностей были удовлетворяемы в равной степени. Из трех основных свойств духа *первенство принадлежит любви*⁴, за нею следует сознание и только на третьем, последнем месте стоит ощущение. Стройная гармония духа заключается в том, чтобы ощущение было подчинено сознанию и вместе с сознанием подчинилось любви. В этом вечная истина, святая воля и правда Божия, добровольное согласование воли человека с этой вечной правдой воли Божией и есть добрая воля свободного духа, дивная гармония христианского настроения, одним словом, святость, без которой нет ни мира, ни радости, нет Царствия Божия внутри человека, нет возможности творить волю Отца Небесного.

Когда гордый дух восстанет против Бога и, гордый своею самостоятельностью, ребячески нарушает гармонию духа, вечная истина правды Божией остается неизменной, злая воля человека не в силах создать новую гармонию, но истинная правда нарушена, и проклят грешный дух, пока свободно не захочет восстановить нарушенную правду и с вечною гармонией небес согласовать духовную гармонию свою.

Вечная гармония одна, но дисгармоний множество, что и порождает хаос жизни невообразимого разлада разнообразных индивидуальностей дисгармонических грешных душ, которые наивно стараются слить все свои разнообразные индивидуальные дисгармонии в одну невозможную фантастическую какофонию, не желая, по причине своей гордости, злой воли и ожесточения сердца, слиться в единую вечную гармонию по указаниям Божественного Откровения, этого якоря спасения, при помощи которого грешный дух мог бы восстановить нарушенную гармонию, сотворить волю Отца Небесного на земле и слиться по смерти в общую гармонию неба.

Самые святые люди были все же грешные духи, не сразу и не вполне восстановившие небесную гармонию в течение земного бытия. Един был свят на земле, он был *Свет от Света Небесного, путь, и истина, и жизнь, Агнец Божий*⁵, жертва великая, *воплощенное слово*⁶ – Человек-Христос-Иисус.

⁴ ...первенство принадлежит любви... – А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше (1 Кор. 13, 13).

⁵ ...Агнец Божий... – На другой день видит Иоанн идущего к нему Иисуса и говорит: вот Агнец Божий, Который берет на Себя грех мира. <...> И, увидев идущего Иисуса, сказал: вот Агнец Божий (Ин. 1, 29, 36).

Все остальные дети земли – грешные духи, у которых все дисгармония: и мысли, и чувства, и жизнь. Они не могут лишить свой дух ни одного из трех основных свойств его, но могут, нарушая святую гармонию духа, жить одним из низших свойств, притупляя, даже вполне усыпляя высшие свойства; делают они это путем развлечений, тех шумных и пестрых утех тех бессмысленных калейдоскопов, при помощи которых они *убивают время* и капризно избегают неприятной для них возможности сосредоточиться, уйти в себя, сознать весь ужасающий хаос дисгармонии грешного духа, что, при нежелании смириться и покаяться, неизбежно приведет грешный дух к адской муке злого отчаяния.

К категории физических потребностей воплощенного духа относятся его насущные потребности есть, пить, одеваться и укрываться в жилищах от непогоды.

Пища и питье необходимы для того, чтобы постоянно возобновлять те атомы мертвой материи, которые только на короткое время входят в состав живого организма, как будто затем, постоянно уносясь таинственным вихрем, чтобы оградить человека от опасной ошибки забыть свой вечный дух под покровом праха земного, этой земли, которая вместе – земное проявление духа и цепи, которыми дух прикован к земле, и *в землю отойдет*⁷, когда свободный дух пойдет туда, где нет болезней и печалей, нет голода и смерти, а есть только жизнь бесконечная.

Неудовлетворение этих насущных потребностей ведет к болезненным ощущениям воплощенного духа, известным нам под условною кличкою голода и жажды, благодаря этим ощущениям воплощенный дух знает, когда наступило время принять новый запас атомов мертвой материи, которая сама по себе не может нуждаться быть замененною, чего, при злой воле и желании забыть о вечности духа, умеют не разуместь представители материализма.

Для того чтобы удовлетворить эти насущные потребности, надо так немного, что нужна вся злоба и холодная жестокость, какие действительно присущи одним, и все преступное недомыслие, каким отличаются другие представители грешного человечества, чтобы возможно было голодать и даже умирать от голода в то время, как земля производит гораздо больше, чем потребляет человечество, и есть возможность накапливать богатые запасы. Но грешный дух желает развлекаться и в погоне за игрушками сделал себе, между прочим, забавный калейдоскоп и из вкусовых ощущений, сделал себе потеху и из временного усыпления сознания, заливая алкоголем машину мозга. Вот для того, чтобы иметь удовольствие развлекаться этими дорогими игрушками, убивать при помощи их сознание земного бытия и высших потребностей духа, *трезвые практики жизни* равнодушно проходят мимо тех, которые голодают и философски причисляют к роковым законам экономической борьбы за существование позорные муки голодной смерти среди изобилия капиталистической цивилизации.

Представлять все гнусное безобразие этих позорных утех, знакомых всем классам общества с единственною разницею бесконечных вариаций в степени дороговизны и изящества, я не буду; кому они не известны, если не в натуре, то в любовных изображениях, названных мною юмористическими идиллиями бытовых сцен в живописи. Кто раз присутствовал при одной из этих гастрономических или вакхических оргий, тот не забудет, если он понимает, что значит любить и уважать, как больно ему было видеть этих разумных людей, унизивших себя до неразумной игры в насущные потребности.

Настоящих обжор и пьяниц, до того оскотинившихся, что действительно перестали понимать все прочие потребности воплощенного духа и, живя одними низшими потребностями ощущений, совсем усыпили в себе все потребности двух высших категорий, основанных на свойствах духа сознать и любить, очень мало; для большинства это один из способов убивать время, развлекаться, одно из многих привитых потребностей капиталистического строя жизни,

⁶ ...*воплощенное слово*... – В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог (Ин. 1, 1).

⁷ ...*в землю отойдет*... – Возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах возвратишься (Быт. 3, 19).

в котором горькое сознание богатства и чванливая выставка его заменяют собою трофеи блестящих побед, одержанных над экономическими противниками в борьбе за существование.

Конечно, так как ленивых духом, равнодушных апатичных грешников гораздо больше на земле, чем энергичных демонов, то и пороки детей земли носят большую часть печать рутины и пошлости; так и ребяческая игра в калейдоскопы ощущений, соединенных с едою и питьем, для большинства – простая привычка, навязанная им пассивным подчинением рутине жизни, а не активное стремление духа наслаждаться, играя этими низшими потребностями.

Нужно ли говорить о том, какая степень огрубелости духа нужна для того, чтобы, считая за высшую радость жизни хорошо поесть или напиться, не видеть глазами, не слышать ушами и не разуметь сердцем, какую ценою эта радость покупается.

Эта гнусная победа ощущений над сознанием и любовью есть одна из высших форм извращения духовной гармонии, при которой грешное человечество напрасно будет мечтать о возможности перемирия. Когда бог – чрево, перемирие невозможно: у всякого свое чрево, у всякого свой бог; при таких обстоятельствах борьба за существование – нормальное явление для фанатических поклонников чрева, что они и констатируют, гордясь и радуясь своему великому научному открытию.

Нужно ли говорить о том, какая степень тупоумия или жестокости нужна для того, чтобы неглупые люди с нормальной машиною мозга, не находя в том даже и наслаждения, а только пассивно следуя рутине или руководимые холодными расчетами жизни, по обычаю *мира сего*, тратили большие деньги на еду и питье, не сознавая среди окружающей нужды и страданий, какое лучшее употребление могла бы найти для этих денег разумная любовь или, не желая употребить их иначе, утишить скорбящих, поддержать правду, водворить добро?!

Очень часто они извиняют себя тем, что не могут всех осчастливить. Странная отговорка. Что бы вы сказали о враче, который отказался бы лечить под тем предлогом, что не может вылечить все человечество?! Вот до чего может не разуметь огрубелое сердце!

Теперь начинают придавать деньгам какое-то мистическое значение, признавая их за какое-то трансцендентальное зло, это прискорбная ошибка ультраматериалистического склада ума, не разумеющего, что деньги, как мертвая материя, сами по себе злом быть не могут. Люди, очень довольные найти новую отговорку, охотно делают из этого положения логический вывод, что злом делиться нехорошо и что лучше оставлять все деньги для себя. Что деньги не суть сами по себе добро, что ими нельзя уврачевать всякое зло, что бессистемная раздача их, как и всякое неразумное действие, ни к каким удовлетворительным результатам привести не может, что деньги, попадая в руки дурных людей, часто служат им орудием зла – все это очевидно и все это доказывает только одно, что неразумное – неразумно и что злая воля все обратит в орудие зла.

Деньги – и щит, и меч в зверской бойне капиталистического строя; неразумно бросать и то и другое, оставаясь среди сражающихся вместо того, чтобы воспользоваться и тем и другим, чтобы выбраться из свалки и защищать себя и себе подобных, лишь бы, защищаясь, действительно выбраться из свалки в безопасное место, а не наслаждаться борьбою под предлогом самозащиты.

Все это уловки ума, когда воля духа не подчиняет его любви. Когда любовью ум направлен на добро, человек легко поймет, на что и как употребить те деньги, которые раньше он тратил на пьянство и еду.

Одежда и жилище необходимы для воплощенного духа и как удовлетворение его физической потребности защищать свое тело от холода, жара и других атмосферических явлений, которые способны иногда быть вредны для организма или доставлять неприятные ощущения, и как удовлетворение нравственной потребности защищать свое тело исключительно от взоров тех, с кем не желаешь вступать в близкие отношения.

Злая воля обращает и одежду, и жилище, и всю домашнюю обстановку в настоящую выставку трофеев экономической борьбы, и так как зло всегда неизменно родит зло, то и чванство родит зависть, притворство, злословие, интриги и прочие неизменные спутники жизни по обычаю *мира сего*, проявляющиеся более грубо и откровенно в низших классах, более тонко и предательски – в высших.

Люди это сознают; иногда тяготятся этим и, не изменяя привычек жизни, бесплодно философствуют; чаще и из жилища, и из одежды, и из всей домашней обстановки устраивают себе увеселительные соревнования, на которые тратится масса времени и денег и в результате которых получается для одних озлобленное унижение, а для других – злобное торжество над униженным соперником.

Умение ослепить, затмить и достать нужные для того деньги, какими путями, все равно, лишь бы условные приличия не были нарушены, – называется умением жить. Какое настроение духа необходимо, чтобы уметь и желать так жить, нимало не интересуется сознательных и бессознательных материалистов, для которых жизнь духа ничто, а материальные декорации жизни все.

Нет возможности перечислить бесконечное разнообразие игрушек в форме физических, умственных и нравственных калейдоскопов, какими люди забавляются под предлогом жилища и одежды. Женщины, одетые в наряды, на которых горит клеймо легкомыслия и наглости, и эти наряды до того причудливо нелепые, что надо изрядное усилие воображения, чтобы вспомнить, что в этот странный футляр запрятано нормальное человеческое существо, а не уродливая кукла, сшитая из тряпок по прихоти модистки, эти добровольные олицетворения юмористических идиллий озабоченно снуют по магазинам, выбирают и советуются, пресерьезно воображая, что делают очень важное и серьезное дело, играя в эту детскую игру гостиной с переодеваниями.

Это достойные подруги жизни для тех мужей, которые, развлекаясь, со своей стороны, физическими и умственными калейдоскопами другого рода, озабоченно снуют по ярмарке жизни, спекулируя, интригуя, злобствуя и тоже воображая, что делают очень важное и серьезное дело, соединяя балаган с биржей. Эти мужья очень довольны этими женами, и эти жены очень довольны этими мужьями, находя, что биржа дает деньги для гостиной, а гостиная часто помогает сделкам на бирже; таким образом, обе игры удачно пополняют одна другую, сливаясь в один пестрый калейдоскоп жизни по обычаю мира сего.

И обстановку, и размеры игры варьируют до бесконечности, но суть жизни – все та же бездельная игра в пестрые калейдоскопы ощущений и добывание средств для этой игры; иногда самое добывание средств поглощает всю жизнь и само по себе обращается в деловую игру, еще более нелепую, чем все пестрые калейдоскопы ощущений, которые все же имеют приманку изящества.

Очень часто именно любовь к изящному и выставляют как оправдание громадных затрат на роскошь обстановки. Что любовь к изящному часто не играет при этом ровно никакой роли, видно из того, как редко среди аляповатой роскоши встречаются проявления истинно изящного вкуса и как редко изящное бывает оригинальным порождением личного вкуса хозяина, а не шаблонным произведением оплаченного ремесленника.

Допустим, что любовь к изящному не пустая придирка и что именно она заставляет богатого человека тратить все свои средства на роскошь, он не может не сознавать, что роскошь его обстановки – ничтожный оазис в безбрежной пустыне безобразной, уродливой нужды. Как бы он ни замыкался в своем изящном оазисе, обособляясь от окружающей нужды, безобразная жизнедейственность будет назойливо глядеть во все окна и щели его эдема, и он не может не понимать, что его изящная роскошь лишь лживая декорация, способная только рельефнее выявить всю безобразную уродливость нормальной нужды.

Чем более человек любит изящество, тем более, если огрубелое сердце не совсем разучилось любить и сострадать, он будет болеть сердцем за те миллионы людей, для которых не только все изящное – недоступная роскошь, но и самих обезобразила безобразная нужда. Для тех, кто утопает в роскоши, истинное понимание смысла и значения изящного не оправдание, а отягчающее вину обстоятельство, если он равнодушно проходит среди повсеместного безобразия жизни человечества, чтобы эгоистично, под замком, наслаждаться мишурным изяществом лживых декораций своего балаганного эдема.

Какая степень огрубелости сердца нужна для того, чтобы, выше всего боясь нужды и безобразия, выше всего любя роскошь и изящество, не заметить страдания тех, которых вся жизнь нужда и безобразиие!

Но есть еще высшая степень мрачной жестокости: я встречал таких людей, которые не только без стыда, но даже с оттенком хвастливого молодечества сознавались, что для них наслаждение увеличивается сознанием страданий других, что им особенно приятно, сидя у пылающего камина, сознавать, что есть несчастные – страдающие в эту минуту от стужи, что им особенно приятно сознавать, что в то время, как у них платье на шелковой подкладке и под ногами бархатный ковер, миллионы людей одеты в рваные дерюги и под ногами всего чаще имеют одну сырую землю. И эти люди, готовые променять любовь Бога и всего человечества на фантастическое ощущение шелковой подкладки, высокомерно обзывают наивными мечтателями тех, кто думает и чувствует иначе!!!

Говоря о позорных калейдоскопах, основанных на насущных, физических потребностях воплощенного духа, я не могу не упомянуть о самом позорном из всех этих позорных калейдоскопов, который с физическими потребностями не имеет в действительности ничего общего, говорить о котором в отделе насущных, физических потребностей позорно, не говорить о котором именно в этом отделе, говоря о позорной жизни по обычаю *мира сего*, невозможно; по пословице: *в чужой монастырь со своим уставом не входят*, а христианский устав, основанный на Божественном Откровении для грешного человечества, живущего по обычаю *мира сего*, несомненно устав чужой.

Я говорю о том, что принято называть *половыми потребностями* и, наравне с потребностями пить, есть, спать и одеваться, считается насущною физической потребностью человека. Мы подошли к вопросу, которого я уже не раз касался, говоря о страшной нравственной чуме – половой психопатии и ее многообразных проявлениях в литературе, искусстве и государственной жизни; к вопросу, на разъяснение которого, с точки зрения христианства, при свете, поведенной нам Божественным Откровением вечной истины правды Божией, я не могу достаточно настаивать.

Это вопрос жизненный, одно из самых резких проявлений хаоса мысли и чувства, это безусловно самое вредное из всех вредных последствий материалистического склада ума, для которого не может существовать никаких других потребностей, кроме физических, понимая их к тому же как роковые свойства материи; это главная причина современной приниженности духа, грубого разврата, невыносимой пошлости, жажды наживы во что бы то ни стало, озлобленного эгоизма, мрачного уныния и сознательного скотоподобия цивилизованного, интеллигентного человечества на всех ступенях цивилизации и интеллигентности, от наивных детей природы до наивных философов, которые все с трогательным единодушием считают свои похоти за естественные, насущные потребности и хаос жизни, эту хаотическую сумму проявлений индивидуальных похотей, за естественный порядок вещей с единственною разницею, что одни творят хаос жизни, успокаиваясь на том, что это судьба и воля Божия, а другие еще глубокомысленно изучают роковые законы этого хаоса, успокаиваясь на том, что это роковые законы физических и химических свойств материи.

Допустим на минуту, что действительно существует насущная физическая потребность, называемая физиологами и врачами половую потребностью, и посмотрим на то, что происхо-

дит кругом нас; постараемся открыть глаза, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать; для этого постараемся отрешиться от условной лжи общепринятых рутинных выражений, которые так искусно скрывают голую правду под обманчивой драпировкой приличия. Может быть, разумный дух сознает, что разврат не роковая потребность, а роковая ошибка, ужаснется своего унижения и уразумеет сердцем весь позор своего тупоумия, когда он в гордости своей считает себя умнее *воплощенного Слова*⁸ и свет своей науки ярче *Света от Света Небесного*.

Посмотрим, как относится интеллигентное человечество к удовлетворению этой *насущенной физической потребности*. Насущная физическая потребность воплощенного духа есть то, без чего он не может существовать в теле. Такую потребность необходимо удовлетворять беспрепятственно, государство обязано заботиться о том, чтобы народ не терпел нужды в этом отношении; общество должно смотреть на удовлетворение этой потребности как на нормальное, нимало не предосудительное явление и на тех, кто доставляет возможность другим удовлетворять эту потребность, как на достойных глубокого уважения филантропов, и на их деятельность как на самоотверженное служение общественному благу.

Насущная физическая потребность не может быть удовлетворена или не удовлетворена по произволу человека; она должна быть удовлетворена во что бы то ни стало. Если можно прожить всю жизнь, не удовлетворяя ее, она не имеет никакого основания называться насущной и признать ее таковою в жизни есть наивное невежество или условная ложь, а в науке – научное недомыслие или гнусный обман под покровом науки. Если признать, что нормальному человеку присуща половая потребность на степени насущной физической потребности, нельзя отрицать его естественное право удовлетворять ее во всякое время и со всяким живым существом, которое добровольно согласится на это. Такое свободное удовлетворение этой потребности с первым встречным, наравне с свободой купить съестные припасы и платье у всякого купца, принять приглашение на обед от всякого знакомого и нанять квартиру во всяком доме, еще не признано ни одним законодательством и всеми народами, на всех языках, называется развратом.

Может быть, что грешное человечество путем эволюции и дойдет до официального апофеоза разврата, в настоящее время оно только prepares этот новый подвиг человеческого ума научною санкциею разврата, возводимого в почетное звание насущной физической потребности, и широкою терпимостью с оттенком добродушного юмора к его разнообразным проявлениям в жизни.

На наших глазах происходит следующее.

Громадное, подавляющее большинство человечества считает разврат за насущную физическую потребность и вполне естественное нормальное явление. Оно создало себе на этом твердом основании самый излюбленный из всех увеселительных, пестрых калейдоскопов ощущений и увлекается им до полной потери самосознания, самодовольно уверяя себя, что этот калейдоскоп – вполне естественное, нормальное явление жизни, основанное на естественной, насущной, физической потребности, и распаяя этим самым калейдоскопом свое воображение до мании сладострастия на уровне половой психопатии, причем разврат становится действительно если не естественною физическою потребностью, то нормальным проявлением патологического состояния несчастного маньяка.

Человечество хорошо знает, что были и есть тысячи вполне нормальных людей, которые по разным причинам подолгу, а иногда и во всю жизнь, отказывали себе в удовлетворении этой *quasi*насущной, физической потребности без всякого ущерба для физического здоровья, хорошо знает и то, каким образом организм человека нормально функционирует при полном

⁸ ...воплощенного Слова... – В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть. В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков. И свет во тьме светит, и тьма не объяла его (Ин. 1, 1–5).

воздержании, при неблагоприятных условиях, при невольном воздержании по невозможности удовлетворить определенную любовную страсть или неопределенную похотливость, вызванную горячным бредом распаленного воображения, когда воздержание имело трагический исход, то было всегда психическое расстройство, душевная болезнь, под влиянием которой и происходили болезненные изменения в организме, а не наоборот; не тело влияло на дух, а дух на тело, что само по себе может служить достаточным доказательством того, что мы не только не имеем дела с насущной физической потребностью, но и с потребностью тела вообще, что эта потребность основана не на свойстве духа ощущать, и ощущение есть только сопутствующее явление, а не первопричина.

Человечество хорошо знает все это, но не желает останавливаться на этих живых доказательствах физической возможности воздержания, не желая ни расстаться со своею любимую утехой, ни признать тяжелую ответственность свободы злой воли.

Итак, общепризнанно, что разврат есть насущная физическая потребность, и человечество убежденно развратничает.

Казалось бы, удовлетворение насущной потребности не может вызывать ни восторженного одобрения, ни строгого порицания. На самом деле оказывается, что для мужчины разврат – подвиг и победа, для женщины – позор и поражение, и что вся эта пресловутая насущная потребность – простая игра, в которой и подвиг, и позор – простые условия игры, на которые ставятся крупные ставки. В действительности, в глубине души все человечество убеждено, что самая суть этой потребности – постыдная скверна и, несмотря на все свои умствования, глубоко презирает развратников и не может заставить себя не уважать высокую добродетель воздержания, хотя и считает за доблестное молодечество глумиться над нею на словах.

Признавая разврат одновременно и чем-то постыдным, и насущною физической потребностью, человечество обрекает себя на неизбежное унижение сознавать постыдными и себя, и свою жизнь. Нельзя признать постыдным какой-либо орган своего тела, не теряя уважения к себе, нельзя признать постыдным какое-либо действие, не признавая позорную жизнь того, который это действие совершает. Оказывается, что признается насущною потребностью человека то, что удовлетворять он не может без чувства жгучего стыда, и что стыд, эта естественная помеха беспрепятственному удовлетворению этой насущной потребности, всеми признается за явление нормальное, что нужна долгая практика разврата, чтобы отделаться от чувства стыдливости, что человек, и тем более женщина, потерявшие это чувство, внушают не уважение, а презрение и даже отвращение.

Что бы вы сказали о человеке, который стыдился бы сознаться, что он хочет есть, пить, купить такое-то платье или нанять такую-то квартиру; очевидно, это было бы болезненное явление и опасная мания, при которой легко можно было бы умереть голодною смертью. Если признать разврат за насущную физическую потребность, необходимо признать стыд за ненормальное, болезненное явление и обратить серьезное внимание на то, чтобы человечество возможно скоро и радикально было излечено от опасной мании стыдливости; необходимо признать проституцию за почетный и полезный промысел, а даровой разврат – за общественную заслугу и примерную филантропическую деятельность.

И вот, на этой *постыдной, насущной, физической потребности*, которую одновременно считают и подвигом, и позором, и радостью, и стыдом, человечество и основало свои излюбленные утехы, те роскошные в своей пестроте калейдоскопы ощущений, о которых с юношеских лет упорно и упоительно мечтают. Действительно, роскошные калейдоскопы этого рода очень дороги и встречаются разве в гаремах Востока. Интеллигентное человечество довольствуется калейдоскопами низшего разбора и, стыдясь мизерной пошлости своих мальчишеских шалостей, развратничает по темным уголкам, беспощадно хвастаясь своими постыдными подвигами.

Такие люди, так понимая жизнь, свои насущные потребности и любимые утехи, не могут иметь ни чувства собственного достоинства, ни сознания разумности жизни, ни любви, ни уважения к тем, которые под разными названиями являются законными или незаконными пособниками их постыдного разврата.

Многие, я знаю, не согласятся со мною на том основании, будто признание половой потребности за насущную физическую потребность не совпадает с признанием необходимости разврата и что развратом называются излишества, а не разумное, умеренное удовлетворение потребности; но и это пустая уловка злой воли. Излишества так и называются излишествами, а не развратом. Разврат совсем и не предполагает роковой необходимости излишеств. Человека, который вообразив, что плотское общение – безразличная насущная физическая потребность, будет вступать в такие интимные отношения со всяким встречным человеческим существом, которое изъявит на то свое согласие, нельзя не называть развратником, хотя бы он не только не впадал в излишества, но даже соблюдал с физиологической точки зрения строгую умеренность.

Со стороны тех, кто *умеренно развратничает*, то вступая в так называемые любовные интрижки, то покупая продажные ласки, не считать себя при этом развратником – наивное недомыслие того, кто совсем забыл научную истину правды Божией и веровал живою верою в научные сказочки, чтобы жить по обычаю мира сего, беспрепятственно творя свои похоти.

Говорить подробно о том, как учит нас понимать плотские вожделения Божественное Откровение, в настоящей главе неуместно; скажу только, что, по учению Христа Спасителя и Его апостолов, никакой насущной физической, половой потребности не существует, *всякий взгляд вожделения на первую встречную женщину – разврат*⁹, вырвать и отбросить далеко от себя всякую причину соблазна – разумная обязанность христианина, и девство не только лучше разврата, но даже и *лучше законного, честного супружества*¹⁰.

Зачем же, изменники Христу, вы, продолжая называться христианами, в жизни так нагло издеваетесь над вечною истиною правды Божией, которую не знать вам постыдно, когда вы грамотны и можете прочесть святую Библию. Но вы бежите от света, возлюбив тьму, чтобы не обнаружились язвы ваши, потому что вы не хотите исправить жизнь вашу и восстановить нарушенную гармонию духа. В глубине души вы трепещете и глубоко собою недовольны; чтобы не покаяться смиренно и не принять святое иго, которое *благо и легко есть*¹¹, вы притворяетесь верующими в услужливую науку, которая готова всякую самую гнусную похоть вашу признать за насущную физическую потребность, и в столь же услужливую медицину, которая, на все смотря исключительно с точки зрения тела и правильности его отправлений, часто дает изумительно наивные по своей узости и односторонности советы, становясь для воплощенного духа опаснее врага.

И внутреннее сознание, и ежедневный опыт жизни неизменно доказывает вам недомыслие и лживость вашей науки и вашей медицины, когда они расходятся с вечною истиною правды Божией. Разве сознание стыда не указывает вам ясно, что вы имеете дело не с насущною физическою потребностью, а с нравственною потребностью любить и быть любимым, причем физические ощущения только сопутствующие условия, при которых дух испытывает высокое счастье наслаждаться наслаждением любимого существа.

⁹ ...*всякий взгляд вожделения на первую встречную женщину – разврат*... – А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем (Мф. 5, 28).

¹⁰ ...*лучше законного, честного супружества*... – Говорят Ему ученики Его: если такова обязанность человека к жене, то лучше не жениться. Он же сказал им: не все вмещают слово сие, но кому дано, ибо есть скопцы, которые из чрева матерного родились так; и есть скопцы, которые оскоплены от людей; и есть скопцы, которые сделали сами себя скопцами для Царства Небесного. Кто может вместить, да вместит (Мф. 19, 1–12).

¹¹ ...*благо и легко есть*... – Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас; возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим; ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко (Мф. 11, 28–29).

Разве вы не понимаете, что это не будет развратом только в том случае, если любовь так велика, что превышает чувство стыда, не теряя ни на минуту уважения и готовности пожертвовать радостью ощущений, если это необходимо для блага любимого существа. Разве вы не понимаете, что и в этом случае, как и всегда, гармония духа состоит в том, чтобы любовь подчиняла себе и разум, и ощущение; что, если любовь действительно первенствует, разум ограждает любимое существо от всякого зла и заставляет молчать жажду ощущений, когда это нужно для блага воплощенного духа, горячо и свято любимого! Разве вы не понимаете, что, когда правда этой святой гармонии духа нарушена и законное место любви занимает, как самозванный узурпатор, сознание или ощущение, вместо чистой, святой, невинной радости, мы имеем дело с гнусным развратом, который неизменно гнусен, сознателен он или бессознателен, является он результатом *разумного удовлетворения половой потребности* или *непреодолимого влечения горячего темперамента*! Разве вы не знаете, что в том же человеке, сообразно настроению духа, не только изменяется темперамент, но именно под влиянием высокого вдохновения и даже глубокой личной любви, когда эта любовь восстановила святую гармонию духа, самый горячий темперамент способен на бессрочное воздержание! Разве вы не знаете, что высшее страдание в подвиге воздержания состоит не в физической боли, не в тяжелых ощущениях и не болезненных явлениях, а в страшном сознании холодного одиночества среди всех этих миллионов душ живых, из которых ни одной не любишь или не можешь любить до радостного единения в плоть едину; в страшном сознании, что ни для кого не нужно это тело, к которому так крепко прикован дух, и никому не доставит высшую радость земных ощущений?! Разве вы не знаете, что именно эти побуждения нравственного порядка делают из воздержания трудный подвиг для тех, у кого воздержание добровольно, а не физические страдания тела, отправления которого могут быть совершенно нормальны?! Разве вы не понимаете, что девство лучше супружества именно потому, что среди грешных детей земли, живущих по обычаю мира сего, так трудно найти человеческое существо, которое можно было бы любить святою любовью, не изменяя при том любви к Богу и ближнему, так трудно на святую любовь найти ответную святую любовь, так трудно любить и быть любимым, не нарушая святую гармонию духа?! Разве вы не понимаете, что, признавая в человеке насущную половую потребность, вы на место святой любви узакониваете гнусный разврат со всеми его логическими последствиями? Разве вы не понимаете, что, признавая *половую потребность*, вы отнимаете у человека всякий разумный повод воздерживаться от приятных ощущений и распалять свое воображение, что вы таким образом искусственно создаете воображаемую потребность, хорошо зная, как трудно ее удовлетворить, не унижая себя и других до уровня скотоподобных двуногих, у которых ощущение первенствует над разумом и любовью?! Разве вы не понимаете, что надо выбрать между Христом, отрицающим половую потребность, и вашей наукою, ее создающей?! Разве и сознание, и жизнь не говорят вам громко, что наука ошибается или лжет, а Спаситель мира говорил вечную правду, когда он предрекал, что тот, кто не удаляет причину соблазна, обрекает все тело свое быть ввержено в геенну огненную; разве вы не видите, что даже тут, на земле, вы и ваши дети ввержены в геенну половой психопатии?!

Неужели вы, интеллигентные люди, гордые своею наукою, своим самосознанием, блестящими подвигами своего ума, не понимаете всего этого?! Или и вы сомкнули глаза свои и закрыли уши, чтобы не уразуметь огрубелым сердцем, что Христос умнее вас и что свет вашей науки – тьма перед *Светом от Света Небесного*?!

И человечество пребывает во тьме; считая разврат своим естественным, неотъемлемым правом и насущною, физической потребностью, оно созидает на нем свои гнусные утехы, свои позорные калейдоскопы ощущений, распалая ими воображение, искусственно прививая себе воображаемую насущную потребность и наивно изучая проявления ими же созданного явления в жизни с научной точки зрения; успокаивая свою совесть научными выводами из наблюдений над собственными похотями, они храбро бросаются и детей своих бросают в омут жизни,

весело купаясь в волнах порнографии, пока болезненно распаленное воображение не затянет их окончательно в пучину половой психопатии; там будет плач и скрежет зубов, но это не пугает тех, кто верует в науку живою верою и готов стать гордым мучеником науки и жизни по обычаю мира сего, лишь бы не взять крест свой и не идти смиренно за Христом.

Других многочисленных утех, основанных на развлечении духа пестротой ощущений, я перечислять не буду, скажу только несколько слов о самой изумительной, бессмысленной и в то же время распространенной из всех утех современного человечества.

В погоне за пестрыми игрушками человечество, находя, вероятно, что утех, основанных на приятных ощущениях, все еще недостаточно и что утех эти нельзя иметь при себе в каждую минуту, причем все же есть опасность для духа сознать реальность скорби мировой и, может быть, задуматься над ее таинственным смыслом, грешное и грехолюбивое человечество придумало себе такую игрушку, которую оно всегда может иметь при себе, нося ее в кармане и развлекаясь ею ежеминутно; эта игрушка основана на неприятном ощущении и вредна для организма, но и это не останавливает желающих развлекаться во что бы то ни стало; при доброй воле неприятное ощущение превращается привычкой в приятное, и человечество готово признать и эту скверную похоть за насущную физическую потребность. Эту вредную, бессмысленную и неприятную для других похоть называют курением табака.

И наука и здравый смысл говорят, что человеку полезно дышать чистым воздухом без вредной примеси дыма; теперь многие врачи признают, что табак особенно способствует развитию рака и что с распространением вредной привычки курения махорки крестьяне все чаще заболевают раком на губах, языке и в гортани, присовокупляя, что самые дорогие сорта «Гавана» не уступают во вредности дешевой махорке. Жизнь на каждом шагу убеждает нас, что под влиянием этой дурной привычки люди проводят большую часть жизни в клубах дыма, вдыхая в себя вредную копоть, что особенно ухудшает гигиенические условия тесных помещений людей бедных; убеждает нас и в том, что, привив себе эту новую, грязную, глупую и вредную потребность, человек делается ее рабом и испытывает реальные страдания, когда лишен возможности удовлетворять эту фантастическую похоть; что под ее влиянием люди не особенно грубые теряют способность понимать, насколько неделикатно предаваться удовлетворению этой гадкой потребности, не стесняясь присутствием тех, которые любят дышать чистым воздухом, как разумно и естественно нормальному существу, не извратившему своей природы, а люди не особенно глупые – теряют способность мыслить без возбуждения мозга непрерывным курением и, даже, сознавая это, теряют способность понимать, что это порок, а не достоинство курения.

Несмотря на все это, люди взрослые, солидные и вполне уверенные в своем благоразумии платят деньги за игрушки, сделанные из сушеных листьев вонючей травы, не гнушаются брать эти вонючие игрушки в рот, зажигают их с одного конца и вдыхают смрадный дым от тлеющей травы с другого, глотают этот дым и затем выпускают его из ноздрей и рта, наполняя этим дымом жилые помещения; и этою глупую, комическую, ребяческую игрою не стыдятся тешить себя публично под тем предлогом, что она стала для них непреодолимою манией, которую они любовно обзывают приятною потребностью.

Если присовокупить к тому, что по большей части привыкают курить юноши из желания вкусить запретного плода, а взрослые люди, сознавая, что поступают глупо, не имеют достаточно силы воли, чтобы не делать этой сознательной глупости, мы получим довольно ясное понятие о настроении духа, при котором можно начать, привыкнуть и продолжать курить.

Вот уж воистину утех, достойная тех, кто всякую похоть свою считает за насущную потребность, нарастание потребностей признает за признаки прогресса, а роскошное удовлетворение этих потребностей за конечную цель цивилизации. Это одно из самых интересных и разительных проявлений увеселительной психопатии.

Грешное человечество именно потому и грешное, что злая воля извратила гармонию духа, неизменно живет прямо противоположно воле Отца Небесного, выше всего ставя свойства духа ощущать, делая рабом ощущения сознание и затем позволяя себе любить настолько, насколько любовь не мешает ни властному ощущению, ни послушному рабу его – сознанию. Неудивительно, что и утехи грешного человечества представляют эту же градацию; большая часть из них ласкает ощущения, за ними следуют утехи сознания, умственные калейдоскопы, будто бы удовлетворяющие умственные потребности интеллигентного общества, на самом деле только забавляющие ум пестрыми сочетаниями мыслей в игрушечного дела калейдоскопах. На последнем месте стоят утехи этические, которые для грешного человечества в большинстве случаев состоят в реальном ласкательстве его излюбленных пороков и забавной игре в добродетели, до которых далеко огрубелым сердцам верных друзей *мира сего*.

Говоря об умственных калейдоскопах, я не буду говорить о серьезных занятиях наукою, литературою или другим каким умственным трудом, имеющим какую-либо определенную полезную цель, хотя и этот полезный труд очень часто принимает характер умственного пьянства, которое ни полезно, ни разумно быть не может.

Свойство духа сознать не имеет пределов и разумно ставить себе пределы, как делают то позитивисты, не может. Разумный человек не может задушить в себе сознание, что абсолютная истина бытия одна и что он ее или знает, или не знает; он не может морочить себя нелепою побасенкою об относительной истине, не может не сознать, что всякая относительная истина будет действительно истиной только в том случае, когда она вполне совпадает с истиной абсолютной, относясь к ней, как часть к целому, не может не сознать, что для решения вопроса о том, насколько истина относительная согласна с истиной абсолютной, надо их сравнить между собою, а для того, чтобы это сделать, надо знать абсолютную истину. Он не может не понимать и того, что если свойство духа сознать границ не имеет, способность органов чувств обманывать это сознание и способность ума человеческого впадать, благодаря этим обманам, в самые грубые ошибки, тоже безграничны.

Какой же разумный человек не поймет, созная все это, что все человеческие познания, основанные на опыте обманчивых органов чувств, не более как гипотезы, достоверность которых не может быть проверена без знания истины абсолютной.

Абсолютная истина бытия не может быть известна человеку, если она не поведана ему Божественным Откровением. Если человек отказывается верить в Божественное Откровение, он не может не сознать, что отказывается с тем вместе и от возможности знать абсолютную истину бытия, и от возможности сравнить свою новую научную гипотезу с этой неизвестной ему абсолютной истиной, и от возможности удостовериться, что его новая научная гипотеза не новый научный обман и абсолютная ложь.

Отказываясь верить в Божественное Откровение, человек отказывается от возможности разумно удовлетворить единственную истинно насущную потребность сознания – познать абсолютную истину и обрекает себя на бесцельную умственную игру бесконечной перетасовки гипотез. При таких обстоятельствах всякая наука обращается в ребяческую утеху, научный пасьянс, пестрый умственный калейдоскоп, способный разве опьянить человека до потери сознания своего абсолютного невежества, а не удовлетворить разумно его насущную потребность познать абсолютную истину бытия.

Всякая умственная работа, не основанная на источнике знания абсолютной истины и сравнения с этой абсолютной истиной результатов опытов наших обманчивых органов чувств, не есть полезный и разумный умственный труд, а просто бесцельная игра, научный спорт. Говоря по-христиански, разумный дух, который основывает свои познания на способности ощущать (опыт) и сознать (обобщение), не принимая в расчет источник ощущения и сознания: любовь Бога Творца, в которой и заключается конечная причина и разумный смысл бытия

мира, нарушает гармонию духа и делает грубую логическую ошибку, не принимая в расчет главный фактор познания и стройной гармонии мира.

Нет двух истин, религиозной и научной, как нет и трех отдельных миров: физического, умственного и нравственного, а есть только единая, абсолютная вечная истина правды Божией и единый дух, способный ощущать, сознать и любить; есть и единая абсолютная гармония духа, когда, согласно вечной истине правды Божией, он имеет добрую волю подчинить ощущение сознанию под верховным главенством любви.

Когда в погоне за истиной разумный дух сделал сознание рабом ощущения и знать не хочет о любви, он извратил гармонию духа, потерял ключ к уразумению гармонии мира, и огрубелый дух его, не разумея любви Творца, не способен уразуметь ни гармонию общего плана мироздания, ни гармонию частей единого гармонического целого.

Если грешное человечество, без света веры, обречено на бесцельный умственный пасьянс даже и тогда, когда воображает, что разумно удовлетворяет свои умственные потребности, само собою понятно, до чего ребячески наивны его умственные утехы, игрушечного дела калейдоскопы, основанные на свойствах духа сознать.

Любя жизнь по обычаю мира сего, грешное и грехолюбивое человечество не может, желая развлекаться, искренно желать утолить жажду сознания, познав абсолютную истину. Искреннее желание удовлетворить насущную потребность духа, сознать абсолютную истину, непременно приведет к разумению того, что вне Божественного Откровения нет и быть не может источника познания абсолютной истины, непременно приведет к непреодолимой жажде, заставит испить из единого источника воды живой и, испив из него, окончательно погрузиться во тьму отчаяния мрачного неверия или, познав свет веры, если ожесточение злого сердца тому не помешало, отказаться от наивной глупости жизни по обычаю мира сего, чтобы жить по вере согласно единой разумной вечной истине правды Божией.

В действительности, грешное человечество не только не стремится познать абсолютную истину, но, не принимая Божественное Откровение, не может даже разумно верить в возможность познать ее. Оно может только развлекаться пестротой умственных калейдоскопов, что оно и делает, называя потерю времени на этот умственный спорт – жизнью, достойною интеллигентного человека, а навык ловко владеть этою игрушкой – высокую степень интеллигентности.

Этих умственных калейдоскопов очень много, к этим утехам, основанным на свойстве духа сознать, относятся и так называемое легкое чтение, и литературные собрания, и театральные представления, и карточная игра.

О характере и влиянии легкого чтения мы говорить не будем. В главе о литературе мы уже познакомились с общим колоритом и самыми выдающимися признаками времени, определяющими господствующий характер романов и поэзии. Мы видели, как малополезно для читателей любоваться своими пороками и безобразием в этих обманчивых зеркальцах жизни, как наивно воображать, что можно с пользой для самосознания изучать законы жизни несуществующего общественного организма по лживым литературным документам и как мало способно самое талантливое изображение бесформенного хаоса жизни по обычаю мира сего водворить порядок в уме, свободном от понимания стройной вечной истины правды Божией и гармонию в сердце, свободном от любви к Богу и ближним.

Многие убеждены, забавляясь этими литературными калейдоскопами, что делают полезное дело и заслуживают за то всеобщее уважение и благодарность; в действительности единственный результат этой умственной игры тот, что в мозгу становится очень пестро и дух обманут этой суетливой работой мозга до потери сознания полной неудовлетворенности насущной потребности духа познать абсолютную истину.

Истинная потребность духа не удовлетворена, и вся эта игра сознания сводится на физическое развлечение бесцельною гимнастикой мозга. Если бы это была не пустая игрушка, мы

бы не видели этого позорного разлада между литературными симпатиями и строем жизни; человек составил бы себе определенное понятие о жизни человечества и стал бы к ней в определенное отношение, он не мог бы, как это мы теперь видим постоянно, в определенные часы дня жить сознанием, а в остальное время, спрятав его куда-то, как ненужную вещь, убежденно отдаваться рутине жизни по обычаю мира сего.

Конечно, и это не общее правило, обязательное для всего человечества; таких общих законов, обязательных для всех воплощенных душ живых не существует, как нет и того сказочного общественного организма, который будто бы живет одною общею жизнью, подчиняясь деспотизму этих самозародившихся роковых законов, как тому горячо желает верить грешное человечество, чтобы взвалить всю ответственность с себя на этот фиктивный организм и его деспотические законы.

Человек, имеющий определенное мировоззрение и идеал, особенно же тот, кто разумно черпает воду живую для утоления жажды сознания в едином источнике познания абсолютной истины, может поиграть литературным калейдоскопом не только без вреда, но даже с пользой для себя. Пестрота впечатлений от этой игрушки совсем не такое роковое обстоятельство, под влиянием которого непременно водворится пестрота в сознании и человек погрузится в состояние невменяемости; напротив, имея определенные верования, человек не сотворит себе кумира из литературного калейдоскопа, не будет благоговейно изучать законы сочетания пестрых пятен в этой игрушке, а только удостоверится, что эта игрушка пестра, что от нее голова заболеть может и что никаких стройных законов в хаосе этой пестроты не только изучать нельзя, но даже искать наивно; удостоверится в том, что, если верно отражена жизнь в литературе, если действительно пестрый хаос калейдоскопа соответствует пестрому хаосу жизни, разумно жить среди этого хаоса невозможно и жизнь надо упорядочить.

Когда никакого определенного мировоззрения нет, не с чем сравнивать хаос и можно принять его, при большой дозе наивности, за общественный организм, а пустое развлечение умственным калейдоскопом за важное дело изучения роковых законов машинообразной жизни, этого пресловутого общественного организма.

В литературных собраниях имеют дело с чтением или декламацией небольших отрывков той же литературы; само собою, образчики хаоса не более поучительны, чем целое произведение, от которого они оторваны, и детская игра в этот литературный винегрет еще более бесцельна, чем опьянение ума литературою.

Конечно, и литературные чтения, и влияние этих чтений на публику так же разнообразны, как бесконечно разнообразны сложные оттенки настроений духа устроителей, чтецов и публики. Бывает, что устроители литературного собрания задаются целями более высокими, нежели пустое развлечение сознания; бывает, что талантливый чтец заставляет публику обратить внимание на светлую мысль, заставляет ее пережить высокое чувство; бывает и то, что публика выходит потрясенною и остается под обаянием усвоенной мысли, пережитого чувства несколько минут, пока хаос жизни не заглушит эти звуки души своим оглушающим шумом.

По большей части и устроители, и чтецы, и публика смотрят на литературные чтения исключительно как на интеллигентное развлечение умственным калейдоскопом, нимало не задаваясь целями пользы для сознания. Оно и быть не может иначе для людей, которые не только не имеют ни малейшего основания предполагать, что обладают познанием абсолютной истины, но даже не могут и разумно искать ее, отказываясь верить в единый источник познания ее – Божественное Откровение.

При таких обстоятельствах нет знаний, а есть только гипотезы, нет твердых убеждений, а есть только временные увлечения более или менее блестящими парадоксами, нельзя поучать, а можно только развлекать. Большинство находится именно в этом печальном положении. Отказываясь верить не только в Божественное Откровение, без которого нет возможности разумно искать познания абсолютной истины бытия и смысла земной жизни человека; отка-

зываясь верить даже в самое существование Бога разумного, без которого невозможно признать разумно не только разумную стройность мироздания, но и разумность человека, этого ничтожного атома мирового хаоса, большинство современного интеллигентного человечества обрекает себя мыслить одними гипотезами, говорить парадоксами и всю работу сознания низвести на уровень забавного спорта, бесцельного развлечения игрушечного дела умственным калейдоскопом.

Есть люди, которые сознают это, не обманывают себя и свои гипотезы называют гипотезами, парадоксы – парадоксами и не только не мечтают наивно научить человечество познанию абсолютной истины, но даже совершенно логично, не признавая источника познания абсолютной истины, не признают и для самих себя возможности познать ее. Большинство не доросло до этой степени самосознания и, отказываясь верить в Божественное Откровение, этот единственный источник на земле познания абсолютной истины бытия, наивно называют каждую последнюю гипотезу – великою научною истиной, свои парадоксы – неопровержимыми доказательствами и умственные развлечения – научными изысканиями.

Очень интересный пример в этом отношении представляет книга Макса Нордау «Парадоксы». Эта умная заблудшая овца, известная своею блестящею критикою жизни по обычаю *мира сего*, изложенной в очень замечательном произведении, озаглавленном «Условная ложь культурного человечества», вполне сознает, что, не веруя ни во что, кроме собственного разума, он не может познать абсолютную истину и разумно искать ее. На этом писателе особенно ясно видно, до какой степени самый блестящий ум и несомненная талантливость не способны, без света веры, упорядочить хаос мысли и чувства и тем более дать возможность создать сколько-нибудь разумную программу упорядочения хаоса жизни. У него хватило ума на отрицательное отношение к строю жизни, очевидно нелепому и лживому, но, когда он захотел поделиться с современниками собственными мыслями и чувствами, он создал только блестящий хаос блестящих парадоксов и очень умно поступил, назвав это сочинение «Парадоксами».

Не так посмотрел на дело наивный русский переводчик; сочинение, в котором прямо отрицается возможность познания истины и все человечество разделяется на пессимистов и оптимистов, способных только заблуждаться, окрашивая все лживым светом своего субъективного настроения, он с трогательною наивностью назвал «В погоне за истиной».

Людей, достигших степени самосознания М. Нордау, очень немного; подавляющее большинство равняется по наивности его переводчику, неизменно обзывая гипотезы – истинами, парадоксы – доказательствами и воображая, что могут поучать, когда в действительности могут только развлекать блестящими парадоксами. Эти наивные люди часто принимают самые бессмысленные литературные утехы за полезные занятия, воображая, что разумно удовлетворили свои умственные потребности, когда на самом деле развлекались пестрым литературным калейдоскопом, где было всего понемножку: и изящество формы, и блестящие парадоксы, и опозитизированные пороки, и осмеянная добродетель, и польщенный шовинизм, и ехидный политический намек, только одного не было: попытки утолить жажду сознания хоть каплею воды живой из источника абсолютной истины. Они и это готовы обозвать погоней за истиной; согласиться с ними можно только понимая их в смысле охоты за истиной, причем очень часто удается убить сознание своего абсолютного невежества, забавляясь литературными утками в болоте жизни по обычаю *мира сего*.

И театральные представления, эти зрелища по преимуществу, имеют тоже очень большие притязания и очень мало действительно полезного значения для жизни и настроения духа человеческого. По большей части это пустые развлечения, при помощи которых грешное человечество убивает время и сознание томительной тоски бесцельного земного бытия.

Об опере и оперетке я уже говорил по поводу музыки в главе об искусстве. Мы видели, что современная опера гораздо чаще поэтизирует порок, чем относится сочувственно к доб-

родетели, и сцена служит важною помехою, а не полезным пособием для того, чтобы дух на крыльях музыки мог вознестись в таинственную область высоких, светлых чувств; мы видели и то, что оперетка есть гнусное сочетание юмора и порнографии, положительно вредное для современных *добродушных весельчаков*, страдающих половую психопатией и без того очень склонных сочувствовать Хаму и признавать разврат за милую шалость. Добавлю только, что злобредность этой юмористической проститутки нимало не искупается ни идейностью содержания некоторых из опереток Оффенбаха, ни обворожительною прелестью мелодий. Напротив, и то и другое только увеличивает завлекательность искушения и дает повод защищать полезную роль сетей *лукавого* в общей гармонии *культурной* жизни по обычаю мира сего.

Другой род представлений, о которых тоже неуместно говорить в разряде умственных утех, – балеты и пантомимы; последнее время они снова начинают входить в моду; нечего доказывать, что это физические калейдоскопы, имеющие целью забавлять зрение, балеты с оттенком позорной порнографии, пантомимы с оттенком самого грубого и часто изысканно пошлого юмора, все это под обманчивою позолотою искусного исполнения и изящной обстановки.

Из двух представительниц драматического искусства трагедия получает все более и более реалистический характер, а комедия проявляет решительную склонность обратиться в юмористическую идиллию. Первая, стремясь воспроизвести хаос жизни во всей наготе ее реального безобразия, отказывается служить человечеству, выставляя перед ним положительные типы, что она делала хотя и очень топорно в эпоху ходульных героев, очаровательных героинь и нравоучительных эпилогов. Теперь полезность трагедии ограничивается сосредоточиванием внимания на деталях пестрого хаоса жизни, выделяя в театральную рамку то, что, с точки зрения автора, заслуживает особого внимания. Точки зрения авторов очень разнообразны, сходясь только в одном – полной отрешенности от христианского мирозерцания. Конечно, и тут произведения новоявленных искателей Христа составляют отрадные исключения из общего правила, но до сих пор возбуждают более удивления, чем сочувствия.

Комедия давно отказалась от бичующего, грубого юмора, который, изображая смешные стороны характеров и жизни, нещадно бил, громко приговаривая, что так не должно быть. Для этого нужны твердые убеждения и совершенно определенные нравственные понятия. В наш век гипотез и беспринципности комедия обратилась в юмористическую идиллию, где есть над чем призадуматься, есть на чем и помириться, если долго задумываться не желаешь и в конце концов выносишь назидание, что, может быть, оно так и быть должно. Очень любимы публикою водевили и шутки, притом тем более любимы, чем более нелепо содержание и пошлы подробности; авторы давно подметили это и, как подобает *трезвым практикам*, хорошо знакомым с *роковыми законами рынка*, стараясь угодить и превзойти, дошли до полного воздержания от всякого смысла и такой фантастической пошлости, что настало время среди всевозможных выставок и конкурсов устроить конкурс пошлых нелепостей, который наверно нашел бы своих тонких ценителей среди современных культурных спортсменов.

Место, занимаемое курением среди физических утех, мы должны отвести по праву, говоря об умственных утехх, картам. Это тоже перл и одно из самых замечательных проявлений увеселительной психопатии.

По целым часам люди, которые не только себя считают, но и другими признаются здравомыслящими, убивают время следующим образом. Они сидят за зеленым столом с кусками картона в руках, каждый кусочек картона имеет условное значение, означенное с одной стороны, тогда как с другой стороны все эти кусочки картона обманчиво схожи. Правдивую сторону картона любовно оборачивают к себе, ревниво охраняя ее от взоров товарищей по игре, а обманчивую сторону обращают к другим. Весь интерес игры заключается в том, чтобы, забыв абсолютную бесполезность этого занятия, сосредоточить все свое внимание на том, как бы воспользоваться данною комбинацією карт в ущерб другим и на пользу себе.

Эра игр, вполне достойная рыцарей капитализма. Как в жизненной борьбе за существование, они не только считают дозволенным, но даже похвальным прибегать ко всяким хитростям, интригам и подвохам, лишь бы не был нарушен буквальный смысл закона, так и в этой игрушечной борьбе умение обманывать и притворяться считается особенно ценными качествами, лишь бы были соблюдены условные правила игры.

Человеку, не одержимому картоманией, горько и обидно видеть играющих, если он имеет к ним хотя немного чувства любви и уважения. Их глубокомысленная сосредоточенность во время развлечения ума этим игрушечным калейдоскопом представляет из себя самое жалкое зрелище; в эти минуты – это положительно маньяки, глубоко убежденные в мировом значении той нелепости, которая стала предметом их мании. Это жалкое зрелище превращается иногда в отвратительное, когда вы видите этих взрослых людей, теряющих в пылу игры всякую меру, доходящих до состояния невменяемости; в эти минуты они не только считают себя вправе грубо обращаться с теми, кому вне игры они не имеют причины отказывать в уважении, но даже не стыдятся доходить до бешенства, возвышая голос до угрожающих криков и словами и взглядами выражая всю силу своей неприязни. Это называется быть серьезным игроком и не считается особенно предосудительным; как мало, однако, надо не только любить и уважать человека, но даже только желать иметь право любить и уважать его, чтобы не считать это позором для него.

Какая степень холодного равнодушия нужна к Богу и ближнему, чтобы мириться с этим позорным унижением образа и подобия Божия, обзывая это позорное настроение духа и не менее позорное поведение – извинительную слабость! Какая высокая степень злобного презрения к человеческой личности нужна для того, чтобы, не признавая это даже и за слабость, нуждающуюся в извинении, говорить, что это безразличное, нормальное явление культурной жизни!

Не все, конечно, так серьезно относятся к этой вредной и безнравственной игрушке; многие сознают, что это игрушка, а не серьезное дело; это, конечно, умнее и не так позорно для общего настроения разумного духа; во всяком случае, это не умно и не полезно, как бессмысленное убивание времени, обманчивая гимнастика сознания и искусственное отвлечение воли духа от более светлых и высоких мыслей и чувств.

В конце концов, эта игра, строго выдержанная в духе капиталистического строя, имеет и свою игрушечную биржу в эпилоге. Происходит денежная расплата. Победители, сумевшие воспользоваться благоприятными обстоятельствами на пользу себе, взимают дань с побежденных, менее счастливых или менее ловких. Принять эту денежную подачку, эту премию за хитрость и изворотливость, т. е. порочность или за ничем не заслуженное счастье, т. е. несправедливый случай, не только не считают постыдным под тем изумительным предлогом, что каждый из участников игры может быть в том же положении, но даже очень рады, когда удастся разыграть эту роль героя наживы.

Когда настроение духа позорно, вся жизнь человека позорна, не могут не быть позорны его утехи и нет границ позора для свободной воли грешного духа. Так и тут. Игра в карты – позорная утеха для разумного духа, опьянение ума пестротой самого бессмысленного из всех умственных калейдоскопов, но по степени позорности есть целая лестница карточных игр, постепенно спускающаяся от позора беспечного убивания времени до позора свирепой мании серьезной игры, до еще большего позора зверской алчности разорительной азартной игры, этого публичного грабежа по взаимному соглашению, доходя, наконец, до позорной профессии, основанной на эксплуатации глупости и порочности ближнего.

И карточная игра наравне с курением табака – одно из самых поучительных и разительных проявлений увеселительной психопатии, этой болезненной жажды грешного духа развлекаться во что бы то ни стало, заглушая в себе всякими способами страшное сознание своей греховности и разумного смысла земного бытия. Эти два наиболее уродливых явления куль-

турной жизни, по обычаю мира сего, до того вошли в привычки, что никто не возмущается ими и не считает позорными.

В наш век развязных адвокатов находит себе защитников и карточная игра. Насколько полезно просидеть неподвижно за карточным столом весь вечер и часть ночи тому, кто целый день сидел в канцелярии, конторе или кабинете, настолько извинительно предпочитать развлечение ума этим умственным калейдоскопом задушевному разговору или чтению в кругу семьи или друзей, насколько симпатично предпочитать настроение духа, соответствующее этой утехе радостному общению духа живого с Богом и ближними, предоставляю судить читателю, предвидя заранее, что многие одичавшие в дебрях цивилизации современные культурные люди встретят слова мои о радостном общении с Богом позорным недоумением и ответят на них не менее позорною насмешкою.

Нравственные калейдоскопы основаны на свойствах духа любить. Свойству этому соответствуют нравственные потребности; разумное удовлетворение этих потребностей делают жизнь человека добродетельною и его самого высоконравственным; неразумная игра в добродетели, при отсутствии действительных нравственных потребностей, делает жизнь человека порочною и его самого кощунствующим фарисеем. Вот почему Спаситель мира, сказав своим ученикам: *Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного*¹², предупреждал их в той же нагорной проповеди: *Смотрите, не творите милостыни вашей пред людьми с тем, чтобы они видели вас: иначе не будет вам награды от Отца вашего Небесного. Итак, когда творишь милостыню, не труби перед собою, как делают лицемеры в синагогах и на улицах, чтобы прославляли их люди. Истинно говорю вам: они уже получают награду свою. У тебя же, когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая*¹³.

Мы до того разучились мыслить и чувствовать по-христиански, т. е. понимать святую гармонию духа и быть гармонически настроенными, что многие из нас соблазняются, сопоставляя эти два слова, исшедшие из уст Божиих, не разумея огрубелым сердцем разницы между добрыми делами, порожденными светом духовным, и милостынею, которую делают перед людьми, чтобы они видели и хвалили, тем более не понимая разницы между добрыми делами и милостынею вообще.

Человек не может задушить в себе основную способность духа – любить. Когда он не любит Бога и творение Его, когда он не любит образ и подобие Божие ближнего своего, он извращает свою духовную природу, направляя всю силу любви своей на себя (эгоизм), на работу сознания (научное пьянство), на один из видов ощущения (прочие виды пьянства жизни), на животных, на растения, даже на бездушные предметы, – все это не более, как игра в любовь.

Как не имеет границ жажда познания, так не имеет границ и жажда любви. Как может удовлетворить жажду сознания одна абсолютная истина, так может удовлетворить жажду любви одна безграничная любовь к Богу и всему Его творению, любовь вселенская. Как разумное удовлетворение умственных потребностей духа не может состоять ни в чем ином, как в стремлении познать абсолютную истину и на ней основать разумную оценку относительной достоверности научных гипотез, так и разумное удовлетворение нравственных потребностей духа не может состоять ни в чем ином, как в любви к Богу всем сердцем, и творение Его, по мере того, насколько не искажен в нем образ и подобие Божие, насколько ярко и понятно для нас сияет на нем Бога вечная печать. Как, не веруя в единый источник абсолютной истины – Божественное Откровение, можно только развлекаться умственными калейдоскопами, так и не любя всем

¹² Мф. 5, 16.

¹³ Мф. 6, 1–3.

сердцем своим Бога – это абсолютное совершенство, единое абсолютно достойное абсолютной любви, можно только развлекаться нравственными калейдоскопами, тем более гнусными, чем более святы те чувства, которыми грешное человечество смеет легкомысленно играть.

Во главе всех нравственных калейдоскопов надо поставить те, которые основаны на любви к Богу. И молитва, и богослужение для многих грешных душ, вполне преданных жизни по обычаю мира сего, не что иное, как нравственный калейдоскоп, которым они дерзко играют, одни из-за гнусного расчета, чтобы обмануть других, другие из подлой дряблости, чтобы обмануть самих себя, симулируя любовь к Богу, которой у них нет, с тайною надеждою обмануть и Бога этою наивною фальшивою монетой.

Эти христиане на час воображают себя друзьями Бога, поиграв несколько минут нравственным калейдоскопом, оставаясь всю жизнь друзьями миру и на каждом шагу изменяя Богу и Христу Его в угоду миру, чтобы жить по излюбленному ими антихристианскому обычаю *мира сего*.

О, если бы они хоть на минуту поняли, как позорно их настроение и как гнусно их поведение; они бы не читали в молитвах страшные приговоры себе, воображая, что покупают тем право на милость Божию, и не позорили храма своим присутствием, воображая, что совершают тем богоугодный подвиг.

Нет меры их лицемерию и бесстыдству. Они называют Бога Отцом, оставаясь и желая оставаться сынами дьявола; они говорят, что веруют в Него, творя себе ежедневно новые кумиры, *елика на земле низу*; они просят, да святится имя Его, и ежеминутно позорят имя Христа Его, которое бесстыдно носят; они говорят, *да придет Царствие Твое, да будет воля Твоя*, и знать не хотят ни волю Его, ни Царство Его, сами живя и детей приучая жить по противному воле Божией обычаю мира сего; они просят хлеба насущного для всех и готовы все у всех отнять на пользу себе; они наивно просят, чтобы Бог не прощал им грехи, как они считают за глупую сентиментальность прощать другим; они говорят, не введи нас во искушение, и тщательно ищут, не найдут ли какое новое искушение для разнообразия; они просят *избавить их от лукавого*, а в глубине души верят, что именно его и есть царство, и сила, и слава ныне, и присно, и во веки веков. Они приходят в храм Божий, где все напоминает им вечную истину правды Его и, беспечно простояв на святом месте, ничего не видя глазами, не слыша ушами и не уразумев сердцем, выходят довольные собою и с головою погружаются в обычную рутину жизни. Бесконечно милосердие Божие, и они считают себя правыми потому, что Он не истребляет их; они играют в нравственные калейдоскопики и смело заявляют, что так и быть должно, что Бог довольствуется малым и что их ребяческая игра достаточна для гармонии духа и созидания Царствия Божия, а она достаточна только для того, чтобы сделать неразумие огрубелого сердца их неизвинительным.

Играя в любовь к Богу, люди играют и в любовь к ближнему. Не любя Бога, не за что любить ближнего, а любя Бога, нельзя и не любить ближнего, зная, что он способен быть образом и подобием Его.

Как не может иметь пределов любовь к Богу, так не может иметь пределов и любовь к ближнему. Если я не люблю Бога всем сердцем, я еще совсем не люблю Его потому, что еще не уверовал и не познал Его; если в ближнем и самом себе я не желаю страстно любить образ и подобие Божие, я не люблю Бога; если ближнему моему я не желаю той же степени подобия Богу, какую желаю и самому себе, я не люблю ближнего, если я не употребляю все мои силы физические, материальные, умственные и нравственные на то, чтобы доставить ближним моим возможность стать образом и подобием Бога, а отделяюсь от них и от сознания нравственной потребности любить их чем-либо другим, кроме искренней заботы помочь им стать образом и подобием Божиим, я играю в любовь к ближнему.

Этот разряд нравственных калейдоскопов называют благотворительностью; эта игрушечного дела филантропия так же вредна, как и игрушечного дела религиозность, убаюкивая

совесть, заглушая сознание полного равнодушия, которое есть не что иное, как вражда к Богу и ближнему.

И эти нравственные калейдоскопики позорны, указывая на то, что людям известны гнойные язвы жизни по обычаю *мира сего* и они не хотят исцелить их, стараясь только кое-как прикрыть их для порядка и приличия.

Как люди играют в любовь общечеловеческую, так они играют и в любовь личную, считая ее за скверную, по их понятиям, физическую потребность, что и заставило меня говорить о разврате в другом месте, хотя следовало говорить о нем именно здесь. Развратники, признавая разврат за естественную физическую потребность, тем самым узаконивают дисгармонию духа, подчиняя высшую нравственную потребность любить низшему свойству духа ощущать, делая пособниками своего разврата тех, кого не любит и не уважает, что и приводит его в конце концов к геенне огненной половой психопатии, нимало не удовлетворяя высшую нравственную потребность его духа любить и быть любимым.

Грешное человечество в погоне за развлечениями, желая заглушить таинственную мировую скорбь воплощенного духа и не желая в то же время сознать свою греховность и покаяться, изобрело себе бесконечное число разнообразных утех, все эти утехы походят на пестрые калейдоскопы; ни перечислять их, ни их систематизировать я не берусь; я желал только указать на то, что все они основаны на стремлении воплощенного духа развлекаться, когда злая воля не позволяет ему желать разумно удовлетворять свои физические, умственные и нравственные потребности; указать и на то, что, когда дух не желает подчинять ощущение сознанию, любви, он делает из ощущения игрушку; когда он не подчиняет сознание любви и, не любя Бога, отказывается понять любовь Творца и принять Божественное Откровение, он, отказываясь допустить возможность познать абсолютную истину, обрекает себя на бесцельную игру в умственный калейдоскоп; когда он не любит Бога всем сердцем и не любит ближнего, как самого себя, он может только кощунствовать, играя в добродетель, оставаясь в то же время грешником нераскаянным.

Вот подкладка всех утех большинства грешного человечества, живущего весело по обычаю мира сего. В уме хаос противоречивых гипотез, в сердце хаос необузданных страстей, в жизни хаос пестрых калейдоскопов развлечений на мрачном фоне хаоса враждующих интересов. Таким образом, человеку удается прожить всю жизнь среди хаоса жизни, имея хаос в сердце и уме, не сознавая весь ужас своего положения, благодаря пестрым калейдоскопам, которые, забавляя его, дают ему возможность не видеть глазами, не слышать ушами и сердцем не разуместь.

*Змиш, порождения ехиднины! как убежите вы от осуждения в геенну?*¹⁴.

*Иерусалим, Иерусалим, избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! сколько раз хотел Я собрать детей твоих, как птица собирает птенцов своих под крылья, и вы не захотели!*¹⁵.

Поруганные святыни

Изгнанники рая, земные соузники!

Вы, для кого добро не пустое слово и любовь – дорогая святыня; вы, для кого понятны слова Спасителя мира о жаждущих правды и о плачущих, для кого без понимания правды Божией нет ни воздуха, ни света, без правды Божией в жизни нет утешения; вы, для кого во тьме земного бытия, как солнце духа, сияет *Свет от Света Небесного* и вы, для кого все мрак без просвета и мировая скорбь беспредельная; вы, души живые, вы все, кто хочет жить любо-

¹⁴ Мф. 23, 33.

¹⁵ Мф. 23, 37.

вью, подчиняя ей и разум и ощущения, а не прозябать, развлекаясь пестрыми утехами; вы все, скорбящие о хаосе жизни по обычаю мира сего, для кого злоба и пошлость – невыносимое бремя, а любовь – святая радость вдохновенного духа, – откройте глаза сомкнутые, уразумейте сердцем весь ужас адского хаоса и не отвергайте долее любви Того, кто возлюбил вас до причастия плоти и крови, кто принял муку воплощения, чтобы вас научить и упокоить.

Мы все извели мрачные бездны хаоса, где все поругано, осмеяно, извращено – и ощущения, и разум, и любовь; где злые демоны борьбою веселятся и злобные победы торжествуют, где подлые рабы страстей кумира создали себе из ощущений и одновременно кумира своего боготворят и сами презирают; где разум, делаясь слугой покорным ощущениям, во тьме блуждает, лишенный света веры и любви, а самая любовь, осмеянная разумом, униженная до уровня случайного придатка властных ощущений, научно признана физической потребностью тела, низведена до гнусного позора холодного и грязного разврата. Мы знаем все холодный мрак земного бытия, мы знаем все щемящую тоску униженного духа, мы знаем все томительную скорбь поруганной святости.

Знать все это и мириться равнодушно или бесплодно ныть могут только те, в ком окончательно потух святой огонь, угасло вдохновение любви, нет более ни веры в Бога, ни сострадания к горю и унижению грешного человечества.

Вы, в ком тлеет хоть искра веры и любви, вы, для кого существует на земле хоть один воплощенный дух, которого счастье для вас не безразлично, вы найдете в себе силу воспрянуть духом, вы поймете, что надо разумно жить, что нельзя разумно жить, не понимая смысла жизни и подло прозябать среди зверской борьбы и глупых утех позорной, адской жизни по обычаю мира сего.

Отцы и матери, вы, на ком лежит тяжелый крест – ответственность за честь и счастье грядущих поколений, кому Господь вручил талант бесценный, живую душу, способную испытывать и адскую муку и райскую радость, подумайте о том, что ожидает вашего ребенка. Вот он стоит перед вами доверчивый и ласково смотрит на вас. Он ничего не знает о жизни мира, вы должны научить его, воспитать, дать мудрый совет, защитить от зла, направить на добро. Вы ввели его в жизнь, вы должны научить его жить, должны указать ему, где свет во мраке земного бытия, где тихая пристань бурного моря хаоса житейского.

Неужели огрубелое сердце ваше не понимает этих святых обязанностей, неужели вы способны на жестокое легкомыслие делать из живого ребенка милую игрушку и затем с тупоумным равнодушием взирать на то, как на ваших глазах эта живая душа будет тонуть в пучине хаоса?! Пожалейте это бедное, беспомощное создание, пожалейте эту детскую головку, которая так доверчиво прижимается к вашей груди, не обрекайте ее на страшную муку хаоса мысли; пожалейте это сердце, которое так доверчиво любит вас, не обрекайте его на невыносимый холод корыстных отношений в зверской борьбе за существование, пожалейте это бедное тело, земное проявление духа вечного, не обрекайте его на грубый позор холодного разврата по учению и обычаю *мира сего*.

Не обманывайте себя, не притворяйтесь бессильными и тупоумными; я напому вам, что ожидает вашего ребенка, напому вам и то, что вы можете сделать для него.

С того дня, как у вас родился ребенок, вы обязаны отдать себе отчет в своих убеждениях и симпатиях, вы не можете беспечно продолжать свое непробудное пьянство жизни: вы не смеете прибавлять к позору собственного неразумного прозябания позорное преступление, обрекая разумный дух вашего ребенка на позорное прозябание по вашему примеру; не смеете, если хотите иметь право считать себя разумными и честными, если хотите иметь право ожидать от вашего ребенка любовь и уважение.

Тот, кто угар непробудного пьянства жизни ставит выше любви, уважения и счастья своего ребенка; кто хочет жить для себя, не считая счастье своего ребенка непременным условием собственного счастья, тот из-за какой-либо излюбленной похлебки отказался от своего перво-

родства в мире животных, он не достоин более носить имя человека разумного, он признал себя скотоподобным двуногим и рассуждать с ним было бы напрасно.

Если, напротив, вы понимаете, что значит любить и уважать; если вы искренно желаете иметь право любить и уважать вашего ребенка и ему внушать любовь и уважение, вы не можете не подумать о том, что в вас самих может помешать ему любить и уважать вас, о том, как оградить его от зла и воспитать в нем человека, достойного любви и уважения.

Каков бы ни был ваш образ мыслей, вы не можете разумно желать, чтобы ребенок ваш был грубым бессмысленным животным, другими словами, не можете желать, чтобы выше всего он ставил свои физические потребности-прихоти ощущений, не можете разумно желать и того, чтобы он был зловредным эгоистом, злым врагом всего человечества, выше всего ставя сознание, живя умственными потребностями в ущерб нравственности; вы не можете, напротив, не желать, чтобы рассудок его подчинялся нравственным стимулам, властвуя над ощущениями.

Под влиянием страсти грехолюбивое человечество постоянно нарушает святую гармонию духа, но в теории обязано признать, что гармония эта не может изменяться, не переходя тотчас в дисгармонию, при которой грешный дух теряет всякое право на любовь и уважение.

Итак, вы не можете не желать для вашего ребенка, чтобы он был высокой нравственности и имел светлый ум, не можете не желать и того, чтобы, оставаясь нравственным и умным, он мог не страдать в течение земной жизни от неприятных ощущений и удовлетворять все свои физические потребности, не подвергая себя пытке невольного аскетизма; чтобы, оставаясь нравственным и умным, он не испытывал и другой невыносимой пытки, задыхаясь в тяжелой атмосфере порочности и тупоумия.

На первых же шагах жизни, если мать не может всю себя отдать безраздельно одному ребенку, он переходит на попечение более или менее невежественной нянюшки, в голове у которой непременно заразительный для ребенка хаос отрывочных ходячих мнений, не согласованных ни с каким стройным мировоззрением.

На ребенка влияет не столько то, что ему говорят, как то, как ему говорят, не столько мысли, сколько склад ума. Под влиянием антихристианского строя окружающей жизни склад ума даже у самых набожных нянюшек радикально антихристианский; и вот воплощенный дух, начинающий знакомиться с экономией земного мира, привыкает употреблять слова, эти условные клички отвлеченных понятий, не в христианском значении; чистое золото, на самом пороге жизни, подменено фальшивой монетой, и, так как эта монета ходячая, ее можно употреблять всю жизнь, ни разу не задумавшись над тем, что это подлог и существует золото чистое; вот этот склад ума, по большей части грубо материалистический, низводящий самые высокие христианские истины до уровня самой пошлой практичности, как ее понимают рабы жизни по обычаю мира сего, и делает для человечества непонятными самые простые истины, — позволяет обманывать себя фальшивой монетою.

Таким образом, жизнь встречает новую пришлицу, душу живую, первым подлогом, который и начинает собою непрерывную серию обманов, благодаря которым вся умственная деятельность человека превращается в сплошную забаву, бесцельную перетасовку гипотез сомнительной достоверности, при упорном игнорировании единой абсолютной истины вечной правды Божией.

Человечество, утопая в хаосе противоречивых гипотез, не имея мерила абсолютной истины, в практике жизни руководствуется соображениями об относительной полезности и, под влиянием наивного смешения понятий о духе и материи тела, усвоив ложное представление о том, будто свойства духа постепенно развиваются, как развивается на их глазах агломерат материи тела, считает полезным и разумным питать сознание ребенка, как оно питает его тело, такую пищу, которою само питаться не желает. Так, считая своею обязанностью заботиться о пище ребенка, о чистоте, здоровье и удобствах его тела, оно сочло бы за постыдное равнодушие накормить его протухлыми яйцами или гнилою говядиной, оставлять его неумытым

и непричесанным, одевать в грязное белье и разодранное платье; в то же время оно считает совершенно нормальным отдавать ребенка на руки людям, с которыми само не согласилось бы поддерживать постоянное общение, мысли и чувства которых оно не разделяет; оно не считает предосудительным навязывать таким образом ребенку склад ума, который само признает нелепым, не имеет к своему ребенку настолько любви, уважения и стыдливой ревности, чтобы оградить его от привязанности к людям, которые этого чувства не заслуживают, и тем обрекает ребенка на шаткость ума и проституцию сердца.

Даже и в том случае, когда мать сама заботится о ребенке, не считая нужным привести в порядок хаотический сумбур мыслей в собственной голове, положение ее ребенка не многим лучше. Надо отдать справедливость большинству матерей: благодаря любовной жалости к слабому, беспомощному, наивному по незнакомству с экономией земного мира своему ребенку, огрубелое сердце самой грешной матери понимает по отношению к нему то, что не понимает при других обстоятельствах; большинство матерей стыдится высказать ребенку беспорядочный хаос ума и сердца; к сожалению, их любовь редко доходит до разумения необходимости для ребенка истины абсолютной и ревнивого ограждения его сознания от отравы лживых гипотез.

Обыкновенно любви хватает только на благонамеренный обман ребенка, стыдливое прикрытие от него безобразного хаоса временным условным покровом. Таким покровом обыкновенно избирается христианство, на которое все, как те, которые воображают себя верующими, так и те, которые сознают себя неверующими, одинаково смотрят: именно как на покров условный и временный. Лучшее доказательство тому то, что почти никто не стремится сообразовать с верою ни мысли, ни чувства, ни тем более строй жизни, а, напротив, все явно отрицаются Христа, громко исповедуя свое неверие, признавая христианское братство за невозможную, не практичную утопию.

Поверив, что христианство есть абсолютная истина, нельзя не жить по вере и не сделать все возможное, чтобы и ребенок мог согласовать свою жизнь с верою живою. Все уловки извинить разлад между верою и жизнью немощами человеческими, роковою необходимостью установившегося склада жизни и тем более гнусным расчетом на снисходительность Бога Святого и Праведного – наивные увертки, которые сами по себе красноречиво свидетельствуют о невозможном для христианина непонимании самых основных христианских истин и позорной для него самодовольной наглости злой воли.

Вера степеней не имеет, нельзя верить отчасти, можно верить только живою верою или совсем не верить, обманывая себя умственными и нравственными калейдоскопами, которые с верою ничего общего не имеют, хотя в них и развлекаются пестрыми сочетаниями обрывков христианских идей и нравственных сентенций. При наличии живой веры всякий грамотный легко поймет, читая Евангелие, простые истины святых слов Того, кто пришел научить всех, а не одних мудрых книжников, как понимают их простые люди Божии из народа, эти честные искатели Христа, часто неграмотные.

Верующему не может придти в голову странная мысль отговариваться слабоумием и слабохарактерностью, как делают это постоянно люди, гордые своим умом и самостоятельностью, когда огрубелое сердце заставляет их говорить глупости. Верующий, смиренно признавая ничтожность своего ума перед мудростью высшего разума мира и не желая глупой самостоятельности разнообразного плача и скрежета зубов, вне райского блаженства единой гармонии Царства Божия, никогда не унизит себя до притворного непонимания воли Отца Небесного и смиренно, не мудрствуя лукаво, употребит всю наличную силу ума на то, чтобы понять истину, и всю наличную силу воли, чтобы честно жить по вере.

Матери, не согласуя ни мысли, ни чувства, ни жизнь свою с духом христианства, а иногда и сознавая свое неверие, считают необходимою педагогическою мерою говорить ребенку о Боге и Христе Спасителе и приучать его выполнять некоторые общепринятые обряды богопо-

читания. Одни наивно воображают, что в этих отрывочных мыслях и обрядах исчерпано все христианство, даже и не замечая, что весь склад их ума и жизни в полном разладе с волею Бога, которого чтут устами своими. Другие, не веруя и не желая, чтобы ребенок искренно верил, говорят, что христианство – временная педагогическая мера, пригодная для уяснения нравственных понятий в условной форме, доступной пониманию ребенка в зачаточный период его сознания. Все одновременно подрывают к себе доверие ребенка и закладывают в уме его хаос мысли, поучая его одному и на его же глазах ежеминутно делая другое; осуждая свое поведение на словах и всем складом жизни постоянно доказывая, что не придают этим словам никакого практического значения.

И чем более растет ребенок, чем более он входит в общую жизнь семьи, а затем и общества, которому принадлежит, тем более развязны делаются при нем взрослые, тем менее стесняются выказывать разлад своих мыслей, чувств и жизни с религией, которой его поучали в детстве. Он все более убеждается, что христианство для одних симпатическое средство, нисколько не препятствующее жить по антихристианскому обычаю *мира сего*, для других политическая или педагогическая мера; все более привыкает думать, что и мировоззрение, и идеалы, и понимание смысла жизни, и самую программу жизни надо искать где-то вне христианства: в науке, искусстве, литературе, даже в самой практике пестрого хаоса жизни.

Так как ни наука, ни литература, ни искусство, ни практика жизни никакого определенного мировоззрения, а потому и никакого идеала и никакой этики не дают и дать не могут, а жизнь идет своим чередом, то подросток, по примеру больных, все более высвобождаясь из-под влияния религии, все более привыкает думать, что знание абсолютной истины невозможно и не необходимо, что понимание смысла жизни тоже ни к чему не пригодно и что бездельное прозябание изо дня в день есть самая разумная жизнь для человека, лишь бы жить по возможности удобно и приятно.

Вот обстоятельства, при которых начинает знакомиться с экономией земного мира новая пришлица, живая душа человека, когда все еще ново для нее на земле и так необходимо руководство определенного мировоззрения, чтобы не растеряться среди массы притекающих впечатлений от пестрого хаоса жизнедействительности.

Вот обстоятельства, при которых человек с первых шагов жизни привыкает жить ощущениями, отрицая самую возможность удовлетворить высшую потребность разума, познать абсолютную истину и высшую потребность сердца любить Бога и творить волю Его.

Даже в этом раннем возрасте чем более гармонично настроение духа, тем тяжелее жить. Если живет в душе память о Боге и потребность любить Его и ближнего, сколько духовного томления и бессознательной неудовлетворенности среди людей, совсем забывших Бога, искаживших в себе образ и подобие Его до такой степени, что ребенок, конечно, не сознавая причин, не признает в них ближних своих и будет горько чувствовать свое одиночество. Любя Бога, нельзя не любить жадно всякий намек и тем более прямое указание на Него, нельзя не понимать, что в Его словах единая абсолютная истина, и не страдать бессознательно от явного разлада между словом и делом всех окружающих, которые от имени Бога говорят одно, а сами на каждом шагу делают совсем другое. Я не преувеличиваю: ребенок, конечно, не в состоянии не только формулировать на словах, но и сознать определенно причины своей неудовлетворенности, оттиски с натуры в его мозгу слишком многочисленны и пестры, он не успел еще разобраться в них и привести их в порядок, что большинству человечества не удается и во всю жизнь, но он чувствует тем не менее тоску земного бытия; и таких тоскующих детей гораздо больше, чем думают.

Чем более нарушена гармония духа, тем лучше живет ребенок; потребность любить и сознавать в нем гораздо слабее, и он легко удовлетворяется сообразными его возрасту нравственными и умственными игрушками, а физические потребности, которые он ставит выше всего, заботливо удовлетворяются его родителями.

С поступлением в учебное заведение пестрота притекающих впечатлений для ребенка значительно увеличивается, увеличивается с тем вместе и хаотическое состояние его сознания, так как объединяющих начал, приводящих в порядок груды пестрого материала, накапливающегося от непрерывно притекающих впечатлений, нет никаких. Напротив, все до крайности пестро и разнохарактерно.

В христианской школе признается официально абсолютная истина христианского мировоззрения. Из среднего учебного заведения подросток выносит убеждение, что христианство – схоластическая мудрость и политическая необходимость, не имеющая с действительной жизнью ровно ничего общего. За исключением уроков Закона Божия, он никогда на других уроках не слышал ни одного намека на признание христианского мировоззрения и не мог не заметить, что и в учебниках склад мысли совсем не христианский и учителя по понятиям и симпатиям слишком часто совсем не христиане. Таким образом, при содействии общения с товарищами, которые тоже не вынесли из семьи ни понимания христианства, ни любви к нему и вполне свободны умом и сердцем от подчинения воле Божией, происходит окончательная пожизненная страховка от возможности понять истинное значение христианства, от возможности заподозрить, что именно в Библии, и нигде более, заключен источник познания абсолютной правды, насколько поведало ее человечеству Божественное Откровение, что именно Библия, и одна Библия способна дать человечеству понимание смысла земной жизни и возможность разумно жить, а не прозябать бесцельно, что она воистину книга книг, святая книга жизни, которая одна способна все животворить, без которой науки – пустые забавы ума, этика – мертвая схоластика, стеклянная игрушка, которая разлетится вдребезги от первого искушения, изранив своими осколками своего наивного почитателя.

В этом отношении Франция, стремясь признать образование нехристианским, поступает более искренно и логично, чем другие страны. Молодые люди, выходя из французской школы, будут сознавать, что о христианстве ничего не знают и что христианство нисколько не ответственно ни за общее направление школьной науки, ни за общий строй жизни в этом государстве, признавшим себя нехристианским. Гораздо хуже положение молодых людей, которые воображают, что они грамотные христиане, не умея ни думать, ни чувствовать по-христиански, не знающие, следовательно, ни одной буквы азбуки христианства.

Чтобы понять весь трагизм положения этих несчастных молодых людей, брошенных на произвол судьбы без руководства стройного мировоззрения, без света определенного идеала, без узды разумной нравственности, припомним, что именно в таком состоянии их предоставляют многообразным соблазнам жизни по обычаю *мира сего*, утешая себя странными избитыми фразами о том, что *молоды бывают один раз в жизни*, что надо *перебеситься* и тому подобными ходячими формулами отречения от Бога и Христа Его.

Нужно ли говорить, что в среднем учебном заведении, при быстром возрастании хаоса мысли и чувства, будет возрастать и тягостное чувство неудовлетворенности, если не в конце нарушена святая гармония духа. При любви к Богу и инстинктивной нравственности, которая состоит в доброй воле духа подчинять ощущения сознанию под верховным главенством любви, молодой человек все более и более будет убеждаться в дисгармонии настроения подавляющего большинства человечества и порождаемом тем хаосе жизни; он будет с каждым днем все более страдать от инстинктивной недоброжелательности, которую всегда чувствует порок к святости. Эта невыносимая тоска нравственного одиночества, этот леденящий холод всеобщей недоброжелательности для человека, который выше всего ставит свойство духа любить и не находит ни в себе, ни кругом себя никакой нравственной поддержки именно в тот роковой период жизни, когда ум загроможден наибольшим количеством неупорядоченных оттисков с природы, самостоятельного жизненного опыта еще нет и тело только что доразвилось до возможности жить полную жизнью возможных на земле ощущений, – все это создает для воплощенного духа такой хаос искушений, что редко он выходит из него победителем.

Припомним, что и любовь к Богу, и нравственность живут в нем только на степени инстинктивного чувства: ни семья, ни школа, ни даже теория в форме и размере официальной программы по Закону Божию не довели его до самосознания, не уяснили ему разумный смысл его нравственных симпатий! Напротив, все направлено к тому, чтобы ввести его во искушение усомниться в себе, в вечной правде гармонии духа и нравственных стремлений, поверить в силу зла и разумность жизни по обычаю мира сего, устыдиться наивной глупости непонятых и всеми осмеянных нравственных симпатий, особенно когда они не ограничиваются словами, а налагают печать святости на все подробности жизни. Заразительный пример установившегося склада жизни, наглая самоуверенность и самодовольная порочность нравственных тупиц, любовно обзывающих себя *резвыми практиками жизни*, считая, что *глуп до святости* и всякий, кто вдохновение любви не считает за наивную сентиментальность, грубые глумления товарищей, сдержанная ирония педагогов, поклоняющихся какому-либо научному или литературному кумиру, не имеющему с христианством ничего общего, полное равнодушие родителей, убежденных, что это зло – явление нормальное и что их сыну обязательно *перебеситься* надо, – все это дружно наталкивает молодого человека на ужасную решимость совершить над собою нравственное насилие и, наперекор инстинктивным симпатиям гармонического духа, попробовать, по примеру всех окружающих, отдаться пошлой рутине хаоса жизни.

Сколько этих несчастных нравственно гибнет именно при таких обстоятельствах и, совершив это преступное насилие над собою, погружаются в непробудное пьянство жизни, привыкают к бессознательному прозябанию в чаду угара какого-либо вида бешенства, признанного за нормальную принадлежность молодости, и готовы вместе с другими святотатственно глумиться над утерянной святостью, клеймя святую память изнасилованной гармонии духа названием наивных бредней счастливой юности!

И вы, преступные родители, ничего не понимали огрубелым сердцем, когда на ваших глазах совершалось это нравственное самоубийство. Нет, вы не любите вашего сына, хотя и принимаете за нежную любовь вашу грубо эгоистическую привязанность к вашему детенышу. Как вы не имеете любви к Богу на степени живой веры и понимания воли Его, так вы не имеете и любви к ближнему, даже к ближайшему из всех ближних, сыну вашему, на степени понимания насущных потребностей его духа и искреннего желания ему абсолютного добра и счастья! То, что вы принимаете за нежную родительскую любовь, по большей части только грустная сумма разнообразных слабостей дисгармонического духа: вам дела нет до вечного счастья вечного духа; огрубелое сердце ваше даже и не понимает того, что едино на потребу для вашего сына; вам надо, чтобы здесь, на земле временного странствия, он был для вас утешением и опорой, понимая утешение в смысле родительской или родовой гордости.

Не умея любить ни Бога, ни ближнего и сознавая, что дух ваш, несмотря на то, не утеряти окончательно свойства любить, вы утешаете себя, играя в любовь к детям вашим; это тоже нравственный калейдоскоп, который вы легко откладываете в сторону, как ненужную вещь, как только вы можете забавляться иначе, играя в любовь к Богу калейдоскопом глупого ханжества или в любовь к ближнему калейдоскопом холодного разврата. Степень вашей любви к детям легко обнаруживается, как только они не ласкают ваших родительских слабостей, как только они перестают быть вашей гордостью по понятиям излюбленной вами жизни по обычаю мира сего. Недаром прозвучали грозные для вас слова Спасителя мира: *Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее*¹⁶. И: *Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня*¹⁷.

¹⁶ Мф. 10, 35.

¹⁷ Мф. 10, 37.

Зачем же, называясь христианами и воображая, что любите детей ваших, вы всего более боитесь, чтобы они не променяли на Христа жизнь по обычаю мира сего, чтобы они не последовали словам Спасителя мира, приняв на себя крест и выше всего ставя Царствие Божие и правду Его; зачем, таким образом, вы ставите детей ваших в необходимость выбирать между вами и Христом?!

Чего у вас нет: веры во Христа или любви к детям? Очевидно, ни того, ни другого. Если бы вы верили, вы бы не могли, будучи грамотными, а может быть и высокообразованными, не изучить основательно святую Библию, оставаться грубыми невеждами в деле веры, не умея ни думать, ни чувствовать по-христиански, не могли бы не жить по вере, отговариваясь нелепым для верующего предлогом, что это невозможно; вы бы поняли, что жить по вере не значит делать невозможное или неразумное, а, напротив, разумно выполнять волю Божию, всегда и во всем подчиняя сознание и ощущение вдохновению любви животворящей согласно вечной правде святой гармонии духа, причем многое, что кажется невозможным, станет возможно; вы бы поняли, что для счастья вашего сына необходимо, чтобы он жил по вере; вы бы поняли цену святого достоинства гармонии духа и всего более боялись бы для него позорного унижения нравственного самоубийства. Если бы вы любили сына вашего, вы бы понимали стыдливую ревность по отношению к нему и не только не мирились для него с фантастической потребностью *перебеситься*, но уразумели бы любящим сердцем, что невозможно оградить сына от искушений и избавить его от лукавого, не порешив твердо выяснить ему весь позор жизни беснующихся по обычаю *мира сего*.

Но огрубело сердце людей этих, они не понимают более любви к Богу и к ближнему, в том числе и к детям своим; не только не понимают стыдливой ревности по отношению к сыну, но готовы стыдиться святой гармонии духа его и сочувствовать гнусному насилию нравственного самоубийства в угоду тем, кто создает жизнь по обычаю мира сего, кому бы и теперь Спаситель мира сказал, как говорил отцам их XIX столетий тому назад: *Ваш отец диавол; и вы хотите исполнять похоти отца вашего*¹⁸.

Чтобы при таких обстоятельствах остаться твердым и сохранить достоинство святой гармонии духа, необходима такая степень святости, при которой редко происходит воплощение, которая соответствует только тем избранным сынам человеческим, о которых Библия повествует, что еще до рождения они были избраны вершителями воли Божией на земле. Большинство решается на нравственное самоубийство и вполне погружается в хаос жизни на всю жизнь, если дух, обманутый земными забавами умственными и нравственными калейдоскопами, не найдет в себе силу воспрянуть, стряхнуть с себя запутанную сеть условной лжи современной культуры.

Это нравственное пробуждение случается часто, но редко дух, пройдя через пытку нравственного унижения, найдет в себе силу воспрянуть выше унылой разочарованности и мрачного недовольства собою. И это геенна огненная, где плач и скрежет зубов еще здесь, в земной жизни, а вы, преступные, жестокие родители, не только не ограждаете от нее ваших детей, но заботливо ведете их к ней примером собственной жизни, *практическими* советами и холодными близорукими расчетами.

Напротив, чем более нарушена гармония духа, тем легче живется и в этом возрасте. Когда дух огрубел до полного равнодушия к Богу, в нем угасла потребность веры и он, легко стряхнув с себя тонкую позолоту религии, наложенную на него в виде временной педагогической меры столь же равнодушными к Богу родителями или педагогами, чувствует себя своим человеком среди равных ему по равнодушию к Богу товарищей, занимаясь науками, тщательно замалчивающими свое место в общей гармонии экономики мира, о которой нельзя говорить, игнорируя Бога, отрицая любовь Творца, которая одна и дает разумный смысл бытию мира, – которая

¹⁸ Ин. 8, 44.

одна превращает науку из бесцельной умственной игрушки в разумное орудие познания абсолютной истины, давая возможность проверять научные гипотезы абсолютной истиною Божественного Откровения.

Бесцельность науки, не озаренной светом религии, не смутит его; даже в том сравнительно редком случае, когда сознание он ставит выше ощущения, он успокоится на ходячем мнении, что вне религии есть стройные философские мировоззрения, которых он, по молодости, понять не может или еще не успел усвоить, но которые когда-то в будущем уяснят ему и абсолютную истину бытия, и смысл земной жизни человека, и разумный смысл научных занятий; когда, что бывает гораздо чаще среди грешных детей земли, гармония духа извращена до положительного преобладания ощущений над высшими свойствами духа, он найдет вполне разумным, совершенно игнорируя потребности духа любить Бога и ближнего и познавать абсолютную правду, избрать целью всех своих стремлений обеспечить себе возможность приятных ощущений и, сделав сознание рабом ощущений, найдет вполне разумным заставить науку служить его личным выгодам, забывая при этом, что ни наука, ни переживание ощущений не сообщили никакого разумного смысла его жизни и не делают из бесцельного прозябания ничего, кроме бесцельного прозябания, украшенного забавою приятных ощущений при содействии науки.

Наконец, окончив свое образование, молодой человек официально погружается в хаос жизни. Родители, когда они понимали свою ответственность исключительно с точки зрения условного обычая и неизбежного приличия, в восторге, самодовольно заявляют, что исполнили свои родительские обязанности и торжественно умывают себе руки, с наслаждением слагая с себя всякие дальнейшие заботы. Оно и понятно. Когда искренно любишь, забота о счастье и благе любимого существа, для христианина забота о христианском настроении духа и честной жизни по вере не может быть временною обязанностью: это насущная потребность любящего сердца, и сложить ее с себя можно, только потушив огонь любви в сердце. Отец, который бесстыдно заявляет, что пришел конец его заботам о сыне и что он слагает с себя нравственное руководство его жизнью, мать, которая радуется тому, что сбыла с рук взрослую дочь и тоже слагает с себя заботы и ответственность, выдавая ее замуж, никогда не любили своих детей и просто решали педагогическую задачу или, еще вернее, раскладывали скучный для них педагогический пасьянс, в котором есть условные правила, есть в конце удача или неудача, только нет одного глубокого жизненного смысла.

Верующий христианин, мировоззрение которого сужено от безбрежного хаоса лживых гипотез до познания единой абсолютной истины, симпатии которого сужены от широкого безразличия к добру и злу до исключительной любви к добру, не может принять за широкий взгляд на вещи равнодушные к мыслям и чувствам сына; по самой сути христианства он не может насиловать свободу воли его, но не может, любя его, не трепетать, пока сердце бьется в груди, за участь любимого сына, не может равнодушно взирать на то, как ум его, сойдя с узкого, прямого пути абсолютной истины, блуждает в дебрях лживых гипотез, как сердце его, изменив добру и правде, благодушно уживается и со злобою, и с пошлостью, и с ложью.

Когда родители сами не имеют ни веры, ни твердых убеждений, когда любовь не озарила их сознания до понимания абсолютной необходимости для блага сына упорядочить хаос собственных мыслей, чувств и жизни, чтобы иметь возможность и ему облегчить удовлетворение насущных потребностей его ума и сердца, конечно, весьма естественно сознавать, что руководить нельзя и что притворяться руководителем – тягостная условная ложь, от которой приятно и разумно отделаться при первой возможности. Имея хаос мыслей в голове и хаос необузданных похотей в сердце, нет разумного основания предпочитать собственный хаос мыслей и похотей хаосу мыслей и похотей сына. Лучшее, что может сделать отец при таких обстоятельствах, не навязывая сыну ни своих мыслей, ни своих симпатий, – предоставить ему свободу блуждать в дебрях хаоса жизни, упорно отказывая ему в руководстве даже в случае его доброй

воли принять это руководство, рассчитывая, что, авось, блуждая самостоятельно, он случайно набредет на истину и правду и поймет их лучше своих родителей, которые эту истину и правду или не признали, или проглядели на своем пути.

Вот это сознание неразумности навязывать другому хаос своего ума люди называют широким взглядом на вещи, просвещенною терпимостью, умением уважать всякие чужие убеждения и считают за высокую добродетель. В применении к отношениям родителей к детям дошли до предоставления этим последним возможности свободно развивать свои порочные наклонности с самой колыбели, причем, конечно, нельзя не почувствовать облегчение, когда после бессмысленного пассивного наблюдения над *свободным развитием естественных наклонностей ребенка* можно, наконец, покончить с этой жестокой ролью равнодушного наблюдателя, которая и при наличии и при отсутствии любви одинаково нелепа и лжива.

подавляющее большинство родителей, одни сознательно, другие бессознательно, именно так думают, чувствуют и поступают. На свои родительские обязанности они смотрят как на тягостную повинность и при первой возможности умывают руки, предоставляя сыну самостоятельно блуждать во тьме хаоса жизни по обычаю *мира сего*.

*Если свет, который в тебе, тьма, то какова же тьма?*¹⁹. Когда в уме свет абсолютной истины вечной правды Божией, не страшен бурный хаос окружающей жизни. Когда сознание покоится во тьме противоречивых гипотез, обманывая себя пустыми забавами умственных калейдоскопов, какова же тьма жизни, основанной на решающем значении властных ощущений, среди непроглядной тьмы хаоса зверской борьбы за существование по заповедям человеческим и обычаю *мира сего*.

Начиная самостоятельную жизнь, немногие имеют в себе свет, большинство наивно принимает за свет в себе тьму, которая не стала светом, оттого что родители умыли руки.

Посмотрим, что дает эта новая, самостоятельная жизнь этому полноправному гражданину человечества, сообразно с тем, насколько свет его тьма, насколько нарушена святая гармония духа.

Когда гармония духа извращена до преобладающего значения ощущений, человеку дышится свободно в родственной ему атмосфере жизни по обычаю мира сего. Все тут направлено именно на удовлетворение физических потребностей и на ограждение материальных средств, нужных для того.

Подчиняя сознание ощущениям, он будет смотреть на науки как на средство обставить жизнь возможно лучше и, не требуя от них удовлетворения высшей потребности сознания познать абсолютную истину, без чего нельзя понять смысла жизни, нельзя и жить сознательно, может даже сделать из них кумиров, видя в них источник дорогого для него комфорта современной цивилизации. Ставя физические и подчиненные им умственные потребности гораздо выше нравственных, он не будет тяготиться грубою жестокостью борьбы на пользу карману и, не затрудняясь выбором средств для достижения намеченных целей, будет тем легче успевать в жизни, чем более в нем нравственной неразборчивости, умственной односторонности и энергии алчности.

Все в окружающей жизни будет потакать его наклонностям, на каждом шагу он встретит человека, которому понятно и дорого именно то, что и как он думает и чувствует; все живущие по обычаю мира сего признают его своим человеком и будут любить в нем все свое, до первой кости, конечно, при дележе которой обязательно вспомнят излюбленную свою поговорку о собственной рубашке. Для него жизнь упрощена до минимума, возможного для друзей мира сего среди современной сложности капиталистической цивилизации.

¹⁹ Мф. 6, 23.

Вы, может быть, думаете, что счастье его обеспечено? Не будем говорить о том аде ежеминутного злобного скрежета зубов, который неизбежен для него здесь, в этой земной жизни, если ошибочные расчеты или неудача в борьбе с более счастливым соперником повергли его в жизнь лишений, для избежания которых он жертвовал всем сонмом потребностей ума и сердца.

Предположим, что он один из тех редких баловней капитализма, которые по головам своих соперников дошли до финального апофеоза, и может ласкать свои ощущения по прихоти своих похотей, не испытывая отравы желчной зависти к кому бы то ни было и, что бывает еще реже, без непрерывной пытки подозрительной недоверчивости ко всему окружающему. Широко удовлетворяя свои физические потребности, он легко может купить себе и всякие умственные и нравственные калейдоскопики; убедить себя, что он очень умен, играя в науку, и что он очень добр, играя в благотворительность, может даже найти выгодным для себя за сходную цену купить титул мецената и филантропа. Даже и при этих обстоятельствах он будет вполне счастлив только в том случае, если он очень зол.

Очень глупому человеку редко удастся не только победить соперников, но оградить себя от алчности многочисленных героев наживы даже при самой энергичной радости. Умный человек, конечно, может при наличии злобы, развлекать себя пестрыми игрушками и *весело убить жизнь*, не задумываясь над тем, что жизнь его, несмотря на блестящую пестроту обстановки и бесконечное разнообразие ощущений, все же никакого разумного смысла не имела, что умственные и нравственные калейдоскопы-игрушки могли способствовать убиванию времени, обману сознания, подкупу общественного мнения, даже материальным выгодам, только осмыслить бесцельное прозябание они не могли, и жизнь, хотя и весело, и с оттенком высокой культуры и с изящными украшениями идейного и нравственного порядка, все же была *убита*, а не пережита разумно.

Самая удачная комбинация для того, чтобы весело и не задумываясь *убить жизнь*, – соединение в одном человеке Каина и Хама, когда человек глубоко убежден, что он *не приставник брату своему* и находит удовольствие весело хохотать над этим чуждым сердцу его отверженным братом.

Я встречал их на жизненном пути, самодовольных, самоуверенных, торжествующих; люди называли их остроумными, практичными людьми, завидовали им и восторгались ими; глаза их смотрели холодно и гордо, на губах играла саркастическая улыбка. Кто знает, что происходит у них в уме и сердце, когда сознание, пронизывая туман угара суеты и развлечений, ставит им вечные, роковые вопросы о конечной цели бытия, о разумном смысле земной жизни человека и таинственной загадке неизбежной смерти. Недаром эти *трезвые* практики так настойчиво ищут опьянения ощущения чувственными удовольствиями или опьянения ума пестрыми игрушками каждый раз, как они отрезвляются от опьянения суетливою деловитостью.

Когда дисгармония духа происходит от преобладания сознания над любовью, подчиняя себе ощущения, и радости и печали носят иной характер, изменяются и условия счастья. Преобладание сознания над ощущениями состоит не в том, что сознанием живут больше, чем ощущениями, а в том, что сознание не делает рабом ощущений, не смотрит на него исключительно как на орудие приобретения благ земных, постоянно ставят себе вопросы: отчего, как и для чего, не довольствуясь бессмысленным ответом *хочу* со стороны ощущений, не признают ощущение самодовлеющим божеством и не хотят признать над собою власть этого грубого деспота.

Медленно вскисала закваска Царства Небесного, заложенная на земле Спасителем мира. Напрасно гордые умы волнуются и негодуют, ребячески заявляя, что, по их человеческим расчетам, две тысячи лет слишком достаточны, чтобы доказать несостоятельность христианства, до сих пор не водворившего Царства Небесного на земле. Спаситель мира предвидел, как мед-

ленно будет созреть нива Господня, вскисать тройная закваска и вырастать из зерна горчичного могучее дерево; Он руководствовался не близорукими расчетами детей земли, а знанием вечной правды Бога Святого и долготерпеливого, который никогда не насилует свободу воли разумного духа, для которого тысяча лет, как один миг, и Царство Небесное – свобода, вдохновение, любовь и вечная радость, а не насилие, расчет и злобное торжество быстрой победы.

Кому злая воля не мешает видеть глазами и сердцем разуметь, тот не может, изучая историю человечества, не видеть и не разуметь, как медленно и неуклонно создавалось, и создается, согласно притче *о тройной закваске*, Царство Бога на земле, это таинственное *Царство, которое внутри нас есть и не приходит, с соблюдением* явно, видимо.

Медленно вскисала первая закваска, пока масса человечества, принимая букву и внешнюю форму христианства, в массе пребывала в периоде высшей дисгармонии духа под игом властных ощущений. Не только в этом периоде, но даже ранее зари света великого, заложившего на земле *закваску Царства Небесного*, появлялись изредка, как яркие звезды во мраке ночи, высокие души, одинокие, не только не порождения среды и предшествующих обстоятельств, но чуждые, далекие, как звезды неба, не современникам одним, но и далекому потомству. В душе у них царила святая гармония Царства Небесного. Люди называли их Сократом, Платоном, пророками, апостолами, святыми, удивлялись им, злословили, ненавидели, гнали при жизни, гордились ими, украшали гробы их и поклонялись им по смерти их, когда побивать их камнями стало невозможно. Никто не понял их, как и теперь еще не понимает, потому что увидеть их духовными очами разума и уразуметь любящим сердцем не красоту буквы, а яркий свет, любовью озаренного сознания не красоту идеи, а святой огонь их пламенной речи может только тот, кто равен им по гармонии духа. Они жили на земле, эти светочи человечества, они наложили печать гармонии духа на свои великие творения, это святые дрожжи закваски Царства Небесного, и медленно, по слову Божию, *вскисает живая закваска* по мере изволения свободной воли душ живых.

Когда начался второй период закваски, период сознания духа христианства, сознания стройной гармонии вечной истины правды Божией, сознания глубины мудрости святых слов *Света от Света Небесного*? Для многих ли начался этот период? Вышло ли человечество из периода властных ощущений? Для многих ли начался период власти сознания? Кто ответит на это? По слову Божию, возникнет и это чистилище духа *внутри нас без соблюдения*.

Для массы человечества наступило время болезненного перехода от царства ощущений к царству сознания. Это кровавая заря, после которой взойдет солнце второго периода закваски Царства Небесного, взойдет, спокойное и величавое, и озарит блестящими лучами сознания во мраке спящее человечество. Не все откроют глаза, не все уразумеют сердцем, не все поверят, что и это солнце исходит от Творца и вышло из зерна горчичного, насаженного в землю Спасителем мира; многие не увидят глазами и не уразумеют сердцем; для многих и это животворное солнце получит научное объяснение и будет признано за простой фонарь, за который и надо благодарить кумира-науку, а не славить Бога вышнего; многие по-прежнему будут гордиться, рассуждать и злобствовать, а не благодарить, сознавать и любить.

Во многих ли совершилась великая реформа освобождения сознания из-под власти ощущений? Во многих ли совершилось святое преображение духа, сознавшего вечную истину правды Божией, животворящий дух буквы Евангелия? Для многих ли наступил период сознания на пути к Царству Небесному? Когда будет сказано последнее слово постепенно исправляемых и пополняемых переводов слова Божия на язык человечества? И этого знать нельзя, и это возникнет в тайниках души человеческой и не придет с *соблюдением*.

Очевидно, период освобождения сознания наступил для многих, не период сознания вечной истины правды Божией: до периода христианского сознания массе грешного человечества далеко, он и не придет для тех, кто, не любя, не хочет разуметь огрубелым сердцем; я говорю о том частичном восстановлении гармонии духа, когда сознание берет верх над ощущениями, не

подчиняясь, однако, нравственному руководству любви, оно достаточно для начала новой эры в жизни человечества, но не достаточно для Царства Небесного, уразуметь которое до вдохновения любви животворящей может только тот, кому святая гармония духа сообщает добрую волю уразуметь Отца Небесного, не притворяясь не понимающим ее, чтобы иметь право ее не выполнять.

Сознание, порывая вековые цепи, безумствует теперь в опьянении торжества, как безумствовали французы во дни террора, как безумствует всякий раб, порвав свои цепи путем насилия, когда расковать его добровольно не хотели, а держать в цепях было непосильно. Как не было границ самоуверенной алчности властных ощущений, так нет границ и самоуверенной гордости властного сознания.

Нерушима *правда Божия*²⁰. Едина святая гармония духа; едино вечное Царство Божие; в нем только радость светлая и вечное блаженство, а вне его лишь горький плач и скрежет зубов. Божественное Откровение давно поведало нам эту вечную истину правды Божией, но гордые дети земли, как и всегда, не поверили и этому слову, исшедшему из уст Божиих, и, не желая восстановить святую гармонию духа, гордо мечтали о блаженстве вне Царства Божия, помимо Бога и правды Его. Но нерушима правда Божия, и гордое тупоумие ожесточенных сердец неизменно созидало ад, воображая, что созидает рай, не желая понять, что злоба не может породить ада, как и то, что рай не может быть без вдохновляющей любви Духа Святого Господа животворящего. И вот, злые демоны, дисгармония духа которых дошла до преобладающего значения ощущений, тупоумные по злобе сердца, грешные и грехолюбивые, наивно мечтали создать себе рай ощущений и вместо того попали в ад болезней и печалей капитализма, материализма и половой психопатии.

Теперь другие, не менее злые демоны, ставя сознание выше ощущений, но в то же время и много выше веры, которая и есть любовь к Богу, и много выше братства, которое и есть любовь к ближнему, мечтают о каком-то царстве разума, которое должно быть раем сознания и подчиненных ему ощущений, и уже теперь попали в хаос противоречивых гипотез и дойдут неминуемо, если вера и любовь не озарит их до какого-либо нового ада тем более ужасного, чем более сознание будет делать муки невыносимыми.

Пока сознание было послушным рабом ощущений, оно могло работать на созидание комфорта цивилизации; на него была положена узда строго определенной цели: созидать материальное благополучие; мировые вопросы никакого значения для созидания рая ощущений не имели; от них отделялись, воображая себя верующими христианами, люди, не имевшие в действительности ни веры, ни любви, принявшие одну обрядовую форму христианства, равнодушные к Богу до того, что не находили нужным ни отнестись сознательно к вероучению, ни жить по вере.

Когда сознание получает верховную власть, оно не имеет причины ограничивать себя прежними узкими целями; оно не может добровольно отказаться от насущной потребности своей знать абсолютную истину, а не гадать, блуждая в лесу противоречивых гипотез. Если дух искренно желает познать истину, он не может не идти до конца, не может не сознать, что человеку недоступно самостоятельно дойти до познания абсолютной истины бытия; а что без знания истины абсолютной невозможно не только понять смысл земной жизни и жить разумно, но даже нет разумного основания считать какое-либо действие, какую-либо мысль разумными;

²⁰ ...*правда Божия*... – Но ныне, независимо от закона, явилась правда Божия, о которой свидетельствуют закон и пророки, правда Божия через веру в Иисуса Христа во всех и на всех верующих, ибо нет различия, потому что все согрешили и лишены славы Божией, получая оправдание даром, по благодати Его, искуплением во Христе Иисусе, которого Бог предложил в жертву умилостивления в Крови Его через веру, для показания правды Его в прощении грехов, соделанных прежде, во время долготерпения Божия, к показанию правды Его в настоящее время, да явится Он праведным и оправдывающим верующего в Иисуса (Рим. 3, 21–26).

у человека нет мерил разумности, и весь мир идей обращается в хаос гипотез, фантазий и снов наяву.

Таким образом, подчинившись сознанию, человек обязательно будет приведен к убеждению, что жить сознательно без веры в Божественное Откровение, этот дар любви Божией, невозможно. Только Бог может подарить человечеству знание абсолютной истины, и, каковы бы ни были размеры этого дара Божия, человек, познав малейшую крупицу абсолютной истины через Божественное Откровение, имеет в этой крупице точку отправления и твердую точку для работы сознания. Если злая воля не отвращает человека от Бога, он уверует, когда сознание поставит его лицом к лицу с Божественным Откровением; уверует с радостью; тем с большею радостью, чем более живет в его душе любовь к Богу, любвеобильному Творцу и Высшему Разуму мира.

Во все времена были люди, путем сознания дошедшие до радости веры; были и такие, которым сознание уяснило только, что люди, воображая, что верят, совсем не знают, во что верить, не понимают смысла самого слова *вера* и тем более не живут по вере; при доброй воле они старались бы понять то, что не понимают и со святых страниц Библии, свет веры озарил бы их; при злой воле они поставят в вину Богу и Христу Его и неверие людей, и их постыдное невежество в деле веры, и их позорную жизнь по противному воле Отца Небесного обычаю *мира сего*.

Вот этих людей, сознающих ложь жизни христиан и по злобе сердца обвиняющих в том Бога и Христа Его, особенно много в настоящее время. Они презрительно обзывают веру – мистицизмом и христианство – отжившею религией. Они сотворили себе кумира из собственного сознания и не могут удовлетворить насущной потребности этого кумира, отказываясь смиренно принять знание абсолютной истины из Божественного Откровения. Чтобы задушить невыносимую жажду своего кумира, они стараются опьянить его наукою, развлекать самыми разнообразными умственными калейдоскопами, придумали ему даже золотую клетку позитивизма, но ничто не помогает, и им не удается заглушить назойливый вопрос о смысле жизни мира и человека.

*Бог – любовь*²¹. В этой любви Божией – первопричина бытия мира и человека. *Свят Господь Бог наш*²². В этой святости – первопричина изгнания из рая и сатаны, и Адама, и всех тех грешных душ, которые, нарушив святую гармонию духа, продали свои права сынов Божиих из-за чечевичной похлебki своих индивидуальных похотей. Тот, кто высоко дорожит свободою дисгармонии своего духа и готов ежеминутно продать Бога из-за малейшей похоти своей, не может добрую волю уразуметь огрубелым сердцем, ни любовь, ни святость Божию, не может помириться с абсолютной истиной бытия, именно с тем, что дает разумный смысл бытию мира и воплощению человека, что дает ключ к уразумению разумной стройности великого плана мироздания.

Напрасно силятся заменить абсолютную истину Божественного Откровения философскими обобщениями: ни один разумный человек не в силах заглушить в себе сознание, что все это измышления ума человеческого, основанные на сомнительных опытах обманчивых органов чувств, или пустая риторика, выводящая фантастическое мировоззрение из какого-либо основного положения, которое само по себе лишь гипотеза ума человеческого, которому, как сами люди признают, свойственно ошибаться. И вот, несмотря на бесконечное количество стройных философских систем, человек не может заглушить в себе сознание, что все это лишь смелые гипотезы, и не может выбрать ни одну из них настолько убедительную, чтобы хотя на

²¹ ...*Бог – любовь*... – И мы познали любовь, которую имеет к нам Бог, и уверовали в нее. Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем (1 Ин. 4, 16).

²² ...*Свят Господь Бог наш*... – И каждое из четырех животных имело по шести крыл вокруг, а внутри они исполнены очей; и ни днем, ни ночью не имеют покоя, взывая: свят, свят, свят Господь Бог Вседержитель, Который был, есть и грядет (Откр. 4, 8)

короткое время соединить под свое знамя хоть один народ из сонма народов земли. К тому же ни одна из этих стройных систем, не исключая и тех, которые признают разумного Творца и Верховного Владыку мира, отвергая Божественное Откровение, не может, без очевидной наивности и ребяческой заносчивости, говорить ни о первопричинах, ни о конечных целях мира и земной жизни разумного духа, а именно понимание разумного смысла жизни человека и есть необходимая основа, неперемное условие, без чего не могут быть разумны и все подробности жизни, без чего человек не может осмысленно ступить шага, избрать идею, отдаться желанию, сказать слово.

Положение людей, находящихся на этой промежуточной стадии между полной дисгармонией духа под властью ощущений и святой гармонией царства веры и любви, много хуже положения тех, в ком сознание – послушный раб ощущений и мудрствует лукаво только на пользу своему владыке. Находясь в этом чистилище, грешный дух не может заглушить в себе сознание того, что жизнь его не осмысленна, что наука самодовлеющего значения иметь не может, что в уме его хаос противоречивых гипотез и нет мерил для распознавания крупниц абсолютной истины в песке наивной глупости и злонамеренной лжи; что в сердце у него хаос индивидуальных прихотей и нет никакой разумной причины для самоограничения, нет и никакого разумного основания мечтать о возможности перемирия между несогласованными прихотями убежденных эгоистов, не имея разумного основания для стройной системы общепринятых самоограничений; не может заглушить в себе и сознание того, что кругом него жизнь представляет из себя безобразный, неосмысленный хаос и что ни малейшего разумного основания мечтать о том, что этот хаос может быть упорядочен раньше, чем будут упорядочены хаос ума и хаос сердца, другими словами – раньше, чем будет установлена святая гармония духа, чего он, этот грешный дух, не желает по злой воле и отсутствию любви к Богу.

Бедный добровольный страдалец! Он не хочет рабски подчинять сознание ощущениям, сознав, что это неразумно, и не может найти разумного основания для самоограничения на пути удовлетворения ненасытной алчности этих самых ощущений. Сознывая все безобразие хаоса жизни, сознавая и то, что невозможно удовлетворить жажду ощущений, не делаясь рабом бессмысленной рутины хаоса жизни, сознание требует от него аскетизма для сохранения индивидуальной свободы, без которой нельзя разумно жить, и то же сознание говорит ему, что у него нет никакого разумного основания жить не только при невыносимой пытке нелепого для него аскетизма, но даже и при неудобстве принудительного самоограничения.

Делая из своего сознания кумира, невозможно не быть логично доведенным до сознания неразумности жить, до сознания разумности самоубийства, чтобы покончить муку сознания этого бессмысленного скорбного прозябания среди бессмысленного хаоса жизни. Если бы душа по природе не была христианка и не жила в ней на степени инстинкта память о Боге и вечности духа, люди, воображающие себя неверующими, не могли бы глупо отказывать себе в блаженстве нирваны и глупо продолжать бессмысленное скорбное прозябание, сознавая и скорбь, и бесцельность этой муки. На самом деле атеисты и материалисты не верят только в том смысле, что не любят Бога, и не желают Его исповедовать; самый страх смерти показывает ясно, что они инстинктивно признают и Бога и вечность духа, очень дорожат возможностью прятаться от Бога в кожаные одежды тела и очень боятся, по примеру Адама, предстать перед Ним в наготе греховной дисгармонии своевольного духа.

Жить – неразумно, умирать – не хочется, вот роковая дилемма, при которой долго оставаться нельзя. Это преимущество чистилища – царства разума, над адом – царством ощущений. Пока внутри нас ад полной дисгармонии духа под деспотическим владычеством ощущений, мы можем страдать, не сознавая абсолютной глупости невольных страданий, наивно принимая эти страдания за неизбежную прихоть какой-то судьбы, и нашу глупость за благоразумие *трезвого* философа-практика.

Когда мы духовно доросли до преобладания сознания над ощущениями и водворилось внутри нас на место духовного ада чистилище царства разума, мы не можем бессрочно оставаться в этом положении; сознание, которое под владычеством ощущений было поглощено практическими расчетами, выйдя на свободу, непременно приведет нас к пониманию того, что не только страдать без разумной цели глупо, если можно избежать этих страданий, но даже глупо подвергать себя опасности страдать, когда самоубийство дает нам верное средство застраховать себя от возможности страданий, приведет нас к сознанию возможности рая и необходимости выбрать между раем и адом, не оставаясь бессрочно на большой дороге чистилища.

Когда добрая воля не мешает сердцу разуместь истину и помнить о Боге, обоготворенное сознание легко может таким образом привести душу, алчущую и жаждущую правды, к подножию креста и тут добровольно и смиренно сложить с себя позорное положение кумира-самозванца, преклонившись перед единым законным владыкою мира – Богом единым, легко может привести к вере и пониманию истинного значения Божественного Откровения и заключенной в нем абсолютной, вечной истины правды Божией.

При той же доброй воле, когда хаос жизни и особенно ложь жизни христиан сделали для человека непосильным понимание истинного значения веры и Божественного Откровения в бурном хаосе моря житейского, властное сознание легко может привести к сознательному, хладнокровному самоубийству или долгой агонии мучительной тоски жизни, ноющего прозябания среди хаоса жизни, сознавая его неразумность и не желая подло мириться с нею.

При злой воле инстинктивный страх смерти неизбежен, и решиться на самоубийство можно только под влиянием минутного порыва злобного отчаяния или страстного желания переменить во что бы то ни стало одну невыносимую муку другою, хотя бы для разнообразия. Оставаясь жить, поклонники разума должны выбирать между опьянением ума наукою до потери сознания бесцельности этого занятия, когда знание абсолютной истины не дает мерил для оценки относительной достоверности гипотез, развлечением сознания разнообразными умственными калейдоскопами и добровольным отречением сознания от власти в пользу ощущений.

И тут, конечно, большое значение имеет степень умственных способностей человека. Когда поклонник разума очень глуп, он легко может уверовать в абсолютную истину какой-либо научной сказочки, совершенно серьезно принимать опьянение ума наукою и даже развлечение сознания умственными калейдоскопами за высокополезную, разумную деятельность и благодушно мириться с хаосом жизнедейственности.

Кому не известен этот тип благодушного ученого или жизнерадостного интеллигентного человека, самодовольного и ко всему и ко всем снисходительно доброжелательного, благодаря эгоистическому равнодушию ко всему, что не нарушает иллюзию его интеллигентной феерии среди горя и страданий окружающей жизнедейственности. Эти безобидные мечтатели, пока их мечты уживаются с выгодами поклонников ощущений, внушают этим последним даже уважение, особенно когда их научные изыскания направлены к увеличению комфорта цивилизации или выгоды какого-либо производства; тогда их признают положительно полезными наравне с мериносами и дойными коровами.

Многие при современном культе разума сочтут за кощунство одно святотатственное предположение о возможности соединения изобретательности с ограниченностью ума, и, однако, это так. Ограниченность ума происходит не от ограниченности способности духа сознавать, а от духовной лени, безволия духа, не желающего сосредоточить внимание, часто и от недоброкачества машины мозга. Если машина мозга действует исправно не вся, а только в одной какой-либо части, человек будет глуп и может в то же время быть односторонне гениален; то же произойдет и в том случае, если человек тупоумный по злобе сердца, при полном равнодушии ко всему остальному, сосредоточит всю энергию духа на какой-либо

ничтожной мелочи жизни; терпеливое внимание легко может привести самого глупого человека к открытиям и изобретениям. Так, когда дух по равнодушию к Богу не страдает ни мировой тоскою, ни мучительною жаждою познать абсолютную истину правды Божией и по равнодушию к людям нимало не болеет чужим горем и страданиями, он может сосредоточить всю энергию духа на какой-нибудь машине, если он умен, развлекаясь этою игрушкой, а если он глуп, воображая, что она-то и придает разумный смысл его земному существованию; и в том, и в другом случае он может, в конце концов, при упорном внимании и непоколебимом терпении изобрести новое усовершенствование и даже набрести на совершенно новое открытие. Люди, для которых это усовершенствование или открытие окажутся выгодными, признают изобретателя гением и благодетелем человечества и открытие гениальным подвигом человеческого ума тем охотнее, чем более выгод они от того получили. Таким образом, люди этой категории, особенно если они глупы и злы до невозмутимого самодовольства среди горя и страданий, очень хорошо уживаются с прочими врагами Бога и благодушествуют, находя весьма сносную жизнь по обычаю *мира сего*.

Кто не перешел через близкое к этому духовное настроение, когда в ранней молодости безобразный хаос окружающей жизни не мешал жестокому эгоизму жизнерадостности! Тогда глупость сердца была порождена жаждою духа жить сознанием и ощущением после невольного воздержания детства, и он забавлялся, даже не подозревая, что это забава, а не важное дело, способное само по себе дать разумный смысл жизни!

Многие ли отрешаются? Многие ли сознают жестокость беспечной жизнерадостности среди бессмысленного зверства хаоса жизни по обычаю мира сего? Многие ли извиняют этот анахронизм жизни, а не любят им и не воспевают его как отрадное явление?

Когда искренний поклонник разума очень умен, он не может предписывать ему близорукие или узкие цели деятельности, а должен покорно следовать за вольным полетом своего кумира в самую высь мировых вопросов, как бы дух ни замирал от страха и ни коченел от холода и мрака при роковых выводах неумолимой логики. Он все разрушит, этот разум-кумир, он докажет своему поклоннику, что он – ничтожная былинка безбрежного хаоса мира, которая только и может понять, что ничего не понимает, которая не в силах понять ни сущность материи, ни сущность какой-либо силы, ни начала, ни конца времени и пространства, ни первопричину бытия мира, ни самозарождения этого мира из столь же непонятной пустоты, ни смысла жизни, ни тайну жизни разумного человека. Что же остается для искреннего поклонника разума, как не развенчать своего кумира или оставаться верным ему до безумия или мрачного ужаса беспросветного отчаяния.

До безумия и отчаяния доходят гораздо реже, чем до молчаливого, часто бессознательного развенчивания кумира. Искреннее исповедование разума продолжается только до тех пор, пока глубоко убеждены в его всемогуществе; как только заговорили о его ограниченности, о том, что наука и цивилизация все же лучшее из всего относительного и преходящего, другими словами – излюбленная суета из всех бессмысленных сует, кумир развенчан до степени заурядной похоти, и поклонник разума становится прозябающим рабом самодовлеющих ощущений. Тогда погружаются в непробудное научное пьянство, соединенное с угрюмым озлоблением томительного похмелья в трезвые минуты, или забавляют своего экс-кумира, ставшего излюбленною похотью, разными умственными калейдоскопами, для приличия продолжая говорить громкие фразы о свете разума и благах цивилизации, сознавая в то же время всю дрянность этой пошлой игры и скрытой под нею подлой дряблости бессмысленного прозябания.

Нередко случается, что изверившийся поклонник разума добровольно возвращается под тиранию ощущений и погружается в сознательный, принципиальный разврат, находя, что ощущения и суть единственное, реальное, непризрачное благо жизни; тогда унижают своего бывшего кумира до положения послушного раба ощущений, заставляя его изобретать пикантные новинки, разукрашивать порок роскошными цветами поэзии, изящно драпировать его,

эффектно освещать и всячески мудрствовать лукаво, стараясь хитроумно доказать, что подлость, злоба и порок – высокая демоническая добродетель, симпатичное проявление горячего темперамента и широкого просвещенного взгляда на вещи или, по крайней мере, вполне естественная нормальная потребность человеческой природы.

Третья мера муки в *притче о закваске* – это люди, которые не подчиняют любовь сознанию и тем более ощущениям. И эта мера муки должна медленно вскисать до святой гармонии духа. От робкого признания равноправности любви с сознанием и ощущениями до вдохновения пламенной веры и любви – длинный путь, и на пути этом много комбинаций компромиссов между волею духа, жизнью по обычаю мира сего и степенью вдохновения любви животворящей.

Как и все притчи Спасителя мира, притча о тройной закваске имеет глубокое и в то же время широкое значение. Три меры муки означают не только три степени дисгармонии духа, из которых каждая, *вскисая* по мере доброй воли подчиняться действию животворящего слова Божия, способна притворится в святую гармонию духа, при которой царствие Божие внутри нас есть; эти три меры муки означают тоже и три периода в жизни человечества. *Закваска Царствия Божия, вскисая*, проводит человечество *от царства ощущений через царство разума к царству любви, от формы христианства через философию христианства к жизни по вере*.

Оно упирается на своем пути – это жестоковыйное человечество с медным лбом и каменным сердцем, оно никогда не рассталось бы со своим излюбленным адом царства ощущений, но вскипает закваска Царства Небесного, и человечество доросло до периода царства разума. Оно и теперь упирается, сотворило себе целый пантеон новых кумиров под главенством науки и гордится, называя подвигами человеческого ума то, в чем все *разумное, доброе и вечное* выросло против желания грубо-чувственного человечества, под сенью креста, часто в тиши монастырских келий.

Этот второй период еще не кончился; человечество, обоготворяя разум и науку, тем самым отрицает Христа; но *продолжает вскисать закваска Царства Небесного*, придет полнота времен, и обоготворенный разум заставит человечество понять всю несравненную глубину и гармонию абсолютной истины правды Божией, которая и есть философия христианства.

Человечество поймет то, что теперь еще не понимает. Но понять не значит полюбить. При злой воле всегда можно день назвать ночью, хорошо понимая, что день не ночь. Человечество поймет христианство и будет ненавидеть его, гнать и всячески злословить, как оно ненавидело, гнало и злословило пророков, Сына Божия и святых, как гонит всякую правду и ненавидит всякую святость порок нераскаянный.

И вот *вскисает закваска Царства Божия* до третьего периода, люди устанут драться и мудрствовать лукаво, они захотят украсть у Царства Божия плоды любви, как старались украсть плоды христианской мудрости. Они поймут значение любви, как поняли значение разума; одного они не поймут огрубелым сердцем, что плоды эти – на лозе христианства и не могут быть оторваны от нее; не поймут, потому что противно их гордости и греховности любить Бога Святого и Христа Его.

Спаситель мира сказал: *Я есмь истинная виноградная лоза, а Отец Мой – виноградарь. Всякую у Меня ветвь, не приносящую плода, Он отсекает; и всякую, приносящую плод, очищает, чтобы более принесла плода. Вы уже очищены через слово, которое Я проповедал вам. Пребудьте во Мне, и Я в вас. Как ветвь не может приносить плода сама собою, если не будет на лозе: так и вы, если не будете во Мне*²³. Ныне сбываются слова Божии. Злые демоны, не любя ни Бога, ни Христа Его, хотят жить разумом и познать истину; но основание истины – любовь Бога Творца, и им не удастся украсть плод познания абсолютной истины, потому что

²³ Ин. 15, 1–4.

нельзя оторвать его от лозы Господней, нельзя отделить его от исповедания любвеобильного Творца, Верховного Разума мира.

Убедившись окончательно, что украсть плоды христианской мудрости невозможно, они, продолжая быть злыми демонами, постараются украсть плоды христианской любви; они уже теперь действительно приготавливаются к тому: любовь назвали альтруизмом и всеми силами стараются доказать, что, хотя они и ничего не понимают в этом чувстве и никак не могут связать его с верховными правами разума и догматом борьбы за существование, одно они положительно знают, что чувство это – естественное свойство бродячей фикции человека-автомата и с христианством и правдой Божией ничего общего не имеет. Они даже начинают осуществлять задуманную кражу и очень много мудрствуют лукаво по вопросам психологии и этики, скрывая под этими научными кличками вороха научных гипотез относительно жизни духа и нравственности. Вместо жизни духа они постоянно говорят о сопутствующих душевным движениям состояниях организма, признавая их не за следствие, а за причину духовной жизни, по обычной для поклонников дисгармонии и врагов Бога привычке подчинять властную силу рабу материи.

Нравственность есть не что иное, как вера живая, добрая воля жить по вере – это плод веры. Грешные демоны начинают понимать красоту этого плода и, не желая верить, желают украсть и этот дивный плод, оторвав его от лозы христианства, но и это не удастся им, они доживут до унижительного для их гордости жизненного опыта, что и этот плод нельзя украсть, а можно только получить как добровольный дар любви Божией, смиренно сознав греховную дисгармонию своего по гордости тупоумного духа и всем сердцем и сознанием полюбив высшую гармонию, мудрость и любовь Бога Святого.

Они и это поймут, но и здесь из многих званых будет мало избранных. Они поймут значение любви, как поняли значение разума; поймут, что нельзя украсть плоды христианской нравственности, как убедившись, что нельзя украсть плоды христианской мудрости, и, несмотря на это, многие будут продолжать злобствовать, завидовать, клеветать и по-прежнему не верить, что значит для тех, кто видел и знает, ненавидеть Бога и Христа Его. *Если бы Я не пришел и не говорил им, то не имели бы греха; а теперь не имеют извинения во грехе своем*²⁴.

Кто поклонялся разуму и не захотел понять правду Божию или, поняв учения Христа, не воспрянул духом до вдохновения веры и любви; кто поклонялся альтруизму, изучал психологию и этику и не захотел полюбить высшее проявление добра на земле, *Света истинного от Света Небесного*, Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа до вдохновения веры в Бога и любви к ближнему, тот не имеет оправдания во грехе своем, кто произнес хулу на Духа Святого, тот никогда не желал искренно познать истину, никогда не желал искренно господства правды на земле, а только хотел украсть плоды мудрости и христианской любви на пользу себе.

Отдельные представители не только всех видов дисгармонии духа, но и святой гармонии были во все периоды постепенно вскисающей закваски Царства Небесного, будут и в третий последний период, когда исполнится полнота времен, настанет великая жатва; они есть и теперь, когда мы еще не доросли до понимания подавляющего значения христианской философии и для многих не взошло еще солнце христианского самосознания. Теперь между нами, как было и в первый период царства ощущений, есть отдельные души, дисгармония которых не доходит до порабощения любви сознанием и ощущением.

Продумаем, как живется среди хаоса жизни по обычаю *мира сего* тому, кто инстинктивно, робко ставит любовь наряду с сознанием и ощущением, тому, кто мужественно признает преобладающее значение любви, тому, наконец, кто воспрянул до святой гармонии вдохновения живой веры в Бога и любви к ближнему.

²⁴ Ин. 15, 22.

В первом случае, при равноправии всех трех свойств духа, когда воля колеблется, не решаясь установить порядок первородства между ними, как и во всякой республике установившейся, основанной на единодушной симпатии большинства конституции, положение не может быть устойчиво и республика легко может принять характер анархии.

Они есть, эти добрые люди, колеблющиеся, с двоящимися мыслями; минутами они, как волна, вздымаются до разумения сердцем и затем, как волна, ниспадают до благодушного примирения с пошлостью, пороком и злобою; они всегда снисходительны, не разумея разницы между преступною снисходительностью, с одной стороны, и строгою доброжелательностью христианской любви, обязательным прощением личных обид и воздержанием от злорадных пересудов ближнего – с другой. Это не та равнодушная, часто презрительная снисходительность, о которой мы говорили, говоря о безнравственных поклонниках разума; снисходительность этих добрых людей происходит от потребности их сравнительно гармонического духа любить, которая при равнодушии к Богу вырождается в стремление мирно уживаться с людьми при всяких обстоятельствах. Любовь у них инстинкт духа, дисгармония которого происходит не от преобладания сознания или ощущений над любовью, а от недостаточной степени вдохновения, не только не доходящей до живой веры, но даже и до решительного преобладания любви над сознанием и ощущением. Они добры и бесхарактерны, могут быть умны, не имея твердых нравственных убеждений, могут сочувствовать нравственности и всю жизнь поддаваться самым позорным слабостям, и очень часто анархия царствует внутри них. Это те жалкие люди, которые, сочувствуя добру, поддерживают хаос жизни и, скрадывая естественное безобразие порока, способствуют поддержанию хаоса мысли. Это те жалкие люди, которые, не любя зло, часто делают зло, постоянно снисходительны к злу и непрерывно болеют сознанием зла. О них, более чем о ком-либо, можно сказать, что это души, потерявшие равновесие, *déséquilibrés*, как говорят французы. Несмотря на их несомненную зловредность в жизни, они несомненно жалки, что так сильно подкупило в их пользу нашего Достоевского.

И тут чем умнее этот бесхарактерный, добрый человек, тем тягостнее будет земная жизнь для него. Он будет понимать весь ужас, всю грязь и пошлость окружающей жизни и не найдет в себе достаточной энергии духа не только для того, чтобы работать на упорядочение этого безобразного хаоса, но даже и для того, чтобы самому не выть с волками и не увязнуть по уши в родном болоте. Это изысканная пытка духа, и тут незримый плач и скрежет зубов.

Конечно, и эта пытка добровольная. Как только дух воспрянет от апатии, он может свободно выйти из этого ада раздвоенности не только в чистилище последовательной нравственности, но даже и в рай святого вдохновения веры и любви; и этот переход совершится для него гораздо легче, нежели для поклонника разума. Ведь ему любовь понятна сама по себе, и нет надобности справляться у разума, насколько она выгодна.

Казалось бы, вполне естественно для этих добрых людей, сердце которых не огрубело до неразумения темных сторон хаоса жизни, искать просвета, понять, живя в христианском государстве, истинное значение Божественного Откровения и, познав на опыте скорбь и мрак жизни без Бога, воспрянуть до радости веры и мудрости жизни во Христе. Царство Божие берется с усилием, и на это усилие обыкновенно не хватает энергии у апатичного грешного духа: от доброты до святости далеко, и бесхарактерные, добрые люди чаще мирятся с хаосом мира, чем с мыслью о непоколебимой святости. По большей части эти люди, если они не остаются бесхарактерно добрыми мучениками на всю жизнь, ожесточаются под тяжелыми ударами опыта жизни до преклонения перед выводами разума о выгодах холодного эгоизма или окончательно поддаются соблазну ощущений, из которых и делают для себя сердечную игрушку.

Когда бесхарактерный добрый человек глуп, положение его много лучше, и тем лучше, чем он глупее. Многого он не будет понимать в себе и других, много зла он примет за добро, многих демонов примет за ангелов; он непременно найдет в богатом выборе религиозных и нравственных игрушек такую, которую примет за серьезное дело; уживаясь со всяким злом

и пороком, будет считать свою уживчивость за доброту и свои личные симпатии за любовь к ближнему, а их задабривания за благотворительность, – одним словом, будет доволен собою, всеми окружающими и жизнью по обычаю *мира сего*. Только он должен быть очень глуп, чтобы никогда не уразуметь ужасную действительность.

Когда любовь имеет решительно преобладающее значение в жизни духа, нет этого невыносимого разлада духовной анархии. При этом настроении духа невозможны ежедневные сделки с собственной совестью и благодушное уживание со злом и порочностью. Таких цельных добрых людей мало, и большинство, не сочувствуя им и не понимая их, редко даже заподозрят, что они добры, так как доброта не принимает в них характер излюбленной толпою уживчивости и добродушной снисходительности.

Для того чтобы, несмотря на всеобщее недоброжелательство и тяжелые удары враждебной практики жизни, постоянно ставить любовь выше сознаваемых выгод и приятных ощущений, нужна такая энергия любви, при которой и ум, и сердце непременно уразумеют не преходящие выгоды, а абсолютное благо тех, кому добра желают. Такой человек не будет потакать прихотям людей, не будет даже заботиться об их материальных выгодах; энергия собственного духа заставит его понимать, что прочное благо – во внутренней жизни духа, а не во внешней обстановке земной жизни, и он, искренно желая любить и уважать, никогда не будет мириться ни с чем, что любить и уважать людей делает невозможным; будет желать для них той гармонии духа, которую они сами себе никогда не желают и без которой он не может любить их личной любовью, чего они никогда ему не простят. Они будут клеймить его названием идиота за то, что он не соблюдает своих выгод, названием холодного эгоиста за то, что он от них обособляется, и узкого фанатика за то, что он не мирится с тем, что мешает людям быть счастливыми.

При таком настроении духа нужен только свет веры, чтобы водворилась гармония святости. Такой дух, чуткий ко всему, что есть любовь, гармония и святость, не может не уразуметь сердцем внутреннюю правду Божественного Откровения, если ему хоть раз пришлось испить воды живой из этого неиссякаемого источника добра, любви и вдохновения.

Увы, в современных государствах, при официальном исповедании христианства, рутина жизни по обычаю мира сего, условная ложь всего склада понятий и симпатий современных бессознательных материалистов, называющих себя христианами – все это настолько затемнило понимание вечной истины правды Божией, что настоящие христиане, по настроению близкие к святости по степени гармонии духа, могут прожить всю жизнь, не поняв истинного значения христианства для человечества, не воспрянув до радости веры, без которой нет для них ни радостной надежды Царства Божия, ни радости сознания внутренней правды гармонии собственного духа, несмотря на порицание и недоброжелательство торжествующих злобы, порока и пошлости.

Они есть, эти бессознательные христиане, затерянные в пестром хаосе жизни среди миллионов бессознательных материалистов-язычников; они не понимают, что они родные заблудшие сыны Отца Небесного, и не понимают истинного значения веры и христианства, а иногда даже и не верят только потому, что жизнь и люди приучили их вкладывать в слово *вера* узкие, искаженные понятия.

Тягостно положение этих бессознательных христиан. Не имея веры или не понимая вечную истину правды Божией во всей ее чудной стройности, они не имеют ни определенного мировоззрения, ни определенного идеала и не могут обманывать себя лживыми научными сказочками или развлекать себя религиозно-нравственными забавами: гармония духа и самая энергия любви протестовали бы громко против подобного позора. Они не имеют определенного плана для борьбы со злом, и не могут мирно уживаться с ним; постоянное общение с более их грешными людьми без всякой цели, не имея даже достаточного основания защищать то, что они инстинктивно, а не сознательно любят, бывает для многих из них непосильною пыткой, и вот такой человек обособляется, замыкается в самом себе, страдает пыткой бессиль-

ной любви среди торжествующей злобы, принимает вид угрюмого мизантропа среди порочных людей, которых он горячо желал бы любить и уважать; иногда пестрый хаос жизни доводит его до роковых ошибок: видя, сколько зла плодят кругом себя рабы ощущений, он впадает в крайность, признает всякое удовольствие за зло и делается строгим аскетом, тем более, что в современном строе жизни, при поголовной борьбе за существование, все отношения имеют грубый характер биржевой сделки и замаскированного насилия; видя, как много зла плодят кругом себя злые демоны, мудрствуя лукаво, он может, особенно если он не очень умен, относиться с принципиальным недоверием к собственному сознанию и принять на себя роль идиота, делая благоглупости, как поступали Мышкин и Алеша Карамазов – эти излюбленные герои Достоевского.

При здоровом уме и сильной энергии любвеобильного духа, живя в христианском государстве, бессознательный христианин не может не стать сознательным почитателем истинного Бога и Христа Его. Сила любви заставит его искать истину для общего блага, и он найдет ее, несмотря на все неблагоприятные условия современной жизнедействительности.

Надо не иметь ни разума, ни доброй воли, чтобы искать правду и не ознакомиться с Библиею, этою святою книгою жизни, которая признается официально источником познания правды в течение полутора тысяч лет всеми цивилизованными народами земного шара. Достаточно раз раскрыть эту святую книгу не с целью легкомысленно перелистывать ее, а с искренним желанием основательно ознакомиться с ее содержанием, чтобы сердце воспрянуло, заслушав дорогие звуки родного неба на далекой чужбине земного скитания; при чтении каждой главы в самой глубине тайника души стройным аккордом зазвучат ответные струны, и не расстанешься с *книгою книг*, пока не воспрянет дух до вдохновения веры, озарит сознание свет абсолютной вечной истины правды Божией и водворится в душе святая гармония.

И святая гармония духа имеет свои степени. Апостол Павел в посланиях называет святыми всех членов христианских братских общин, то есть всех тех, кто, веруя живою верою, живет по вере. *Находящимся в Колоссах святым и верным братьям во Христе Иисусе*²⁵. Так начинается он послание к Колоссянам. Не все члены братских общин были святы по жизни, но все без исключения верили и желали жить по вере.

Без веры нет святости, потому что, веруя, нельзя не любить Бога и не творить святую волю Его, потому что Он един Свят, Он источник единой правды, добра и познания абсолютной истины на земле, как и на небе. Это настолько верно, что даже Платон, этот великий вдохновенный философ, всего более родственник христианству по дивной гармонии духа, не понял ближнего в рабе, не только не понял любящим сердцем права разумного вечного духа под личиною раба, но даже, ставя сознание выше любви, дошел путем рассуждений до признания законности жестокого равнодушия к нему. При вере – не той вере, когда на религию смотрят как на выгодную сделку и подкуп Бога, а на дела веры как на подкуп общественного мнения и успокоительную сделку с совестью; эта вера мертвая, достойная друзей мира сего, наивная мечта купить по сходной цене пропускной билет в Царство Небесное, в расчете на благодушную снисходительность Того, кто праведен и Свят, – я говорю о живой вере, которая есть вдохновение любви к Богу и ближнему до искреннего страха оскорбить Его, до горячего, искреннего желания познать и творить святую позицию Его; при этой вере нельзя не жить по вере, можно иногда впадать в ошибки, но нельзя мириться со своими ошибками; можно не суметь или не быть в силах согласовать свою жизнь с волею Божиею во всех подробностях, но нельзя не употребить все силы своего ума на то, чтобы понять волю Божию, и все силы духа, и все материальные средства свои на то, чтобы творилась воля Божия на земле.

Без этой веры невозможна полная гармония духа, потому что только любовь к Богу совершенному дает твердое основание преобладания любви над сознанием и ощущениями; при

²⁵ Кол. 1, 2.

живой вере невозможно, чтобы не было святой гармонии духа; невозможно потому, что при ней нельзя сознание и тем более ощущение ставить выше любви к Богу; нельзя не признавать законные права сознания как свойство духа разуметь волю Его; нельзя даже впадать в роковую ошибку мрачного самодовлеющего аскетизма, забывая, что и ощущения – свойства духа и дар Божий, который грешно признавать за зло, хотя бы в жизни по обычаю *мира сего*, которая вся *во зле лежит*, и пришлось бы быть аскетом, чтобы не стать изменником Богу и не делать зла ближнему своему.

Итак, справедливо называл апостол святыми тех, в ком вера живая водворила святую гармонию духа, кто искренно желал вести святую жизнь, согласно святой воле Бога Святого, хотя бы в жизни они и впадали в ошибки и эти ошибки давали основание злым демонам не только отрицать святость их жизни, но даже и злорадно глумиться над ними.

Степень святости происходит от степени энергии вдохновенной любви к Богу и размера понимания воли Божией. Говоря о других настроениях духа, я упоминал о том, какое значение имеет размер умственных способностей как результат деятельности сознания в связи с энергией духа – состоянием машины мозга. При святости говорить об этом нет смысла; вера непременно сообщает духу такую энергию, даже минимум которой достаточен для того, чтобы при самых неблагоприятных обстоятельствах сердце уразумело то, что остается скрытым и непонятым для огрубелого сердца мудрых и разумных врагов Бога, живущих, думающих и чувствующих по обычаю *мира сего*.

Святые, веруя живую верою, любя Бога, признавая, что вечная истина правды Божией, единая абсолютная истина и воля Отца Небесного, – единое абсолютное добро для всех времен и всех народов, не могут *быть тростью, всяким ветром колеблемою*²⁶; все устойчиво в них, покоясь на камне незыблемом, – и мысли, и чувства, и жизнь. По мере того, как растет в них вдохновение любви к Богу и разумение Его святой воли, постепенно очищаются, растут в святости, все более и более согласуясь с вечной истиной правды воли Божией и мысли, и чувства, и жизнь их, но одновременно нет разлада и двоения, как бывает в уме, сердце и жизни интеллигентных скептиков, для которых все гипотеза и проходящая условность.

Как скептикам свойственно, имея хаос в уме и сердце, благодушно уживаться со всяким хаосом жизни или безлюдно протестовать против антипатичных для них явлений хаоса, не имея чем заменить их, так для того, кто верует живую верою, невозможно не только уживаться, но даже и мириться до равнодушия с тем, что ложь и зло, расходясь с вечной истиной правды воли Божией; невозможно не исповедовать Бога и Христа Его, ежеминутно, на каждом шагу протестуя словом и делом против условной лжи и позора жизни по обычаю *мира сего*, как поступали пророки, апостолы, святые и сам Спаситель мира – все, кто были *не от мира сего, кого мир гнал, злословил, и ненавидел*²⁷; все, кто были *нелицемерными сынами Отца Небесного по духу и соработниками Бога Промыслителя по жизни*²⁸.

Как отражается это на их отношениях к жизни и людям, понятно само собою. Пример их жизни и слово каждое их речи вдохновенной вызывает естественную антипатию рабов греха, самоуверенных, самодовольных, торжествующих на ярмарке жизни, гордых, грехолюбивых врагов Бога и Его избранных. Отсюда одиночество христианина и та враждебная ему атмосфера, которую, по молчаливому соглашению, окружают его все те, кого он так страстно желал бы видеть достойными любви и уважения, так страстно желал бы горячо любить и уважать, не изменяя Богу святому и правде Его.

²⁶ ...*быть тростью, всяким ветром колеблемою*... – Когда же они пошли, Иисус начал говорить народу об Иоанне: что смотреть ходили вы в пустыню? трость ли, ветром колеблемую? (Мф. 11, 7).

²⁷ ...*кого мир гнал, злословил, и ненавидел*... – Я передал им слово Твое; и мир возненавидел их, потому что они не от мира, как и Я не от мира (Ин. 17, 14).

²⁸ ...*соработниками Бога Промыслителя по жизни*... – Ибо мы соработники у Бога, а вы Божия нива, Божие строение (1 Кор. 3, 9).

Это одна из изысканных попыток воплощенной святости. Чем выше святость, чем сильнее потребность духа любить и быть любимым, тем полнее невольное тягостное одиночество, тем острее непримиримая вражда к нему всего окружающего, тем менее способны понять и оценить его. Спаситель мира, святой из святых, *Свет от Света Небесного*. Чье слово каждое было абсолютно правдой Божией и вся жизнь – выполнением воли Отца Небесного, был одинок даже среди учеников своих и внушал к себе более ненависти, чем кто-либо из всех одиноких и ненавидимых пророков.

Чем выше святость, тем более разумеет сердце всю ложь и зло, все то, что оскорбляет святость Божию, и что, уразумев, нельзя продолжать благодушно пировать на оргии жизни по обычаю *мира сего*, а естественнее плакать

...весь день, всю ночь в тоске немой
Слезами жгучими о гибнущем народе.

(Д. С. Мережковский)

Уразумев, нельзя мириться с окружающим, политично молчать и тем более благодушно улыбаться, чего требует толпа, без чего она не извинит ни протестующее молчание, ни доброжелательный совет, ни, тем более, горячее порицание негодующей любви; она веру назовет безумием, любовь – эгоизмом, святость – гордостью и будет, мудрствуя лукаво, как она всегда это делает, когда хочет найти причину ненавидеть, считая, что понять значит извинить, она будет злословить, лгать и притворяться, стараясь доказать, что имеет основательные причины ненавидеть того, кто любит, и презирать того, кто свят. Так всегда относилась и будет относиться к святости грехолюбивая толпа; она в глубине души хорошо понимает, что любовь – любовь и святость – святость.

Но ненавистен Бог служителям кумира.

Они возлюбили тьму и не хотят света. Они блуждать хотят по прихоти злого сердца.

И что им истина, и что для них пророк!

Истина – слишком яркий свет для больного глаза грешной души; пророк – оператор, а они не хотят болезненной операции. Вот почему они с привычною для них нелогичностью, извиняя всякое зло темпераментом и отсутствием свободы воли, никогда не простят тому, который, строго порицая их пороки, сказал бы им:

Огонь в моей груди, огонь в моих костях...
И как мне удержать проклятье на устах?
Оно сожжет меня, но вырвется на волю...

(Д. С. Мережковский)

Не простят, хотя бы проклятие это относилось к злу, которое мешает любить и уважать их, мешает им быть счастливыми, хотя бы проклятие это было вызвано искренним желанием сделать их счастливыми и достойными любви и уважения.

Несомненно, друзья Бога, искренние сыны Отца Небесного, самые отверженные, гонимые и злословимые из всех сынов человеческих среди ликующих друзей жизни по обычаю мира сего, – они всего более болеют сознанием греховности мира, сознавая святость Божию, всего более болеют сознанием наивной глупости человечества, сознавая разумную правду Божию, всего более болеют сознанием позорного хаоса жизни человечества, сознавая стройную гармонию Царства Небесного. Ревность по Богу сдает их, холодное одиночество и грубая вражда окружает их любвеобильное, жаждущее любви чуткое сердце.

И, однако, эти мученики жизни, эти обездоленные аскеты, эти отверженные, поруганные, оклеветанные друзья человечества, несомненно, самые счастливые из всех обитателей земли.

Что им земное одиночество, когда вселенная для них полна любовью и славой Божией, и смерть для них заря блаженства вечного; они менее одиноки, чем эти ликующие друзья мира, для которых все человечество погружено в страшное одиночество мертвого пространства в ожидании смрадного мрака могилы.

Что для них горестное сознание торжествующего зла, когда они уверены, что зло пройдет и наступит вечное царство любви и радости светлой, когда они знают дивную стройность мироздания, и жизнь, и смерть имеет разумный смысл для них, а впереди, весь осиянный любовью, силою и славой Божией, великий светоч полной гармонии Царства Небесного! Их сознание дает им радость, которую не испытать тем, для кого все мрак и хаос противоречивых гипотез, для кого и жизнь, и смерть, и бытие мира, и судьбы человечества – все грозные, мучительные, неразрешимые загадки.

Что для них страдания и оскорбления, когда в душе живет могучая радость вдохновения, совершается великое таинство причастия Духа Святого; по временам царит святая тишина и предвкушает дух блаженство вечное, несказанную радость! Они много, много счастливее тех, у кого в уме и сердце хаос и дисгармония, кто, жадно развлекаясь пестрыми игрушками, едва успевает задушить в себе сознание бесцельности жизни и страшного холода лишённого радости вдохновения и причастия Духа Святого Господа Животворящего.

Я окончил беглый обзор того, как живется среди хаоса современной жизнедействительности людям разного настроения духа. Вы все, которые, прочтя эти страницы, задумаетесь над участью любимого существа или узнаете собственные страдания в этом оглавлении важнейших отделов страданий ада житейского, – вы поймете меня, поймете, что я ничего не преувеличил, а только сгруппировал жизненные явления так наглядно, как в жизни они группируются редко, поставил их перед вами в такой суровой наготе, в какой вы не привыкли видеть их, которую тщательно скрывают от вас условные покровы и подкупающая позолота.

Страшно, страшно сознавать себя бессильною игрушкой хаоса.

Где же выход, где якорь спасения, где истина, где путь, в чем жизнь?!

§ 4. Книга жизни

Да не отходит сия книга закона от уст твоих; но поучайся в ней день и ночь, дабы в точности исполнять все, что в ней написано: тогда ты будешь успешен в путях твоих и будешь поступать благоразумно²⁹.

Вот книга заповедей Божьих и закон, пребывающий вовек. Все, держащиеся ее, будут жить, а оставляющие ее умрут³⁰.

И увидел я мертвых, малых и великих, стоящих пред Богом, и книги раскрыты были, и иная книга раскрыта, которая есть книга жизни; и судимы были мертвые по написанному в книгах, сообразно с делами своими³¹.

Библия

Мы видели, что вне веры и жизни по вере – хаос мысли и хаос жизни. Оно и быть не может иначе. Только вера может дать определенное мировоззрение и прочную опору абсолютной истины, как точку отправления для работы сознания.

²⁹ Нав. 1, 8.

³⁰ Вар. 4, 1.

³¹ Откр. 20, 12.

Для того чтобы составить себе определенное мировоззрение, надо на мир смотреть с такой высоты, с которой можно было бы весь мир обнять одним всеобъемлющим взглядом, всеобъемлющим в пространстве и времени. Сделать это на земле при помощи обманчивых органов чувств и выкладок ума человеческого нельзя; это очевидно для всякого, кто не опьянен гордостью до потери самосознания.

Знать абсолютную истину бытия может Бог един. Поведать человечеству абсолютную вечную истину правды Божией, а следовательно, и единое, не призрачное мировоззрение, может только слово Божие, Божественное Откровение.

Только вера в непреложную истину слова Божия и может дать человечеству возможность разумно мыслить и разумно жить, а не фантазировать, подчиняя разум ощущениям (научный опыт) или строя фантастические теории на сомнительном основном положении (трансцендентальная дедукция) и бессмысленно прозябать, заглушая пестрыми игрушками страшное сознание бессмысленности жизни во всей ее совокупности.

Тот, кто не верует ни в Бога, ни тем более в Божественное Откровение, не может разумно мечтать о познании абсолютной истины и о возможности разумно жить; для него остается вопрос о том, каким образом наилучше избежать бессмысленного земного прозябания в ожидании бессмысленного уничтожения индивидуальности в минуту смерти.

Много веков все цивилизованное человечество официально признает христианское мировоззрение: Библия есть книга жизни, что в книге этой на языке человеческом изложено то слово Божие, которое дает человечеству познание абсолютной истины бытия, смысла земной жизни человека и того, как жить разумно.

Моисей, передавая народу волю Божью, говорил евреям: *Во свидетели пред вами призываю сегодня небо и землю: жизнь и смерть предложил я тебе, благословение и проклятие. Избери жизнь*³². Те же слова может повторить нам и теперь, указывая на Библию, святая церковь. Признавая слово Божие за источник жизни, церковь признает тем самым, что жизнь тем более разумна, чем более она согласована со словом Божиим, чем лучше понимает человечество волю Божию, чем более сознательно оно избирает жизнь и благословение.

Христианские государства, официально признавая христианство за абсолютную истину, не могут не признавать, что жизнь и благословение каждого из подданных в отдельности и всего государства в совокупности зависит от знания воли Божией и от степени согласования жизни и словом жизни.

Напрасно враги христианства указывают, глумясь и злорадствуя, на разлад между словом и делом, между официальной религией и практикою в жизни церкви и государства. Отдельные представители церкви и государства, как учреждения человеческие, могут не только не жить по вере, но и не верить.

Государство официально признает христианство, церковь настойчиво указывает нам на жизненное значение слова Божия. Я не хочу уменьшать громадную личную ответственность тех, кто по своему положению в церкви или государстве могут способствовать согласованию общественной с вечною истиною правды воли Божией и не делают все, что от них зависит в этом направлении. Бог им судья; и для них, как и для нас, звучат те же грозные слова, предстоит тот же роковой выбор между жизнью и смертью, благословением и проклятием. Я хочу твердо помнить, что никакие ошибки, никакие пороки отдельных представителей церкви и государства не могут извинять нас, если мы не живем по вере, не только теперь, когда христианство официально признано и Библия тщательно распространяется церковью, но даже и в том случае, если бы христианство было гонимо и Библия запрещена. Я хочу твердо помнить, что государство и церковь по тому самому, что они исповедуют христианство, не могут насиловать подданных, заставляя злых демонов выполнять волю Божию.

³² Втор. 30, 19.

Достаточно того факта, что христианство официально признано за основу жизни государства, чтобы сделать обязательным основательное знание Библии для всякого человека, желающего разумно жить в этом государстве, это необходимо для всякого без различия, для верующего, как и для неверующего.

Верующий не может не сознавать, что творить волю Божию – для него вопрос вечной жизни и вечного благословения; что творить волю Божию нельзя, не зная воли Божией, что слова жизни заключены в святой Библии; что знание первоисточников веры тем более необходимо для него, чем менее он подчиняется руководству церкви, дорожа своею самостоятельностью или находя руководство временных представителей церкви неудовлетворительным.

Неверующий, считающий христианство за пагубное суеверие или за выгодную политическую фикцию, должен основательно ознакомиться с Библией для того, чтобы сознательно относиться к тому, против чего он хочет бороться или чем хочет пользоваться; отвергать христианство, не относясь к нему сознательно, недостойно разумного существа, тем более постыдно для тех, кто отвергает его во имя разума. Пользоваться христианством из политических расчетов, не изучив основательно свойств и характера орудия, которым хотят пользоваться, – наивное недомыслие со стороны хитроумных, политиканствующих фарисеев христианства.

Для верующих, как и для неверующих, теперь, когда человечество, официально признавая христианство, в жизни исповедует горделивую веру сознания, отнестись сознательно к Библии – насущная необходимость, без этого нельзя шагу ступить разумно.

По отношению к Библии все человечество разделяется на верующих и неверующих.

Верующий признает Библию за боговдохновенную книгу, для него это воистину *книга жизни*: слово Божие – источник воды живой, способный утолить духовную жажду.

Для того, кто верует, невозможно не желать жить по вере, нельзя не жаждать познания воли Божией, нельзя не изучить основательно слова Божии особенно теперь, когда жизнь так осложнена, когда и в умах и в жизни вечная правда так тщательно перемешана с преходящею ложью, когда на каждом шагу приходится самостоятельно творить свою жизнь, защищать святую от поругания, правду от злобного глумления, свой ум от лукавых искушений, свое сердце от заразы пошлой рутины окружающей жизни.

Тот, кто верует живою верою, прежде всего сознает свое ничтожество, сознает, что только слово Божие может спасти его ум, сердце и жизнь от роковых ошибок; сознает, что познание вечной истины правды Божией есть высшая насущная потребность его сознания, и что в этом деле он не может ни на кого положиться, а должен непременно изучить слово Божие самостоятельно, без чего нельзя быть сознательным христианином, без чего и жизнь не может быть сознательно христианскою. Самые простые люди, как только живая вера озарит их, сердцем чувствуют, что это так. Я знал неграмотных людей Божиих из народа, которые так жадно ловили слова Откровения и с такою любовью слагали их в сердцах своих, что, не умея читать, знали наизусть очень многое из Библии.

Святая церковь может только принять на себя руководство в познании вечной истины правды Божией и в согласовании жизни с верою; основательно знать слово Божие, как и самостоятельно творить волю Отца Небесного, обязан всякий верующий. Считать, что изучать Библию – дело духовенства, а рядовой христианин может совсем не знать ее содержания, так же нелепо, как если бы кто сказал, что уметь читать или знать содержание науки есть дело учителя, а ученик может ничего не знать, довольствуясь тем, что признает учителя учителем, науку – наукою и оказывает и учителю, и учебникам наружные знаки уважения. Поступать таким образом очевидно нелепо, и, однако, люди, очень уверенные в себе и своих умственных способностях, воображают себя верующими христианами, относясь именно так к церкви и слову Божию.

Искренно верующий христианин, если он грамотен, не может оставаться равнодушен к слову Божию, не может спокойно мириться не только с совершенным незнанием содержания Библии, но даже и с поверхностным знанием ее из третьих рук или в отрывках; он не может не

понимать, что *книга жизни* есть азбука, и что нельзя прочесть вечную истину правды Божией, не изучив все буквы азбуки самостоятельно, хотя и под руководством церкви. Для тех, кто воображает себя верующим христианином и притом не только грамотен, но и образован, не зная основательно содержание *книги жизни* – позорное невежество, возмутительное равнодушие к слову Божию, блестящее доказательство, что его вера мертвая, не вера, а пустое слово, маска, ложь или наивное недомыслие.

А сколько их, этих интеллигентных невежд; как часто я видел их, позорящих христианство, не умеющих ответить на самую пошлую нелепость современных антихристов по незнанию слова Божия; они вздыхают, бормочут несообразности, постыдно отступают или, еще хуже, отшучиваются в то время, как их противники самоуверенно рубят с плеча, зная наизусть весь тощий запас нелепостей, выдаваемых за азбуку материализма или какой другой мертворожденной философии. Больно видеть это наглое торжество мрака и лжи над светом и правдою, когда знание слова Божия осветило бы вопрос ярким *Светом от Света Небесного*.

Теперь, когда лучшие представители человечества, изверившись во всемогуществе обоготворенной науки и самодовлеющем значении науки, искусства и ощущений, пошли на поиски Христа, хаос неверия грозит быть заменен хаосом толкований. Вот граф Толстой, противопоставляя свой личный авторитет – авторитету церкви, принимает из Библии одно, отвергает другое, предлагает вам своего Христа и свое понимание христианства. На каком основании вы будете отвергать толстовцев или доверяться тому, что они говорят? Как вы защитите от их влияния близких, дорогие вам существа? Вы считаете себя интеллигентным человеком – вы должны и тут поступать сознательно, а это невозможно без основательного знания слова Божия.

Повторяю, для верующего человека не зная основательно содержание *книги жизни* – постыдное невежество, тем более постыдное, чем более он образован, чем больше книг он прочел, чем более времени он потратил на науку, не сообразив, что *книга жизни* важнее и интереснее всех других книг и знание вечной истины правды Божией важнее всех других знаний.

Обращаюсь теперь к неверующим.

Вы не верите, что Библия содержит в себе слово Божие, абсолютную вечную истину правды воли Божией и потому не считаете нужным основательно изучить ее содержание. Отвергая Библию, вы тем самым отвергаете Божественное Откровение вообще; ведь вы не можете, отвергая боговдохновенность Библии, разумно признать боговдохновенную какую-либо другую книгу. Итак, для вас Божественное Откровение не существует, ни одного луча *Божественного Света* не пало с неба на землю, человечество предоставлено самому себе и должно самостоятельно творить свою жизнь при свете собственного разума.

Отвергая *Свет от Света Небесного*, вы тем самым признаете, что единый свет, озаряющий для вас мировую тьму, – свет вашего собственного разума. Ведь только во имя собственного разума вы и можете отвергать боговдохновенность Библии. Ваш разум в своей деятельности опирается на ваш личный опыт и на опыт бесконечного числа людей, живших до вас или живущих одновременно с вами, людей, к которым вы относитесь с доверием.

Самая незначительная часть ваших знаний основана на вере в непогрешимость ваших собственных органов чувств и вашего собственного разума; подавляющее большинство ваших знаний основано на вере в непогрешимость чужих органов чувств и чужого разума; все ваши знания без исключения основаны на вере в непогрешимость совокупной деятельности человеческих органов чувств и человеческого разума. На этой вере основано ваше доверие к науке и ваша личная самоуверенность.

Для вас Библия есть результат умственной деятельности людей, которых при жизни ненавидели, гнали, побивали камнями, а после смерти, когда страсти улеглись, человечество могло рассуждать хладнокровно, их личное влияние, казалось, должно было бы совершенно уничто-

житься, что и постигает неизменно самых влиятельных деятелей человечества, этих людей, напротив, признавали святыми и их творения боговдохновенными.

Для вас Библия содержит результат умственной деятельности *Сына человеческого*³³, который, родившись среди презираемого народа, бедным, не знатным, не властным, не ученым, окруженный простыми людьми настолько неразвитыми, что часто не понимали своего учителя, погиб позорною казнью и, несмотря на все это, был признан Сыном Божиим в Иерусалиме, Риме и Афинах, признавался таковым несчетными миллионами людей в течение девятнадцати столетий, признается таковым и теперь официально всеми наиболее цивилизованными народами земного шара.

Для вас Библия есть книга, к которой относились не только с безусловным доверием, но с благоговейным почитанием тысячи людей, которым вы должны верить, если хотите относиться с доверием к науке, которая была создана деятельностью того же разума, который преклонялся благоговейно перед *книгою жизни*.

Как! Вы относитесь с доверием к человеческому разуму, вы считаете себя интеллигентным человеком, вы дорожите успехами цивилизаций и не находите нужным основательно изучить ту книгу, которую несчетные миллионы разумных людей считали и считают за *слово Божие*, за *книгу жизни*, за *книгу книг*! Ту книгу, под сенью которой зарождалась, росла и крепла современная цивилизация, влияние которой на умы и сердца было так велико, что многое, порожденное ею, вы считаете в себе за неотъемлемое свойство вашей природы! Ту книгу, которую все цивилизованные народы не только не стыдятся, но считают за честь признавать высшим словом человеческой мудрости! И эту книгу вы желаете игнорировать!

Вы не изучили ее содержания, не можете, следовательно, относиться к ней сознательно и решаетесь отвергать этот колоссальный памятник деятельности человеческого разума, внушавший доверие несчетным миллионам разумных людей, и, поступая таким образом, вы желаете сохранить право считать собственный разум за высшее мерило всех вещей и относиться к нему с полным доверием!?

Вы живете в государстве, где Библия официально признана за абсолютную истину, поведанную Богом человечеству, где мысли Библии стали неотъемлемым достоянием умов, чувства Библии неотъемлемым достоянием сердец, все это крохи, тщательно перемешанные с ложью и грязью антихристианской практики жизни по обычаю *мира сего*, во всяком случае, это возможные факторы жизни, с которыми вам считаться надо, к которым вы должны отнестись вполне сознательно, прежде чем решать, что можно их разумно устранить. А что если эти крохи Библии в умах, сердцах и жизни людей и заключают в себе все *разумное, доброе, вечное*, что мешает человечеству превратиться окончательно в культурную скотину? Для того чтобы отвергать это, вы должны отвергать Библию вполне сознательно.

Если вы знать не хотите или отвергаете возможность Божественного Откровения, для вас единственным мерилем всех вещей остается человеческий разум. Разум несчетных миллионов людей признавал и теперь официально признает Библию за слово абсолютной истины. Не признавая абсолютную истину, вы должны разумно и сознательно выбирать из всех относительных истин, известных человечеству, ту, которая вам кажется наиболее выгодной. Именно выгодной, это не обмолвка.

Чего вы хотите? Отвергая Божественное Откровение, вы не можете разумно признавать самую возможность знания абсолютной истины бытия, не имеете и никакого разумного основания для сравнительной оценки достоверности гипотез человеческого ума; для вас остается одно мерило – выгодность той или другой относительной истины для вас, для вашей семьи, для

³³ ...*Сына человеческого*... – Видел я в ночных видениях, вот, с облаками небесными шел как бы Сын Человеческий, дошел до Ветхого днями и подведен был к Нему (Дан. 7, 13).

вашего народа и, в крайнем случае, для человечества, сообразно с тем, насколько вы считаете свое личное счастье зависимым от счастья вашей семьи, вашей родины или всего человечества.

Отвергать во имя разума Библию вы можете только в том случае, если она находится в непримиримом противоречии с теми относительными истинами, на которых основано, по вашим убеждениям, счастье человечества.

Если вы не хотите отказаться от руководства собственного разума, вы и тут должны поступить разумно и сознательно. Что же делаете вы? Не только не изучив основательно, но даже не зная и приблизительно внутреннего содержания Библии, вы во имя разума с изумительным легкомыслием и ребяческим задором отвергаете со слов других философское мировоззрение (я говорю на вашем языке), официально признанное всеми цивилизованными народами. Отвергать его значит предлагать другое, более достоверное или более благодетельное для человечества; для того чтобы разумно предложить человечеству отказаться от мировоззрения, официально признанного, и строить всю жизнь на иных началах, необходимо сознательно осудить мировоззрение, официально признаваемое, и сознательно предпочесть ему и доказать человечеству или, по крайней мере, хоть одному какому-либо народу предпочтительности нового мировоззрения.

Что же мы видим? Внутренне содержание Библии, а следовательно, и библейское мировоззрение считают возможным осуждать те, которые не считают нужным предварительно самостоятельно ознакомиться с тем, что осуждают. Библию отвергают во имя разума и не находят нужным сделать это разумно и сознательно.

Говорят, что Библия противоречит науке, и на этом основании, желая верить в науку, не желают верить в Библию. Так ли это на самом деле: кто проверил достоверность тех научных гипотез, которые находятся якобы в непримиримом противоречии с Библией, и существует ли в действительности и в какой мере тот разлад между наукою и Откровением, который в свою очередь составляет веру для многих наших современников. Для разумного решения этих вопросов необходимо опять основательное знание Библии, без чего и тут не могут действовать ни разумно, ни сознательно поклонники разума.

Со слов Штрауса вы считаете, что Библия содержит в себе одни мифы, это могло бы иметь для вас значение, если бы вы хотели верить живой верою, но ведь вы не хотите, а хотите сознавать разумность философского мировоззрения. Согласитесь, что при этом, изложено ли это мировоззрение в форме мифов или в какой другой форме, для вас не может иметь ровно никакого значения; согласитесь и в том, что, отказываясь верить свидетельству жизни людей, которые из-за Библии шли радостно на страдания и смерть, отказываясь верить гениальным ученым, остававшимся верующими христианами, неразумно верить на слово Штраусу или Шлейермахеру, даже не обратившись в этом деле к суду собственного разума, доставив ему возможность отнестись к Библии сознательно.

Вы любите повторять, что вне Библии у языческих философов древности и новейшего времени можно найти столь же возвышенные нравственные понятия и мировоззрение более стройное, чем в Библии. Для того чтобы это суждение не было голословно, надо основательно знать Библию и произведения философов, сравнить их и только тогда сознательно произнести приговор; если вы основательно не изучили Библию и философию, вы не компетентны и ваши суждения основаны на ребяческом самомнении и изумительном для поклонника разума легкомыслии в столь важном деле. Притом, если бы даже во всей Библии не было сказано ни одного вполне нового слова и каждое из заключенных в ней нравственных понятий встречалось в отдельности у разных философов и в разных религиях древности – и то Библия потеряла бы свое значение только тогда, если и в совокупности она не представляла ничего самостоятельного, да и то только в том случае, если при этом человечеству известно что-либо лучшее. Только при таких условиях вы можете сознательно и разумно заменить Библию и предложить человечеству принять другое мировоззрение за основу жизни.

Ведь если бы я предложил вам сжечь произведения вашего излюбленного писателя на том основании, что во всех его произведениях нет ни одной буквы, которой нельзя было бы найти в любой безграмотной записке первого встречного лавочника, или стал глумиться над уважаемым вами ученым потому, что все его вычисления основаны на четырех правилах арифметики, вы бы не признали мои действия разумными. Так не поступайте же так относительно *книги жизни*.

Вы не верите в Бога, гордясь своими познаниями, вы не верите во Христа, удивляясь успехам цивилизации христианских государств, зная историческое чудо зарождения и распространения христианства, признавая несравненную высоту христианской этики; вы не верите в Божественное Откровение и тем самым отказываете разуму в прочной точке опоры, лишая его всякой возможности опираться в своих изысканиях на знание истины абсолютной. Что же получается для вас в результате вашего неверия в Бога, во Христа и Божественное Откровение?

Вы не верите в Бога – результат вашего неверия тот, что для вас бытие мира, и жизнь, и стройность мироздания – более непонятные чудеса, чем для верующего, что в уме вашем мрак гуще, в сердце холоднее, сознание и любовь теряют всякий разумный смысл, что для вас нет никакого разумного основания мечтать когда-либо удовлетворить насущную умственную потребность познать абсолютную истину бытия, утолить насущную нравственную потребность – успокоиться в полной гармонии Царствия Божьего.

Вы не верите во Христа – для вас Он простой человек, с этой минуты Его совершенство становится не только возможным, но даже обязательным для всякого, в том числе и для вас. Как! Вы знаете, что был простой еврей, жизнь и учение которого до того поразили обоготворяемый вами разум человечества, что фанатики-евреи, богатые, гордые римляне, утонченные, интеллигентные греки – все передовые нации человечества признали Его сверхъестественное происхождение и теперь еще, после девятнадцати веков, не только официально признают христианство, но более деятельно и убежденно, чем когда-либо, распространяют его среди диких народов и с каждым днем делают все новые открытия в неисчерпаемых рудниках мысли и вдохновения *книги жизни*! Вы считаете, что этот обыкновенный человек был порождением среды и обстоятельств, что с тех пор человечество, девятнадцать веков постепенно развиваясь, дошло путем эволюции до высшей формы современной культуры, и вы не считаете для себя обязательным быть совершеннее этого еврея настолько, насколько современная культура, породившая вас, выше культуры некультурного еврейского народа девятнадцать веков тому назад. Ведь надо же быть логичным: или признайте Христа чудом, совершенно непонятным для вашего слабого ума, и откажитесь от веры в Бокля, Ломброзо и других исповедников машинообразности общественного организма, или признайте для себя обязательным быть выше Христа и в умственном, и в нравственном отношении настолько, насколько вы считаете современную культуру выше культуры евреев времен Христа; вы должны это сделать под страхом полного крушения всех ваших научных теорий о машинообразности общественного организма, о патологичности гениев, о постепенном прогрессе путем эволюции и всех оснований научного самодовольства, доходящего до самообожания.

Как! Вы считаете, что человеческий разум постоянно прогрессирует, и помириться с тем, что вы, результат высшей культуры и в умственном, и в нравственном отношении, официально признаетесь ниже простого еврея, жившего на девятнадцать веков раньше вас? И вы не хотите убедиться, изучив основательно книгу жизни, кто прав: вы с вашей верою в себя и свои знания или христиане с их верою во Христа и Его учение; кто умственно и нравственно выше: вы, культурный человек конца XIX века, или еврей начала I века – Христос.

Вы не верите в Божественное Откровение, хорошо; для вас Библия – книга, произведение человеческого разума; пред этою книгою благоговейно преклонялся разум миллионов людей в течение девятнадцати веков, и теперь ее не решаются заменить чем-либо другим культурные народы. И этот драгоценный памятник деятельности человеческого разума, вы, поклонник

разума, не считаете нужным основательно изучить?! К этой святыне обоготворенного вами человеческого разума вы относитесь с высокомерною небрежностью, и после этого вы считаете себя вправе говорить о высоком значении человеческого сознания, об уважении к человечеству, считаете себя вправе разумно доверять своему разуму и придавать разумный смысл понятию о человеческом достоинстве?!

Вы говорите, что духовенство невежественно и порочно, что церковные обряды устарели, что вне христианства можно найти столь же высокие нравственные принципы, что жизнь христиан не согласована с их верованиями, что часто христианством пользовались для дурных целей. Говоря это, вы считаете, что достаточно обосновали и свое неверие, и свое религиозное невежество, и свое высокомерное равнодушие к содержанию Библии, и вашу антихристианскую агитацию?! Неужели вы не сознаете, что возлагать на христианство и Библию ответственность за пороки и невежество духовенства, правительств и народов вы имели бы основание только в том случае, если бы невежество и порочность предписывались Библией и были возведены христианством в догмат; я уверен, что, при всем вашем недоброжелательстве к христианству и неведении внутреннего содержания Библии, вы не решитесь сказать этого.

Сами вы постоянно упрекаете христиан в разладе между словом и делом, признавая тем самым, что, по вашим собственным понятиям, невежество и порок враждебны христианству, невозможны при жизни по вере. Зачем же, упрекая невежественных и порочных христиан в непоследовательности, вы с неменьшею непоследовательностью возлагаете ответственность за их косность на христианство и Библию.

Вообразите себе, что город обладает богатою библиотекою, что высокое достоинство сочинений и древних рукописей, хранящихся в ней, удостоверено выдающимися умами многих поколений. Что вы сказали бы о людях, которые на том основании, что библиотекари им не нравятся, что переплеты книг устарели, что в городе есть грубые невежды, которые, гордясь библиотекою родного города, остаются по-прежнему невежественны и порочны, стали угрожать сограждан не только не читать книг, но и саму библиотеку сжечь?! Не правда ли, вы назвали бы их вандалами и врагами общественного блага? Не будьте же подобными вандалами относительно Библии, чтобы на службе антихриста не стать врагами всего человечества.

Кто вы бы ни были, верующий или неверующий, для вас одинаково обязательно основательно ознакомиться с внутренним содержанием Библии, если вы хотите сознательно верить и жить по вере или сознательно отказаться от Христа!

Теперь, что вы знаете о Христе и Его учении?

Христос был высшим проявлением добра на земле. Вы не верите в это? Укажите, изучив предварительно Библию и продумав пример жизни Спасителя мира, на мировоззрение более стройное и убедительное, на идеал более высокий, на нравственность более неподкупную, на пример жизни более святой. Вы этого сделать не можете, как не может отказаться от официального исповедания христианства все культурное человечество, несмотря на искреннюю ненависть к святости и восторженное грехолюбие; не может потому, что ему нечем заменить его, что никакая философская система не может быть разумно признана за высшее добро и высшую правду сравнительно с христианством, а сознаться официально в своей враждебности к добру и правде притворные поклонники разума не желают. А между тем нельзя любить добро и не любить высшее проявление добра, известное человечеству, не любить Христа.

Веруя во Христа, я не могу жить по вере, насколько это доступно моим силам при данных обстоятельствах. Если бы я считал Христа за простого человека, я должен был бы признать для себя обязательным быть не только равным по высоте мыслей и святости жизни Христу, жившему на девятнадцать веков раньше меня, но много выше Его во всех отношениях.

Как! Я знаю, что таким может быть человек, что таким был человек девятнадцать столетий тому назад, и я, порождение высшей культуры, буду ниже Его во всех отношениях и буду благодушно мириться в себе с этим позорным вырождением – да, это, очевидно, гнусно, подло,

неразумно; очевидно, противоречит научным теориям прогресса, эволюционного развития и постепенного роста самосознания!

Если бы люди были искренно алчущими и жаждущими правды и добра, они бы фатально, логично пришли ко Христу и сознательно пали ниц у ног Его креста. Я верю в высокий идеал, сердечную доброту и честность стремлений философа-язычника, никогда не слыхавшего о Христе и Его учении; я не верю в добросовестность и высокие идеалы философа-антихриста, сознательно отказывающегося от Христа и тем более сознательно враждебного Ему.

Не только вражда, но даже и равнодушие к Христу не могут вытекать из чистого источника разума и любви к человечеству; это одно из двух: грубое невежество или грубая порочность, недомыслие или грехолюбие.

Несмотря на пресловутую культуру конца XIX века, большинство и теперь пропитано чувствами диких: зверством, эгоизмом, жадностью, духовною апатией и горячим сочувствием к проституции всяких видов; это большинство не имеет даже определенного идеала, во имя которого могли бы разумно бороться со всем этим сонмом антисоциальных, анархических элементов в себе. При таких обстоятельствах все доброе в них неразумно, составляет только инстинкт, привитый веками христианства, что теперь и констатируют, обзывая все высшие стремления духа рефлексамии людей старого поведения. При таких обстоятельствах с каждым поколением, с развитием самосознания инстинкты добра будут слабеть, а в уме и сердце будут водворяться анархические и хаотические наклонности, пока человечество, путем эволюции, не дойдет до убежденного культурного одичания на строго научных основаниях.

Только сознательно принимая бесценный дар Божественного Откровения, сознательно и благоговейно преклоняясь перед высшею мудростью и святостью Христа, сознательно и искренно веруя, любя и живя по вере, человечество может дорасти до Моисея, а затем и вступить на путь честный христианской жизни.

Мы так много говорим о разуме и самосознании; отнесем же разумно и сознательно к Библии и христианству.

Христос – *Свет от Света Небесного, свет мира*³⁴, озаряющий все века и все народы. Он – последнее слово Откровения, единый Учитель для всех. До него святые светочи подготовляли человечество к принятию Его, после Него они воспитывают человечество к постоянному уразумению Его, которое и будут воспитывать до тех пор, пока *не вскиснет закваска Царства Небесного и не созреет жатва на ниве Господней*³⁵.

История постепенного воспитания человечества и слова жизни, исшедшие из уст Божиих, начертаны на святых страницах святой Библии. Раскроем же *книгу жизни* и удостоверимся: одни – сознательна ли наша вера, другие – сознательно ли наше неверие; одни – живем ли мы по вере, другие – известен ли нам идеал жизни более высокий, более достойный разумного существа. Тогда только мы решим сознательно вопрос о том, христиане ли мы или нет и чем хотим быть – христианами или антихристами. Может быть, не один из нас признает себя не тем, чем считал себя, не зная Христа и Его учения, не зная духа животворящего *книги жизни*; может быть, не один из нас с радостью удостоверится, что он христианин, чего он не подозревал; может быть, многие другие поймут, что они не христиане.

Тогда вспомним грозные слова Моисея: *Во свидетели пред вами призываю сегодня небо и землю: жизнь и смерть предложил я тебе, благословение и проклятие. Избери жизнь*³⁶, вспом-

³⁴ ...*свет мира*... – Опять говорил Иисус к народу и сказал им: Я свет миру; кто последует за Мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни (Ин. 8, 12). Доколе Я в мире, Я свет миру (Ин. 9, 5).

³⁵ ...*не созреет жатва на ниве Господней*... – Не говорите ли вы, что еще четыре месяца, и наступит жатва? А Я говорю вам: возведите очи ваши и посмотрите на нивы, как они побелели и поспели к жатве (Ин. 4, 35). И вышел другой Ангел из храма и воскликнул громким голосом к сидящему на облаке: пусти серп твой и пожни, потому что пришло время жатвы, ибо жатва на земле созрела (Откр. 14, 15).

³⁶ Втор. 30, 19.

ним и кроткие слова Спасителя мира: *Если бы Я не пришел и не говорил им, то не имели бы греха; а теперь не имеют извинения во грехе своем. Ненавидящий Меня ненавидит и Отца Моего. Если бы Я не сотворил между ними дел, каких никто другой не делал, то не имели бы греха; а теперь и видели, и возненавидели и Меня и Отца Моего*³⁷. Тогда отнесемся сознательно к этим словам; сознательно падем ниц, принимая жизнь и благословение, с любовью исповедуя Бога и Христа Его, или сознательно ответим хохотом и на грозные обещания смерти и проклятия, и на кроткие слова любви и убеждения.

Да рассеется туман лжи и станут одни сознательными христианами, другие – сознательными антихристами. Да будет Фома не неверующим, но верующим, да будет Иуда сознательным предателем, понимающим истинное значение своего лобзания, и да постигнут дьяволы, что не разум, а злоба мешает им верить и любить.

Что мы знаем о Библии?

Мне случилось прочесть в книге, изданной в конце XIX века христианином в христианском государстве, следующие очень замечательные слова: *Известно, что сам Христос не ответил на вопрос о том, что есть истина?*

Такое развязное невежество совсем не редкость; это вполне нормальное явление в жизни современной интеллигенции. Сказать о Спасителе мира, который говорил о себе: *Я свет мира, Я – путь, истина и жизнь, Я пришел в мир свидетельствовать об истине*³⁸, развязно сказать о Нем *известно*, что Он не ответил на вопрос о том, что есть истина, когда вся Его жизнь и каждое слово, исходившее из уст Его, были пространством ответом на этот вопрос, которым подавляющее большинство человечества никогда искренно не задавалось, сказать это значит открыто объявить, что Христос не знал, чему учил и христиане не знают, во что веруют.

И это грубое кощунство никого не возмущает; одни наивно верят на слово развязному литератору, другие считают это за обмолвку и не признают ее важной. Эта типичная фраза может дать миру пример изумительного невежества современных интеллигентных европейцев в вопросах религии.

Если сам Спаситель мира, Господь наш Иисус Христос, для них так мало известен, что они, призывая имя Его всуе, могут впасть в такие грубые ошибки, не удивительно, что они ни о посланиях апостольских, ни о книгах ветхозаветных пророков не имеют ни малейшего понятия.

В деле религиозного невежества многие из верующих в наш просвещенный век могут подать руку неверующим. Встретить человека, основательно знакомого с Библией, изучившего ее с любовью и сердцем уразумевшего животворящий дух, до того трудно, что даже в среде духовенства и профессиональных богословов очень многие ограничиваются задалбливанием буквы мертвящей; они писали писания глазами, машина мозга хранит груды слов, но сердце не проснулось, огрубелый дух ничего не уразумел, и веет холодом могилы от каждого слова холодной, мертвой речи. И они развязные невежды, для которых мертвящая буква текста важнее животворящего духа всего Откровения.

Они знают тексты, но не знают, как думали и чувствовали Моисей, Иов, Иеремия, Иоанн, Петр, Павел и сам Господь наш Иисус Христос; они могут научить текстам, но не могут научить ни думать, ни чувствовать по-христиански.

Говоря о том, что мы знаем о Библии, мы не будем говорить ни о тех, кто изучил ее с любовью и сердцем уразумел животворящий дух Откровения, ни о тех, которые по ненависти

³⁷ Ин. 15, 22–24.

³⁸ ...Я пришел в мир свидетельствовать об истине... – Пилат сказал Ему: итак Ты Царь? Иисус отвечал: ты говоришь, что Я Царь. Я на то родился и на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать об истине; всякий, кто от истины, слушает гласа Моего (Ин. 18, 37).

или легкомыслию никогда не заглядывали в *книгу жизни* и не обманывают себя, вполне сознавая, что содержания Библии не знают. Посмотрим, что знает о Библии подавляющее большинство тех из наших современников, которые думают, что содержание Библии знают, оставаясь неверующими или, не воспрянув духом до живой веры, продолжая считать возможным верить и не жить по вере.

Очень редко изучают Библию самостоятельно. Обыкновенно знакомятся с ее содержанием со слов авторитетов того умственного лагеря, которому наиболее сочувствуют, верующие – со слов ученых богословов, неверующие – со слов авторитетов отрицательной критики. Посмотрим, на что обращают преимущественное внимание те и другие, насколько удовлетворительны их руководство и наши познания как результат ознакомления с содержанием Библии со слов этих авторитетов.

В нашей духовной литературе нет популярных сочинений, в которых можно было бы найти стройное изложение христианского мировоззрения. По-видимому, подразумевается, что это мировоззрение должно быть усвоено всяким образованным христианином еще на школьной скамье.

Насколько удовлетворительно в этом отношении преподавание Закона Божиего не только в низших школах, но и в средних и в высших учебных заведениях, я говорил в главе «Ответ школы». Знание отдельных фактов из жизни ветхозаветной и новозаветной церкви не может дать понимания стройного мировоззрения; без ясного понимания христианского мировоззрения во всей его стройности самые многозначительные факты священной истории теряют свой непреходящий жизненный смысл.

Именно непонимание общего христианского мировоззрения и невозможность при этом связать в одно целое свои религиозные знания и порождает одно из наиболее прискорбных явлений в жизни современных христианских народов. Живая вера, которая не может быть без дел, не может не сопровождаться жизнью по вере, подменена для миллионов людей мертвою верою в отдельные факты священной истории без малейшего понимания внутреннего смысла этого факта, его непреходящего жизненного значения для личной жизни верующего. Не удивительно, что при таких обстоятельствах, когда человек понимает религию как слепую веру в отдельные факты священной истории, между верою в эти факты и жизнью зияет пропасть, и надо много живой веры и доброй воли, чтобы через эту пропасть перекинуть мост.

Действительно, если, не понимая христианского мировоззрения, я не знаю истинного смысла земной жизни человека, не знаю истинного значения для человечества Божественного Откровения, не понимаю мирового значения воплощения Сына Божиего, какое непреходящее жизненное значение будет иметь для меня вера в отдельные факты, каковы потоп, казни египетские, преступления царя Давида, рождение Спасителя мира от Девы Марии, чудеса, воскресение и вознесение на небо Господа нашего Иисуса Христа.

Только ясное понимание домостроительства Божиего, смысла земной жизни человека и значения Божественного Откровения для человечества может дать мне истинное, непреходящее значение всех этих фактов, может дать мне возможность разумно отнестись к добру и злу в себе и других, сознательно согласовать жизнь с верою в эти факты.

Именно ясного понимания христианского мировоззрения во всей его стройности и не дают ни христианская школа, ни популярные сочинения духовной литературы; причем верующие, лишенные руководства в систематическом ознакомлении с содержанием Библии, находятся в необходимости выбирать между самостоятельным изучением Библии и пребыванием среди хаоса отрывочных знаний.

Самостоятельно изучают Библию очень немногие; большинство остается при отрывочных знаниях, увеличивая число этих знаний, но не приводя их в систему, читая без пользы для жизни и духовного настроения такие сочинения, в которых на каждом слове лежит печать христианского вдохновения и вечной истины.

Все произведения духовной литературы, за исключением ученых трудов по богословию, которые читают так же мало, как Библию, содержат в себе нравоучительные размышления по поводу отдельных фактов священной истории и отдельных текстов священного писания или исторические исследования. И те и другие бывают иногда полны высокого интереса, проникнуты истинно христианскими чувствами веры и любви.

Действительно полезно чтение даже лучших из этих произведений может быть, однако, только для того, кто имеет совершенно определенное понятие о христианском мировоззрении; такой человек отнесется вполне сознательно к тому, что читает; каждую новую мысль сумеет по достоинству оценить и поставить на подходящее ей место в стройном плане общего мировоззрения.

Для человека, который вовсе не понимает общего христианского мировоззрения или не имеет о нем достаточно определенного понятия, чтение даже лучших произведений духовной литературы представляет некоторую опасность. Самый глубокий ум не может, говоря о каком-либо определенном вопросе, догматическом или этическом, не выдвинуть его на первый план, оставляя в тени все прочее; это не значит, что духовный писатель, поступая таким образом, не сознавал бы истинного места вопроса в общем плане мировоззрения; он может относиться к интересующему его отдельному вопросу вполне беспристрастно, в его сознании может существовать полная гармония вполне стройного мировоззрения, но, выражая свою мысль на словах, он не может избежать односторонности, если не хочет обратить отдельное рассуждение или исследование в пространное изложение общего мировоззрения.

Человек, не обладающий пониманием общего мировоззрения, будет непременно в опасности составить себе ложное, преувеличенное понятие о значении того вопроса, с которым он случайно ознакомился, редко сумеет привести его в гармоническое единство с массой других вопросов, которых место и значение для него совсем непонятны. Чем больше он будет читать отдельных рассуждений, тем более будет загромождаться его ум беспорядочными грудами богословских знаний, совершенно между собою не согласованных.

Кто из нас не встречал подобных людей: они очень много знают, могут без конца говорить, и, однако, во всем, что они говорят, нет никакой стройности; каждую отдельную мысль они, говоря о ней, преувеличивают до абсурда, придавая ей самодовлеющее значение; в голове у них хаос знаний по богословию, а слова их – педантическая риторика по поводу буквы мертвящей.

Такой человек при первом столкновении с представителем самого нелепого мировоззрения, основанного на самой нелепой из всех нелепых научных сказочек или даже в первую минуту сознательного отношения к самому себе легко может поколебаться в своих верованиях, если не хватит мужества смиренно сознаваться в своем позорном невежестве в деле понимания христианского мировоззрения, несмотря на огромные груды знаний по отдельным вопросам богословия. Они есть, эти гордые ренегаты; они воображают, что сознательно отказались от веры; в действительности они предпочли усомниться в существовании стройного библейского мировоззрения, лишь бы не усомниться в доброкачественности своих знаний.

Не меньшую, а может быть и большую опасность представляет для таких людей чтение исторических исследований по вопросам библейской истории или отдельных частей самой Библии. Исторические события имеют сами по себе второстепенное значение для христианского мировоззрения, всего важнее и в них внутренний, непреходящий смысл, который могут только затемнить выдвигаемые на первый план исторические подробности.

Большая часть этих исторических исследований способна удовлетворить не разумную потребность сознания, а скорее бесцельное любопытство. Для огромного большинства читателей положительно вредно узнать, при каких обстоятельствах или по какому поводу был составлен такой-то псалом, изречено такое-то пророчество или написано такое-то послание. Легкомысленные увертки так свойственны злой воле грешного человечества, что всякая новая

историческая подробность дает повод превращать чудо благодати Божией в заурядное явление повседневной жизни и сокровища Божественного Откровения в никому не нужные исторические справки.

Необходимо, чтобы ясно понимали, что *книга жизни* есть слово Божие, имеющее значение не местное и не временное, а общечеловеческое и вечное; что это общечеловеческое, вечное значение присуще всякому лицу, о котором говорит Библия, и всякому слову Откровения. Именно понимание этого внутреннего смысла Библии и невозможно без понимания общего библейского мировоззрения, именно понимание этого внутреннего смысла Библии и затемняется для многих историческими подробностями, отвлекающими внимание от вечного к временному, преходящему.

Вот почему и возможно всем нам знакомое прискорбное явление, что люди, обладающие обширными познаниями в области богословия и истории церкви, могут не уметь ни думать, ни чувствовать по-христиански, в их душе не живет сознание вечной истины правды Божией на степени живой реальности, Спаситель мира, Господь наш и Бог наш, великий *Свет от Света Небесного*, животворящее солнце душ наших, свет истинный, просвещающий всякого человека, приходящего в мире, Богочеловек Христос Иисус для них не определенный идеал, которого сознал разумный дух и разумело сердце, а туманный образ, в котором, подобно млечному пути, отдельные звезды сливаются в светлое облако. Отрывочные сведения, догматические и исторические, сколько бы их ни накопилось, только новые звезды, которые ум распознал в светлом облаке млечного пути, которые он видит до тех пор, пока напрягает свое внимание, чтобы не утратить их в ровном свете общей облачности.

Звезды мыслей тьмы за тьмами
Всходят, всходят без числа,

а светлое облако остается все-таки светлым облаком, которое ни осветить, ни согреть не может, пока светлое облако не обратится в яркое солнце и звезды мыслей не сольются в определенное стройное мировоззрение с определенным ясно сознательным идеалом.

Не на всех стадиях умственного развития для человека верующего существует потребность в одинаковой степени сознательного отношения к религии. Пока сознание не играет первенствующей роли в жизни христианина, пока он склонен слепо подчиняться водительству представителей церкви, он может, не имея вполне ясного представления о христианском мировоззрении и идеале, верить и жить по вере настолько, насколько уясняют ему религию его духовные руководители.

Я не говорю, что такое отношение к религии желательно: я думаю, что каждый христианин должен был бы иметь право сказать вместе с апостолом Павлом: *Я знаю, в Кого уверовал, и уверен, что Он силен сохранить залог мой на оный день*³⁹, во всяком случае, можно искренно верить и желать жить по вере, заменяя сознательное отношение к религии безусловным доверием к авторитету представителей церкви или безусловным доверием к правде установившегося строя жизни. Так в братских общинах первых веков для многих доверие к внутренней правде установившегося строя братской жизни и к авторитету духовных руководителей братства могло заменить собою самостоятельное понимание христианского мировоззрения и идеала.

В настоящее время многие с сочувствием говорят о подобной же *простой* вере русского народа. Если это действительно так, поразительная разница между жизнью по вере членов братских общин времен апостольских и жизнью по той же вере нашего современного русского

³⁹ 2 Тим. 1, 12.

простолюдина для нас очень многозначительна. Одно из двух: или доверия к руководителям в настоящее время нет, или руководство недостаточно.

Отказываясь подчиняться руководству представителей церкви, необходимо творить свою жизнь самостоятельно, и жизнь по вере делается невозможной без веры сознательной. С другой стороны, если возможно жить по вере, ограничиваясь верою *простою*, то только при смиренном подчинении своей личности руководству того, кто, наравне с апостолом Павлом, определенно знает, в кого верует.

Чтобы жить по вере, необходимо или верить сознательно, или быть руководимым людьми, сознательно верующими; единственное исключение из этого правила составляли бы люди святые, как свят Господь Бог наш; для них святая гармония духа заменяла бы собою инстинкт святости, который опять-таки не мог бы не привести их к вере сознательной; но святые души не воплощаются, они стыдятся пред Богом своей духовной наготы и не просят у Него, как милости, сокрыть свой стыд в кожаную одежду тела. Греховное человечество, утерев гармонию духа, не может иметь и инстинкта святости; чтобы жить по вере, оно должно верить сознательно или добровольно подчиняться руководству тех, которые верят сознательно; творить волю Отца Небесного люди могут настолько, насколько определенно и ясно сознают волю Отца Небесного они или их руководители.

Чем большее значение приобретает сознание в жизни человечества, тем большая степень сознательности необходима и в вопросах веры. Чем более, *развиваясь путем эволюции*, осложняется жизнь, тем более затруднительно жить по вере, тем более необходимо ясное понимание воли Божией в применении к пестроте многообразия этой осложненной жизни. Чем более человек дорожит своею самостоятельностью, чем менее он склонен слепо подчинять себя и свою жизнь руководству представителей церкви, тем более неизбежна для него насущная необходимость понимать самостоятельно вечную истину правды Божией во всей ее стройности.

Единственный источник для самостоятельного изучения христианского мировоззрения, идеала и нравственности – первоисточник веры, святая Библия. Знаем ли мы содержание *книги жизни* настолько, чтобы мы могли сознательно жить по вере при современной усложненности жизни по обычаю *мира сего*, при современной шаткости мысли под властью обоготворенного разума, при нашем ревнивем свободолюбии и стремлении к самостоятельности.

Мне кажется, что всякий, искренно желающий жить по вере, а не извинять свою жизнь по обычаю *мира сего*, сознательно признает, что содержание *книги жизни*, как одно стройное целое, ему неизвестно, и что его отрывочные познания по богословию и истории церкви не сливаются в одно определенное мировоззрение с определенным идеалом и стройною системою нравственности, сознается с прискорбием и в том, что нет такого представителя церкви и писателя-богослова, к которому он относится в этом деле, при своем ревнивем свободолюбии, с безусловным, слепым доверием, следовательно, ему остается один путь – самостоятельно изучить *книгу жизни*, если хочет самостоятельно жить по вере.

Посмотрим, что знают о Библии те, которые ознакомились с ее содержанием со слов авторитетов отрицательной критики, и воображают, что вместе со Штраусом, Шлейермахером и Ренаном сознательно осудили слово Божие и сдали *книгу жизни* в исторический музей.

Для всех тех, кто не признает Библию за слово Божие, она – результат деятельности человеческого разума, философское мировоззрение, официально признанное всеми культурными народами. Я не могу допустить, чтобы разумный человек, отвергая боговдохновенность Библии, мог признавать за Божественное Откровение какую-либо другую книгу.

С той минуты, как человек не допускает возможность Божественного Откровения вообще или только не признает за таковое ни Библию и никакую другую книгу, он не может ограничиться тем, что докажет себе и другим земное, естественное происхождение Библии. Какую бы гипотезу он ни клал в основу своего неверия: считает ли он Библию за собрание мифов, за легенду или за результат человеческой мысли, постепенно развивавшейся исто-

рико-генетическим путем, Библия остается для него книгой, официально признанной за основу жизни, только как таковая она и имеет значение для него.

Если для верующего всякая историческая подробность, касающаяся Библии, полна живого интереса, для неверующего она не может иметь никакого значения.

Не признавая Божественного Откровения, неверующий не может устранять Библию во имя абсолютной истины. Признавая человеческий разум за высший критерий, неверующий не может не признавать Библию за произведение человеческого разума наравне со всяким другим философским мировоззрением. Если Библия, как официально признанная основа жизни, ему не нравится, он должен основательно изучить мировоззрение, идеал и этику Библии, чтобы сознательно предпочесть и другим доказать предпочтительность мировоззрения, идеала и этики какого-либо другого мировоззрения.

Отвергать Библию как основу жизни, не предлагая человечеству новую, лучшую основу жизни, которую можно было бы сознательно предпочесть старой, – ребяческое недомыслие, позорное для интеллигентных, культурных людей, гордых сознанием своей разумности. Отвергать Библию как основу жизни, не удостоверившись в том, происходит ли зло от того, что за основу жизни принята Библия, или, напротив, от того, что жизнь не достаточно сообразована с *книгой жизни*, – ребяческая непрактичность, позорное легкомыслие со стороны *трезвого* утилитариста-практика.

Что же ценного в этом отношении может вынести неверующий из трудов авторитетов отрицательной критики. У Шлейермахера он научится тому, как забавно можно, мудрствуя лукаво, низводить чудеса на уровень заурядных явлений повседневной жизни. У Бруно Бауера он научится тому, как неистово может отрицать один человеческий разум исторические факты, которые благоговейно признавали в течение XIX столетий миллионы людей, тоже обладавших разумом человеческим. У Штрауса и Ренана он научится тому, как можно, употребляя безграничную свободу воли во зло, обратить жизнь Спасителя мира в миф или легендарный роман, по желанию. У Люцельбергера, Швейцера, Ф.-Х. Бауера, Швеглера и Целлера он может научиться тому, с какою необычайною самоуверенностью можно утверждать, что через XVIII веков лучше знаешь обстоятельства жизни, взаимные отношения и историю трудов апостолов, чем знали то их непосредственные преемники первых веков.

Ну, и что же в конце концов? Если даже читатель убедился их доводами, поверил бы даже и тому, что ни Христос, ни апостолы никогда не существовали, и что вся Библия – сплошной миф, собрание измышлений грешной толпы, заурядных пошлых игрушечного дела людишек. Ведь поверил бы он этому, доверяя своему разуму, тому же разуму, который ему скажет, что Библия, кем бы и когда бы ни была написана, все же официально признана за *книгу жизни* всем культурным человечеством. Все же для него необходимо основательно изучить не историю происхождения Библии, а ее внутреннее содержание хотя бы для того, чтобы разумно доказать, что миллионы разумных существ в течение XIX столетий неразумно признают за основу жизни то, что ею быть не может, хотя бы для того, чтобы доказать человечеству, что Библия не заключает в себе никакого стройного мировоззрения, никакого определенного идеала, никакой разумной нравственности и что ему с его наукою известно мировоззрение более стройное, идеал более высокий, нравственность более совершенная, одним словом, – основа жизни более разумная.

Так как ни один из авторитетов отрицательной критики не дает ему такого систематического разбора внутреннего содержания Библии, то и он, если хочет сознательно отказаться от нее, должен наравне с верующим, который пожелал бы сознательно верить, самостоятельно изучить книгу жизни.

Итак, самостоятельно изучить внутреннее содержание Библии есть безусловная необходимость для всякого, будто верующий или неверующий, кто, живя в христианском государстве, хочет жить самостоятельно и разумно.

Один из укоренившихся предрассудков состоит в том, что прочесть всю Библию от начала до конца и утомительно, и бесполезно. Под влиянием этого предрассудка и я до 35 лет, прочтя множество книг, читать которые было действительно и утомительно, и бесполезно, не решался приступить к изучению *книги жизни*. Теперь, когда я ее прочел, я убежденно говорю, что читать Библию не утомительно и в высокой степени полезно, что незнание внутреннего содержания *книги жизни* есть позорное невежество для интеллигентных людей христианских народов, и что именно в ней заключены и самое стройное мировоззрение, и самый высший идеал, и самая совершенная нравственность, доступные человеческому разуму.

Вся Библия составляет для меня одно стройное целое, и эта Божественная гармония животворящего духа *книги жизни* – высшее чудо, которое я осязал, как некогда Фома, и сознаю любовью, и разумом, и силою ощущений. Вот это единство божественной гармонии вечной истины правды Божией для меня так убедительно, что я чувствую себя застрахованным от искушения поддаться влиянию всех тех, кто, подобно Штраусу, Шлейермахеру, Фолькмару или графу Толстому, под разными предлогами самовольно нарушают гармоническую цельность Божественного Откровения.

Поделиться моим пониманием вечной истины правды Божией, представшей передо мною во всей ослепительной убедительности Божественной гармонии, я считаю своею священной обязанностью. Не только я далек от гордого притязания на то, чтобы слово мое было для кого-либо авторитетно, напротив, я считаю мое сочинение особенно ценным потому, что я не профессиональный богослов, а рядовой интеллигентный христианин, и что мой труд легко может проверить всякий, кто по моему примеру захочет изучить Библию самостоятельно.

Главная цель моего труда – напомнить животворящий дух *книги жизни* тем, кто о нем забыл из-за буквы мертвящей или совсем его не признает, сбитый с толку буквоедами всяких оттенков.

Никаких исторических справок ни об авторах, ни о времени написания, ни о поводах написания той или другой священной книги читатель у меня не найдет; этим вопросам придавали большое значение: о них были написаны многие тома и представителями отрицательной критики, и в опровержение им богословами. Касаться этих вопросов я не буду, желающие ознакомиться с полемикой, возбужденною ими, могут удовлетворить свое любопытство, прочтя прекрасный труд священника Т. Буткевича «Жизнь Господа нашего Иисуса Христа». Сам я этими вопросами не задаюсь прежде всего потому, что не могу разумно считать себя более компетентным в разрешении их сравнительно с Отцами Церкви первых веков, во-вторых и потому, что считаю эти вопросы совершенно праздными как для верующего, так и для неверующего. Для тех и других Библия есть факт, неопровержимый жизненный факт, официально признанная церковью и государством полнота Откровения, вечная истина правды Божией, обязательная основа жизни для всего христианского мира.

Для меня, как и для всякого верующего, Библия есть *книга жизни*, непреложное слово Божие, неисчерпаемый источник воды живой; для нас заключенная в ней вечная истина правды Божией имеет вечное и общее значение для всех времен и всего человечества. Кто был орудием воли Божией, как звали того, кто удостоился поведать миру то или другое слово Божие, когда и по какому поводу прозвучало это слово для человечества – все это для нас второстепенно. Что наполняет нас верою, любовью и радостью светлую – это внутренняя правда, несравненная убедительность для разума и сердца каждого слова *жизни*, это чудо гармонии, это дивное единство, это божественная стройность вечной истины правды Божией, поведенной миру на протяжении многих веков и через посредство многих людей Божиих, этих избранных из среды народа избранного, этих потомков Авраама, которые изрекали вечные глаголы, когда *дух Божий был на них*⁴⁰ в то время, как средою, породившею их, был *народ жестоковыйный*

⁴⁰ ...дух Божий был на них... – Если злословят вас за имя Христово, то вы блаженны, ибо Дух Славы, Дух Божий почивает

с медным лбом и необрезанным сердцем, а обстоятельствами жизни – ненависть, гонения и мученичество.

Для неверующего Библия есть жизненный факт и могучий фактор жизни: для него вопросы об авторстве, обстоятельствах и поводе написания священных книг не имеют ровно никакого значения; для него важно политическое, социальное и философское значение Библии, для него важно мировоззрение Библии, ее идеал, ее этика, официально признанные основы жизни, а не исторические сплетни о ее происхождении, которые ни догматического, ни нравственного, ни жизненного значения не имеют.

Печатаая этот труд, я даю возможность всякому желающему принять участие в изучении внутреннего содержания Библии, верующему проверить степень сознательности своей веры, неверующему – проверить степень сознательности своего неверия.

Может быть, верующий убедится, что любовь Божия к падшему человечеству более осязательна, чем он думал, что поведенная Им вечная истина более проста и доступна сознанию всякого разумного человека, чем ему казалось, что жить по обычаю *мира сего*, не соображая жизнь с известною нам вечной истиной правды Божией, более преступно, чем он привык думать. Может быть, он захочет самостоятельно ознакомиться с *книгою жизни* и найдет в ней такие сокровища и чувства, которые все человечество до конца дней исчерпать не может, по отношению к которым мой труд лишь сухое оглавление и систематический указатель. Может быть, он поймет, как невозможно из божественно стройной гармонии единого целого выкинуть хотя бы йоту в угоду науки или жизни по обычаю *мира сего*. Может быть, уяснив себе животворящий дух Откровения, он почувствует в тайнике души отзвук вещей и воспрянет до вдохновения любви, веры живой и жизни по вере. Может быть, поняв, что сделал Бог из любви к людям, он поймет, что и как сам обязан сделать из любви к Богу.

Может быть, неверующий убедится, что совсем не знал, что такое вера и во что верят христиане, может быть, убедится, что давно верит во Христа бессознательно, отрицая ходячие толкования буквы мертвящей. Может быть, оставаясь неверующим, он убедится в том, что *книга жизни* содержит самое разумное мировоззрение, самый разумный идеал, самую разумную нравственность, какие известны миру. Может быть, он убедится, что за недостатком веры во имя разума он должен признать Библию за *книгу жизни*. Может быть, он сознает, что только холодный эгоизм и грубая злоба мешают ему верить и жить по вере.

Может быть, все мы убедимся, что Библия не церковное украшение, а воистину и буквально книга жизни, и что церковь, предлагая нам ее, может основательно ежедневно повторять слова Моисея: *Во свидетели пред вами призываю сегодня небо и землю: жизнь и смерть предложил я тебе, благословение и проклятие. Избери жизнь*⁴¹.

Как читать Библию?

С теми, кто возразил бы мне, что христианство не есть философия, я охотно соглашусь, понимая это в том смысле, что оно не есть только отвлеченная философия. Если кто скажет, что христианство не заключает в себе цельного философского мировоззрения, определенного идеала и стройной этики, я буду горячо протестовать и надеюсь доказать, переводя Библию на язык интеллигенции, что это ошибочно, что Божественное Откровение, как вечная истина правды Божией, есть самое стройное из всех мировоззрений, известных человечеству, и содержит в себе единую истинную философию, самую убедительную для разума, самую радостную для наивысших, наиболее заветных стремлений человеческой души, самую лучшую и разумную

на вас. Теми Он хуляется, а вами прославляется (1 Пет. 4, 14). Но вы не по плоти живете, а по духу, если только Дух Божий живет в вас. Если же кто Духа Христова не имеет, тот и не Его (Рим. 8, 9). Разве не знаете, что вы храм Божий, и Дух Божий живет в вас? (1 Кор. 3, 16).

⁴¹ Втор. 30, 19.

как основу жизни для всех веков и для всех народов, не произведение земной среды и обстоятельств, а дар бесценный Бога живого падшему человечеству, яркий луч *Света от Света Небесного*.

Вопрос о том, как читать и изучать Библию, настолько же важен, насколько важно для успеха всякого дела составить себе определенный план действий раньше, чем приступить к выполнению самого дела. Мы увидим, что и в этом отношении и верующие, и неверующие должны идти одним путем, если хотят достигнуть главной цели, которую задаются, приступая к чтению и изучению Библии.

Чего хочет верующий? Он верит, что *книга жизни* содержит в себе вечную истину правды Божией, главная цель его не может быть иною, как познать святую волю Бога живого во всей ее вечной, неизменной стройности. Для него Божественное Откровение содержит все то, что *исходящий от Отца Дух Святой*⁴² благоволил открыть людям ради их духовного воспитания и вечного спасения, чтобы они могли разумно жить, согласно вечной правде воли Отца Небесного.

Един Бог, един Дух Святой, едина вечная истина правды Божией, едина вера, едина и правда жизни земной, жизни по вере, согласной с вечною истиною правды воли Божией, которая неизменно едина для всех веков и народов, как она едина для всех духов разумных на земле, как и на небе.

Для верующего, которому Спаситель мира завещал поклониться Богу в духе и истине, который знает слова апостола Павла о том, что *буква мертвит, а дух животворит*⁴³, главную целью при изучении Библии не может быть нечто иное, как познание вечного, неизменного, животворящего духа Откровения во всей его стройности и ревнивое оберегание себя от искушения узости и противоречий, неизбежно присущих относительному достоинству буквы мертвящей.

Вопросы о том, когда, кем и по какому поводу было изречено то или другое слово Божие, не может иметь для верующего, относительно познания истины правды Божией, ровно никакого значения; для верующего через кого, когда и по какому поводу не снизошел на землю тот или другой луч Божественного света, – все Откровение исходит от Духа Святого Господа животворящего, и, исходя от Бога неизменного, в котором нет *ни тени перемены*⁴⁴, оно не может не быть едино и цельно во всей совокупности, как неизменное слово неизменного Бога не может не иметь всеобщего и вечного значения, как непреложная воля Бога живого, земной отблеск неизменной вечной истины правды Божией.

Вот эта внутренняя суть, эта неизменная вечная истина правды Божией и есть жизни вечной струи воды живой, навеки утоляющие духовную жажду, животворящий дух, который мы должны познать под покрывалом буквы мертвящей. Главную заботу нашу при чтении Библии и должно быть непрестанное напоминание себе, что каждое слово Откровения содержит в себе животворящий дух глаголов жизни вечной, что ни одна страница *книги жизни* не может быть мертвящей буквой относительного, местного и временного характера и что под этой буквой непременно скрыт животворящий дух, имеющий всеобщее и вечное значение.

Мы так склонны смотреть на все с узкой, низменной точки зрения нашей кратковременной земной жизни и ее минутных выгод, что для нас мертвящая буква, легко поддающаяся произвольным софистическим толкованиям, составляет опасное искушение, заслоняя собою

⁴² ...*исходящий от Отца Дух Святой*... – Когда же придет Утешитель, Которого Я пошлю вам от Отца, Дух истины, Который от Отца исходит, Он будет свидетельствовать о Мне; а также и вы будете свидетельствовать, потому что вы сначала со Мною (Ин. 15, 26–27).

⁴³ ...*буква мертвит, а дух животворит*... – Он дал нам способность быть служителями Нового Завета, не буквы, но духа, потому что буква убивает, а дух животворит (2 Кор. 3, 6).

⁴⁴ ...*ни тени перемены*... – Всякое даяние доброе и всякий дар совершенный нисходит свыше, от Отца светов, у Которого нет изменения и ни тени перемены (Иак. 1, 17).

животворящий Дух, давая возможность оставаться на земле, когда воспарить до познания мировой, вечной истины правды Божией мы не желаем. Будем же ревниво ограждать себя от навязчивой узости буквы мертвящей, от всего того, что может отвлекать наше внимание от абсолютного к относительному, от всеобщего к частному, от вечного к временному, – одним словом, от животворящего Духа к букве мертвящей. Будем твердо помнить, что Божественное Откровение дано человечеству не для удовлетворения его любопытства, а для того, чтобы он мог познать из вечной истины правды Божией то, что необходимо для понимания смысла земной жизни воплощенного Духа и разумного выполнения на земле воли Божией.

Было бы грубою ошибкой с нашей стороны, если бы мы искали в Библии разрешения всех вопросов, какие ставит нам ненасытная пытливость нашего ума. Из вечной истины правды Божией Господь благоволил открыть человечеству именно то, что необходимо для понимания смысла земной жизни и разумного выполнения на земле воли Божией. Не будем же искать удовлетворения прихотей разума там, где содержится вечная истина правды Божией в размере насущного хлеба для сознания воплощенного духа.

Не будем искать в Библии ответов на те вопросы по астрономии, геологии, физиологии или анатомии, которые не имеют никакого значения для понимания смысла земной жизни человека, и будем уверены, что найдем ответы на все те вопросы из области этих наук, которые нужны для понимания смысла земной жизни и разумного выполнения воли Божией. Зато будем твердо помнить, что все то, что поведало нам Божественное Откровение, есть абсолютная истина, что не сравнивать с нею, а проверять ею мы должны те научные гипотезы, которые так часто основаны на наивных, нелепых научных сказочках, не имеющих часто ни малейшего научного основания, как произведения самонадеянной фантазии какого-либо ученого авторитета.

Не будем искать в исторической части Библии подробного изложения генезиса исторических событий, согласно требованиям *современной научной мысли*, требований, основанных на теории постепенного развития и полной зависимости духовной жизни человека от породившей его среды и окружающих его обстоятельств. Библия не знает наших временных увлечений и порождаемых ими гипотез; она не признает научных сказочек о машинообразности общественного организма и роковой неизбежности для человека сыграть в жизни именно ту роль, которая выпадает ему на долю, сообразно той стадии эволюции, с которой совпадала его жизнь.

Признавая свободу воли человека, Библия постоянно помнит, что жизнь человеческая зависит от настроения духа миллионов душ живых разумных и свободных, а не настроение духа от роковой деятельности машинообразного общественного организма; она не забывает, что *Моисей был современником миллионов пошлых ничтожных игрушечного дела людшек*⁴⁵, и что ни среда, ни обстоятельства не заставили его ни чувствовать, ни думать, ни жить так, как жили современные ему евреи и египтяне; она не забывает и того, что, *если Савл мог обратиться в апостола Павла*⁴⁶, возможны и другие духовные преображения наперекор измышленным законам постепенной эволюции духа, столь удобным для усыпления и безмятежного выполнения собственных прихотей.

⁴⁵ ...*Моисей был современником миллионов пошлых ничтожных игрушечного дела людшек...* – И сказал Господь Моисею: Я вижу народ сей, и вот, народ он – жестоковыйный; итак оставь Меня, да воспламенится гнев Мой на них, и истреблю их, и произведу многочисленный народ от тебя (Исх. 32, 9–10). И сказал Господь Моисею: доколе будет раздражать Меня народ сей? и доколе будет он не верить Мне при всех знамениях, которые делал Я среди него? поражу его язвою и истреблю его и произведу от тебя [и от дома отца твоего] народ многочисленнее и сильнее его (Чис. 14, 11–12).

⁴⁶ ...*если Савл мог обратиться в апостола Павла...* – Он упал на землю и услышал голос, говорящий ему: Савл, Савл! что ты гонишь Меня? Он сказал: кто Ты, Господи? Господь же сказал: Я Иисус, Которого ты гонишь. Трудно тебе идти против рожна (Деян. 9, 4–5). Но Савл, он же и Павел, исполнившись Духа Святого и устремив на него взор, сказал: о, исполненный всякого коварства и всякого злодейства, сын диавола, враг всякой правды! перестанешь ли ты совращать с прямых путей Господних? (Деян. 13, 9–10).

Библия знает даже и то, что должны были бы знать теперь лучше, чем в то время, когда было высказано последнее слово *книги жизни*, теперь, когда, через много веков после Моисея и Христа, современный культурный человек считается явлением нормальным, когда, после того как существовали братские общины первых веков, зверская борьба за существование признается роковой необходимостью современной культуры; когда, после того как люди радостно умирали за веру, признавая своим идеалом Бога Святого и Праведного, в конце XIX века позорные представители науки и жизни ставят себе идеалом зверский эгоизм диких животных; она знает то, что после всех этих неоспоримых фактов, после всего этого позорного опыта самостоятельной жизни свободолюбивого человечества должно быть для нас очевидно, а именно, что прогресс, как его понимает культурная Европа, – пустое слово, и постепенная эволюция по роковым законам машинообразного организма – цельная фантазия, находящаяся в очевидном, непримиримом противоречии с фактами действительной жизни человечества.

Зато мы твердо будем помнить, что всякий исторический факт, занесенный на страницы Библии, кроме временного и местного значения, которое для нас есть буква мертвящая, непременно имеет и вечное, непреходящее значение, без которого он не попал бы на страницы *книги жизни*, которое в нем и есть животворящий дух.

Помня все это, мы легко поймем: то, что имеется в Библии непреходящее, вечное значение, все глаголы жизни вечной, исходя из *одного источника*, выражая собою единую вечную истину правды Божией и имея одну цель – воспитание человечества для полной гармонии Царства Небесного, непременно составляют в совокупности одно стройное гармоническое целое и что эта стройная гармония животворящего духа Библии, переведенная на детский лепет интеллигенции XIX века, выразится словами: мировоззрение, идеал и этика Библии.

Очевидно, что, живя среди пестрого разнообразия невыносимо осложненной жизни современной культурой, нам особенно важно не только понимать животворящий дух Библии, но и уметь приложить его ко всем разнообразным проявлениям современной жизни и выразить его на языке, удобопонятном для современной интеллигенции; только при таких обстоятельствах возможно будет плодотворное сравнение того, что есть в современной жизни, с тем, что должно быть согласно с вечной истиной правды Божией; того, что должно быть по Божественному Откровению с тем, что должно быть по учению философии детей земли.

Общее мировоззрение Библии дает нам понимание смысла бытия мира и включенного в него, как часть всеобъемлющего целого, смысла земной жизни человечества, отвечает совершенно определенно на вопрос *что есть истина?*

Идеал Библии дает нам определенное понимание конечной цели жизни мира и совершенно определенный ответ на вопрос о разумной цели земной жизни человечества.

Этика Библии дает нам стройную программу жизни, согласной с вечной истиной правды Божией, и совершенно определенный ответ на вопрос о том, как жить разумно и свято, так,

Чтобы в каждом дне, и часе, и мгновении
Таился б вечный смысл, дающий право жить.

Каждый верующий, надеюсь, согласится, что все это для него вопросы жизни, что, не усвоив их вполне сознательно, мы не можем жить сознательно христианскую жизнь, не можем шагу ступить сознательно в запутанном лабиринте современной жизни по обычаю *мира сего*.

Недаром наш гениальный Достоевский, не видя кругом себя сознательных христиан, заставил высшего из всех представленных им типов, старца Зосиму, жить вне круговорота моря житейского, упростив его жизнь до аскетизма, дал возможность говорить ему, что нельзя быть христианином, не отрекаясь от мира и от всех радостей земли.

При таком понимании христианства оно никогда не станет тем, чем должно быть, – все-ленскою религией и истинной основой жизни всего человечества; оно всегда останется досто-

янием редких исключений, стремящихся не жить по вере, а умереть для жизни ради веры. И старец Зосима, и монашество вообще никогда не могли и не могут быть приняты за пример для подражания именно потому, что, отказываясь от всех радостей жизни, они тем самым как бы отрицали возможность жить по вере, давали повод уклоняться от жизни по вере тем, которые не сочувствуют аскетизму и слишком мало знакомы с вечной истиной правды Божией во всей ее стройности, чтобы судить современную жизнь, не теряясь в пестром разнообразии ее чрезвычайной осложненности.

Всякий добросовестный человек сознается, что Закон Божий, как его преподают в средних и низших учебных заведениях, и Богословие, как его преподают в университетах, не дают ни цельного, ни определенного мировоззрения, тем более не способны дать ясного, определенного идеала и нравственной системы в руководство.

Для специалиста-богослова детали, конечно, имеют глубокий смысл; для профана – никакого, а мы не должны забывать, что большинство учащихся не научились в семье даже и азбуке христианства и являются в школу совершенными профанами в деле веры, по той простой причине, что и родители, и воспитатели их в деле веры такие же профаны, как и они.

Из всего этого получается единственно возможный результат – хаос *буквы мертвящей* вместо стройности *животворящего духа* и в конечном результате – хаос мысли, хаос желаний и хаос жизни.

Большинство погружается в гордое неверие, гораздо худшее смиренного невежества, а редкие верующие не умеют отнестись сознательно к тому, во что веруют, и тем более не умеют возразить нахальным хулителям, наглым ругателям, которые, не получая отпора, с каждым днем становятся все более и более нахальны.

Знания верующих по всем основным вопросам веры так сбивчивы и неопределенны, они так мало способны формулировать на языке современной культуры и то немногое, что знают, так мало продумали и оценили разнообразные явления современной культурной жизни с точки зрения вечной истины правды Божией, что, предоставляя думать за себя специалистам-богословам, сами они остаются совершенно безоружными, жалко беспомощными и умеют только уныло хмуриться или, что еще хуже, отделяться неуместными шуточками от яростных ударов глупой деревянной палицы материалистов.

Итак для верующего необходимо читать и изучать Библию именно так, чтобы все его отрывочные, разрозненные сведения по вопросам веры слились в одно стройное целое, чтобы под пестротой буквы мертвящей уразуметь стройное единообразие животворящего духа Божественного Откровения. Если так, необходимо понять и формулировать на языке современной культуры библейское мировоззрение как ответ Божественного Откровения на вопрос о смысле жизни мира и земной жизни человека, библейский идеал как ответ Божественного Откровения на вопрос о конечной цели мироздания и разумной цели земной жизни человечества, и библейскую этику как ответ Божественного Откровения на жизненный вопрос о том, как жить разумно на земле, сообразуя жизнь с разумною волей Бога Святого и Праведного.

Только уяснив себе, таким образом, вечную истину правды Божией во всей ее стройности, мы, верующие, можем сознательно жить по вере, сознательно принимать руководство официальных представителей церкви поместной, сознательно оценивать жизнь и людей по их достоинству, сознательно бороться против зла и неправды, сознательно защищать истину от извращения и святыню от поругания.

Мы живем в настоящее время в царстве разума и невольно подчиняемся привычкам, навязываемым культом этого кумира; оттого я так часто говорю именем сознания и разума, хотя это только одно из свойств духа, созданного по образу и подобию Божию; теперь все признают необходимость жить разумно и сознательно, даже и те, которые совсем не понимают, что такое разум и сознание.

Если бы я говорил от имени любви, которое христианство, согласно Божественному Откровению, ставит выше разума, я уверен, что слова мои были бы не менее понятны и убедительны не только для сознательных поклонников разума, но даже и для громадного большинства из тех, кто считает себя верующими христианами. Вот почему я так часто говорю от имени сознания и разума, хотя о вечной истине правды Божией, согласно святой гармонии духа, было бы естественно говорить от имени высшего свойства духа – любить.

Сделав эту оговорку, засвидетельствовав, что я исповедую подчиненное значение сознания по отношению к любви, я буду продолжать говорить от имени разума, что сделает мои слова более доступными и убедительными для людей разного образа мыслей. Это не должно смущать верующих, так как истинное христианство никогда не игнорировало свойства духа сознать, как дети земли постоянно игнорировали свойство духа любить; святая гармония духа требует подчинения сознания любви, а не отрицает разум, даже не может обойтись без него, так что князь Мышкин и Алеша Карамазов совсем не гармонические души, с точки зрения христианства именно потому, что не пользуются разумом и любят не разумно, что не может быть согласно с разумной волей *Высшего Разума* мира.

Что касается до неверующих, то именно этот язык только и может быть для них понятен и убедителен: во имя разума они отказываются верить, от имени разума и надо доказывать им безрассудство их неверия, а верующий не имеет права сомневаться в том, что это не трудно, как они не имеют права сомневаться в том, что вечная истина правды Божией – единственная разумная правда, как единая абсолютная истина среди нелепых гипотез и глупой лжи, что воля Божия – единая разумная воля среди глупой самостоятельности *сынов противления*, не желающих согласовать свою волю с единой разумной волей *Верховного Разума* мира.

Чего хочет неверующий, приступая к изучению Библии? Он знает, что Библия официально признана за основу жизни государственной, общественной и частной, и поэтому он шагу не может ступить разумно, не изучив основательно мировоззрение, идеал и этику, официально признанные за основы жизни, хотя бы для того, чтобы сознательно и разумно бороться против этого установившегося порядка вещей. Только эта внутренняя суть Библии и имеет для него значение; отказываясь верить во имя разума, он только во имя разума и может критиковать Библию как официально признанную основу жизни, причем мертвящая буква писания имеет для него еще менее значения, чем для верующего.

Для неверующего заниматься вопросами о том, кем, когда и по какому поводу была написана та или другая часть Библии, – совершенно бессмысленное убивание времени, схоластические препирательства, которые ни к чему привести не могут, так как Библия и ее официальное признание за основу жизни – жизненный факт и только; изменить этот факт можно только заменив Библию, как основу жизни, новою основой жизни.

Отказываясь верить во имя разума, неверующий должен и Библию отрицать не только как Божественное Откровение, но и как официально признанную основу жизни тоже во имя разума, и новую основу жизни на место Библии принять сознательно лучшую, разумно доказав ее преимущества перед Библией. Для него, очевидно, и космогония Библии, и вся историческая часть ее, и все чудеса, о которых она повествует, и пророчества, и притчи, и законы – все это имеет значение настолько, насколько обуславливает собою мировоззрение, идеал и этику: эту непреходящую философскую суть Библии, которая и есть библейская основа жизни; другими словами, и для неверующего, по требованию разума, как и для верующего, по завету апостола, первенствующее значение имеет животворящий дух слова Божия, который и необходимо уразуметь под покровом буквы мертвящей.

Всякое дело трудно, когда любовь и не светит, и не греет. Божественное Откровение во всей совокупности, как и каждое отдельное слово жизни, вполне доступны и вразумительны для всех, кому вера открыла глаза духовные и любовь сделала сердце способным уразуметь; для неверующего, напротив, уразуметь животворящий дух Библии представляет значительные

трудности, преодолеть которые редко у кого хватит энергии и настойчивости без сотрудничества верующего.

Ведь Библия как официальная основа жизни признается таковою согласно пониманию верующих, следовательно, и для неверующего мировоззрение, идеал и этика Библии имеют значение именно согласно пониманию верующих. Вот почему я считаю настоящий труд полезным не только для верующих, но, в меньшей степени, и для неверующих, так как для тех и для других, хотя и приступающих к изучению Библии с разными целями и чувствами, существенно в Библии одно и то же и дорога предстоит одна.

Если верующему предстоит возможность проверить степень сознательности своей веры, для неверующего предстоит возможность проверить степень сознательности своего неверия и степень сознательности своей враждебности к религии как к официально признанной философской основе жизни.

Мне остается сказать несколько слов о том, как я читал Библию, о том, как изучал животворящий дух вечной истины правды Божией под покровом буквы мертвящей и как буду излагать вечную истину правды Божией на языке современной интеллигенции, – скажу в последующих главах.

Шопенгауэр в предисловии к первому изданию своего труда «Мир как воля и представление» требует от читателя, чтобы он прочел это сочинение дважды, первый раз с терпением и доверием к автору, который при единстве мысли, составляющей краеугольный камень стройного мировоззрения, не может избежать многообразия целой системы мыслей, составляющих в совокупности одно стройное целое, как архитектурные детали составляют в совокупности одно целое по идее произведение архитектуры.

Это требование гораздо основательнее, чем оно кажется на первый взгляд. Нельзя судить о сравнительном достоинстве и целесообразности деталей какой-либо картины или здания, не имея понятия о целом произведении искусства, не впадая в наивную самоуверенность мухи, которую Макс Нордау заставляет критиковать непонятные для него неровности на поверхности колоссальной статуи *Бавария*.

В области отвлеченного мышления целое мировоззрение не может быть выражено одним словом, которое соответствовало бы общему впечатлению при взгляде на целое произведение искусства, воплотившее в себе мысль художника во всей ее цельности. Наш дух может содержать целое мировоззрение в единстве основной объединяющей мысли только при помощи напряженного внимания, объединяющего в один животворящий дух все детали по мере их изучения под личиною буквы мертвящей. Для того чтобы это внимание не ослабевало, необходимо читать первый раз с верою и любовью, чего требует даже и Шопенгауэр по отношению к себе совершенно основательно, стараясь уразуметь и не получая понятия о целом до самого конца книги. Когда все произведение прочитано и при помощи внимания все детали слились в одно стройное целое, необходимо прочесть второй раз, чтобы сознательно отнестись к деталям при свете понимания того стройного целого, в которое они входят как составные части.

Если это требование справедливо со стороны Шопенгауэра относительно сочинения, в котором он систематично излагает свое философское мировоззрение, тем более необходимо для нас решиться на не менее серьезное отношение к Божественному Откровению, помня, что Библия не систематическое изложение мировоззрения, идеала и этики, соответствующих вечной истине правды Божией, а слова жизни, исходившие из уст Божиих сообразно потребностям постепенного воспитания падшего человечества для Царства Небесного.

Для меня было ясно, что сознать животворящий дух Откровения во всем его стройном единстве я не могу, не прочтя всю Библию с начала до конца, твердо веруя, что под покровом буквы мертвящей найду животворящий дух. Читать Библию первый раз, еще не имея цельного представления о вечной истине правды Божией во всей ее стройности, читать ее с горячею верою в то, что оно есть, это стройное единство животворящего духа, не смущаясь пестротой

и кажущимися противоречиями буквы мертвящей, читать, не скажу, с терпением, а с радостным, трепетным вниманием того, кто в темном, смрадном подземелье почуял струю чистого воздуха, потом увидел слабый луч далекого света и, идя по этим указаниям, набрел, наконец, на несомненный путь к выходу из ненавистного лабиринта, – читать так было для меня не трудно, читать иначе было бы для меня невозможно.

Каждое слово *книги жизни* было для меня так дорого, как отзвук родины далекой, и, если бы меня не томила духовная жажда, я и тогда не мог бы отказать себе в этом духовном наслаждении.

Пока я читал, любя и веруя, с благословением и благодарностью за свет и теплоту, наполнявшими душу ликованием, я ясно понимал животворящий дух под внешнею оболочкою буквы, и дух дышал во мне дыханием жизни вечной. Когда рутина склада ума, навязанная жизнью и наукою, заставляла меня умствовать по обычаю книжников, я придирался к букве мертвящей, анатомировал ее, и вот передо мною лежал холодный труп отвлеченной мысли, и душу леденил могильный холод; смутение и ужас указывали мне на то, что я оставил добрую дорогу, и я опять искал света и радости и опять попадал на верный путь.

И я решился читать Писания как дитя, которому не надо ученых трактатов и сложных умствований, чтобы понять слова матери, ее мысли и чувства, все равно высказаны ли они в форме аллегории, сказки или на условно-образном языке, понятном только для ребенка и его матери. Спаситель сказал: *истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное*⁴⁷. Если не будем принимать слова вечной жизни, как дети принимают слова матери: смиренно веря и любя, мы не пойдем животворящий дух и неизбежно будем бесплодно блуждать в лабиринте буквы мертвящей.

Иногда мертвящая буква поражала меня такой нечеловеческой смелостью, то голой неприкрашенной правдой, то чисто восточной цветистой образностью, что заслоняла собою на мгновение животворящий дух; но вера приподнимала и эту пелену разукрашенную, и духу вновь сиял животворящий дух.

Иногда меня смущали кажущиеся противоречия, но вера не слабела, и все они постоянно сливались в гармонические сочетания.

По мере того как я читал, росло в моей душе понимание домостроительства Божия, росла в моей душе и радость сознательной веры в Бога живого, и я на опыте познал, что значит пить из источника воды живой, когда душа истомлена далеким странствием по зною и пыли сухой пустыни.

Когда я прочел последнюю страницу *книги жизни*, храм мира сиял передо мною во всем несказанном величии предвечной мысли верховного разума, во всей ослепительной красоте вдохновения любви животворящей. Я на опыте познал, что от избытка сердца уста глаголют. Я понял, что не могу молчать, что должен высказать, чем сердце полно, а в сердце был необъятный мир, осиянный *Светом от Света Небесного*.

Мне предстояло то, что я читал как дитя и понял, как понять может только сердце при свете веры и любви, снова облечь в мертвящую букву, наиболее доступную моим современникам, перевести Библию на язык современной интеллигенции.

Современная культура выработала свои привычки мышления, как она выработала и свои привычки жизни; хороши эти привычки или нет, я разбирать не буду и, помня, что, по пословице, в чужой монастырь со своим уставом не входят, говоря моим современникам, буду говорить на языке, для них понятном, и рассуждать по методу, для них привычному. Это комфорт мысли, без которого, я знаю, не согласятся обойтись избалованные комфортом представители культуры XIX века. Им надо непременно говорить по рубрикам; они и Библию не читают потому, что не разделена она на рубрики и не имеет вывесок с обозначением внутреннего

⁴⁷ Мф. 18, 3.

содержания каждой отдельной рубрики, а работа в рудниках мысли, по их понятиям, умственная каторга, совсем не комфортабельная.

Теперь, когда со слов Божественного Откровения я имею счастье сознавать вечную истину правды Божией во всей ее стройности, разделить Библию на систематичные отделы и собрать все сказанное на разных страницах *книги жизни* в соответствующие отделы не представляет никакой трудности. Именно подобное систематическое изложение, при тщательном соединении в одно всего, что сказано по каждому отдельному вопросу, только и может ознакомить с животворящим духом Писания того, чья ленивая мысль, без поддержки веры и света любви, ежеминутно готова перейти от дела к безделью, от глубокой работы сознания к поверхностной игре бесцельных перетасовок буквы мертвящей.

Никакая мысль не может быть выражена удобопонятно одним словом, сделать это может только сочетание нескольких слов в предложении; то же слово на расстоянии двух-трех веков может изменить свое значение, и для восстановления прежнего смысла требовать многословных комментариев. Вырвать из Писания один текст и делать из него произвольные, уродливые по своей узости выводы – наивное недомыслие или злонамеренный лукавый софизм.

Чтобы вполне ясно уяснить себе библейский взгляд на тот или другой вопрос жизни или нравственности, необходимо соединить в одно все, что сказано человечеству по этому вопросу на всем протяжении многовекового воспитания падшего человечества; только тогда мы получим целое предложение, в котором будет выражена и целая божественная мысль.

Так я и поступил; ознакомившись с животворящим духом *книги жизни* во всей его стройности, я составил себе план систематического изложения его на языке современной интеллигенции и по каждому вопросу различных отделов соединил все то, что сказано о нем избранными Божиими Ветхого и Нового Завета.

Я ограничился одной Библией, стараясь по возможности ясно формулировать вечную истину правды Божией, насколько она доступна пониманию всякого верующего христианства. Все христианские церкви признают ту же Библию, исповедуют одного Христа, должны почерпнуть из общего источника и общее понимание вечной истины правды Божией. На каждой литургии мы молим Бога о соединении церковей и примирении всех. Как рядовой христианин, изучая общепризнанную всем христианским миром *книгу жизни*, я старался формулировать вечную истину правды Божией в той сущности, которую не могут не признавать все те, кто признает для себя обязательными слова апостола Павла, говорившего: *Но если бы даже мы или Ангел с неба стал благовествовать вам не то, что мы благовествовали вам, да будет анафема*⁴⁸.

Да будет же эта общепризнанная сущность вечной истины правды Божией соединяющей чертою для всех искренних исповедников Христа Спасителя, и да озарит их веру и жизнь яркий *Свет от Света Небесного*, чтобы не объяла их тьма окружающей жизни, где сознательные антихристы и бессознательные изменники Христу деятельно препятствуют созиданию стен Иерусалима Небесного.

Буква мертвящая

Жив Господь Бог наш. И ныне, и прежде, и во веки веков, Он воистину сущий; и вечна, и неизменна вечная истина правды Его. Все, что не согласно с волею Божией, Царством Небесным и правдою Его, – все это временная, преходящая ложь, относительное, условное, мертвящее.

Когда Адам нарушил волю Божию, он променял абсолютную жизнь, разумную и вечную, на относительное, условное, мертвящее вдали от Бога, вне жизни вечной. Едина вечная истина

⁴⁸ Галл. 1, 8.

правды Божией; правда воли Божией – единое абсолютное добро; противление воле Божией есть грех; грех привел Адама к изгнанию из рая, к воплощению и воплощением к смерти. Не имел бы Адам причины стыдиться духовной наготы своей перед Богом, не был бы он облечен в кожаные одежды, не предстояло бы для него необходимости сбрасывать с себя эту кожаную одежду, когда она изнашивается; не ушел бы блудный сын из родного дома, не странствовал бы он на земле скитания, не предстоял бы ему и трудный обратный путь с тяжелым камнем на сердце; не рождался бы человек на земле, не предстояло бы ему и умирать, переходя от временной и условной жизни земного скитания к жизни вечной.

Мы все пока находимся в долине плача и печали, тления и смерти земного скитания, отчуждены от Бога и вечной неизменной правды Его грубою завесой тела смертного, погружены в относительное, преходящее, условное. Нашим чувствам доступны только условные формы: преходящие и временные проявления преходящего и временного состояния греховного человечества и проклятой в делах его земли. Все преходящее и условно в этом бренном мире, только дух человеческий вечен и способен постигать непреходящее, вечное, способен поклоняться Богу в духе и истине, способен уловить животворящий дух под обманчивую личную преходящую форму и водворить вечную гармонию Царства Небесного внутри человека, еще прикованного телом к преходящему и условному среди обманов земного бытия.

Воплощенный дух находится в одиночном заключении во время земного скитания. Гармония Царства Божия может быть внутри его, но это лишь состояние духа его и не может быть проявлено иначе, как при помощи дела или слова условного характера. И дело и слово заключает дух животворящий в условную мертвящую форму, присущую всем проявлениям жизни земной. Стремление к животворящему духу есть жажда правды Божией, стремление к абсолютной истине – вера живая в Бога живого; симпатия к форме и букве мертвящей – болезненное пристрастие к праху земному сознательных и бессознательных материалистов, предпочитающих условное и преходящее – абсолютному и вечному, временную оболочку – вечному духу, скорби и печали одиночества – райскому блаженству в общении с Богом.

Грешное человечество, по тому самому, что оно грешное, более склонно понимать условное и временное и сочувствовать форме и букве, чем жаждать познания вечной истины правды Божией и под покровом условной формы и буквы мертвящей искать животворящий дух.

Божественное Откровение, как слово жизни вечной, созидающее слово Божие, воспитывающее человечество для Царства Небесного, есть громкий призыв от условного и временного к абсолютной истине и вечной правде. Все факты, приведенные в Библии, заключают в себе животворящий дух, имеющий абсолютное и вечное значение, всякое слово, изошедшее из уст Божиих, – капля воды живой, плод древа жизни вечной, но как проявление условной, временной жизни даже животворящий дух глаголов жизни вечной, для того чтобы стать доступным грешному человечеству, должен был облечься в условную форму факта, в условный знак буквы мертвящей.

Для рабов материи и греха – это опасное искушение, для них так естественно отвернуться от абсолютного и вечного, которое они не любят по своей греховности, чтобы видеть одно условное и временное, которое они любят, предпочитают абсолютной и вечной правде воли Божией, без чего они и не были бы греховны, для них так естественно привязаться к букве мертвящей и совсем проглядеть животворящий дух.

Искушение велико, многочисленны и предостережения против него. Предостерегали человечество от этой опасности *пророки ветхозаветные*⁴⁹, предостерегал его *Спаситель мира*⁵⁰

⁴⁹ ...*пророки ветхозаветные*... – Горе тем, которые влекут на себя беззаконие вервами суетности, и грех – как бы ремнями колесничными <...>. За грех корыстолюбия его Я гневался и поражал его, скрывал лице и негодовал; но он, отвортившись, пошел по пути своего сердца (Ис. 5, 18; 57, 17). Народ Мой вопрошает свое дерево и жезл его дает ему ответ; ибо дух блуда ввел их в заблуждение, и, блудодействуя, они отступили от Бога своего (Ос. 4, 12). Дашь им – принимают, отверзаешь руку Твою – насыщаются благом; скроешь лице Твое – мнутятся, отнимешь дух их – умирают и в персть свою возвращаются; пошлешь

и Его *апостолы*⁵¹. Предостережения были ясные, определенные, но злая воля велика, и подавляющее большинство продолжает не видеть глазами, не слышать ушами и сердцем не разумеет.

Напрасно звучали грозные слова пророка, когда он говорил, что обряд, форма образования ничто для тех, у кого медный лоб и сердце необразованное, люди читали с благоговением слова пророка и продолжали исповедовать самодовлеющее значение условной формы, лишённой животворящего духа. Напрасно факты, изложенные в книге Руфь, громко свидетельствовали о том, что иноплеменница моавитянка была для Ноемини лучше семи сыновей, потомков Авраама, евреи продолжали гордиться буквою происхождения от Авраама, нимало не заботясь о том, чтобы думать и чувствовать по его примеру. Напрасно читали и теперь читают изумительные пророчества ветхозаветного евангелиста, пророка Исаии, евреи благоговейно чтут букву его пророчеств и до сих пор упорно отказываются понять животворящий дух этих пророчеств, и они остались для них мертвящей буквой, когда сами они, распиная Мессию-Христа, бессознательно участвовали в осуществлении того, что составляло животворящий дух благоговейно признаваемой ими буквы.

Господь наш Иисус Христос постоянно боролся против склонности всех Его окружавших, не только фарисеев, саддукеев, книжников, самарянки, Никодима, но даже и учеников Его постоянно суживать слова Его до размеров буквы мертвящей. Он ясно указал на второстепенное значение обряда и формы, говоря, что Богу должно поклоняться в духе и истине; Он ясно указал и на второстепенное значение буквы, говоря, что слова Его – дух и должны быть *понимаемы духовно*⁵².

Апостол Павел прямо говорит, что буква мертвит, но знать слова апостола и волю Спасителя недостаточно для того, чтобы иметь добрую волю думать и чувствовать по примеру апостола и сообразовать свою волю с волею Того, кто един был свят на земле.

И вот до настоящего времени между верующими и неверующими громадное большинство и комментирует, и критикует Библию, упорно придерживаясь буквы мертвящей, что по смыслу слов Спасителя и Его апостола со стороны верующего – постыдное недомыслие, а со стороны неверующего – неосновательная придирка.

Вредные последствия узости мысли этих наивных и злонамеренных буквоедов неисчислимы. Они стройную гармонию животворящего духа Божественного Откровения обращают в пестрый хаос буквы мертвящей; они глаголы жизни вечной превращают в исторические сплетни и схоластические нравоучения; религию – эту животворную основу жизни – они обращают в оторванную от жизни догму и бессодержательную обрядность; таинства они понимают так, как ветхозаветные буквоеды понимали обрезание, церковь понимают так, как ветхозаветные саддукеи понимали синедрион; они и Священное Писание читают и понимают именно так, как понимали и читали его те, кто, благоговей перед буквою Писания, побивали камнями пророков и издевались над словами и страданиями воплощенного, а потом ими же распятого Мессии.

дух Твой – созидаются, и Ты обновляешь лицо земли (Пс. 103, 28–30).

⁵⁰ ...*Спаситель мира*... – Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение: дух бодр, плоть же немощна (Мф. 26, 41). Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение: дух бодр, плоть же немощна (Мк. 14, 38). Что вы спите? встаньте и молитесь, чтобы не впасть в искушение (Лк. 22, 46).

⁵¹ ...*апостолы*... – С великою радостью принимайте, братия мои, когда впадаете в различные искушения, зная, что испытание вашей веры производит терпение; терпение же должно иметь совершенное действие, чтобы вы были совершенны во всей полноте, без всякого недостатка (Иак. 1, 2–4). Братия! если и впадет человек в какое согрешение, вы, духовные, исправляйте такового в духе кротости, наблюдая каждый за собою, чтобы не быть искушенным (Галл. 6, 1). А желающие обогатиться впадают в искушение и в сеть и во многие безрассудные и вредные похоти, которые погружают людей в бедствие и пагубу; ибо корень всех зол есть сребролюбие, которому предавшись, некоторые уклонились от веры и сами себя подвергли многим скорбям (1 Тим. 6, 9–10).

⁵² ...*понимаемы духовно*... – Дух животворит; плоть не пользует нимало. Слова, которые говорю Я вам, суть дух и жизнь (Ин. 6, 63).

Буквоедов одинаково много между верующими и неверующими; одни поклоняются букве, другие придираются к ней.

Прежде всего я должен сказать, что истинно верующий тот, кто может по примеру апостола Павла сказать: *Я знаю, в кого верую*⁵³, буквоедом быть не может; это слишком противно всему духу учения Спасителя. Верующим буквоедом может быть только христианин по названию; тот, кто родился христианином и по рутине считает себя таковым, но не крещен ни духом, ни огнем; он может быть очень ученым теологом, может даже занимать в церкви поместной очень высокое положение и все же не уметь ни чувствовать, ни жить по-христиански и быть убежденным наперекор Спасителю и апостолу, что христианство есть именно жертва и пища, а не милость, мир, любовь и радость о Духе Святе.

Такая вера ни живую, ни разумную быть не может; она непременно мертвая и слепая вера в букву мертвящую, которая и в жизнь вносит ту мертвящую струю, которая составляет для многих роковой соблазн, затемняя понимание жизненного значения религии, Откровения и церкви, полагая непроходимую пропасть между догматом, обрядом и повседневную практикою жизни.

Посмотрим, как относится верующий буквоед к историческим фактам, рассказанным в Библии, и к букве, без которой святое вдохновение избранников Божиих, этот таинственный голос, который был в них, не был бы переведен на лепет человеческий, не стал бы достоянием всех. Верующие буквоеды неизменно придают и фактам и букве самодовлеющее значение, совершенно застилающее собою, часто даже совсем упраздняющее не только понимание заключенного в этих внешних формах факта и буквы животворящего духа, но даже возможность предположить в них необходимость этого внутреннего содержания.

Придавая фактам и букве самодовлеющее значение, они и тем не ограничиваются, а преувеличивают это значение до очевидного абсурда, нимало не сообразуя понимание отдельного факта и буквы с животворящим духом всего откровения, делая из них кумиров, поклоняясь им и делая для себя таким образом невозможным соглашение не только с теми, кто верует в единого Бога Отца, но и со всеми теми, кто обладает простым здравым смыслом; это слепые фанатики, которые из-за факта и буквы готовы во всякое время пожертвовать и животворящим духом Откровения, и возможностью жить по вере на земле.

Библия содержит повествование о фактах непосредственного воздействия промысла Божия, о жизни народа избранного и жизни святых избранников Божиих.

Говоря о первых, буквоеды главное внимание обратят на то, в какое время, где и при каких обстоятельствах совершилось данное событие, и таким образом навязут убеждение, что главная суть в голом знании факта и его деталей, а не того животворящего духа, который облечен в оболочку данного факта, ради которого этот факт и был занесен на страницы *книги жизни*. Воздействия промысла Божия неисчислимы; из бесконечного числа их Божественное Откровение повествует нам именно о тех, которые имеют значение для духовного воспитания человечества. Именно на это жизненное значение факта воздействия промысла Божия буквоед не обратит никакого внимания и факт разумной воли верховного разума мира обратит в непонятную прихоть всемогущего кудесника, и радостное создание стройной гармонии воли и мысли Творца подменит тяжелой обязанностью слепой веры в бессмысленные факты. Таким путем они свет обращают во тьму, радость – в страдание, веру в разумного Бога – в суеверный страх перед прихотями грозного абсолюта, и любовь к любвеобильному Отцу – в рабскую угодливость перед всеильным властелином. Они оклеветали религию, эти услужливые буквоеды, которые воистину много опаснее любого явного врага, они дали повод говорить о религии, в

⁵³ ...*Я знаю, в кого верую...* – По сей причине я и страдаю так; но не стыжусь. Ибо я знаю, в Кого уверовал, и уверен, что Он силен сохранить залог мой на оный день (2 Тим. 1, 12).

которой все разумно и стройная мудрость, что надо прежде отказаться от разума, чтобы потом слепо верить в пеструю грудю очевидных нелепостей.

Говоря о фактах, относящихся ко жизни народа избранного, буквоеды неизменно придают и им самодовлеющее значение; для них имя местности или города, размеры ковчега, вообще, обстановка события имеют большее значение, чем тот внутренний смысл, благодаря которому это событие удостоилось быть занесенным на страницы Библии. Они так убежденно узки в своих воззрениях, что неизменно заражают читателя узостью мысли. Для того, кто, читая историю народа избранного, вообразит, что то или другое событие имеет местный или временный характер, что то, что относится к Иерихону или Иерусалиму, не имеет никакого отношения к Петербургу, и то, что относится к евреям – никакого отношения к современным нам русским, французам или немцам, для того глубокий смысл священной истории народа избранного сужен до размера относительного интереса простой летописи, причем так удобно злой воле успокаивать совесть нелепыми софизмами.

Современные Каины, искренно ненавидящие всякого доброго Авеля, глубоко убежденные и во всю жизнь доказывающие, что они не считают себя приставниками братьев своих, люди, которые непременно убили бы доброго Авеля, если бы жили, подобно Каину, в то время, когда не существовало ни стеснительных судов, ни бдительной полиции, эти современные Каины, всегда готовые оскорбить и ограбить всякого Авеля на законном основании, будут читать букву мертвящую о Каине, даже и не подумав о том, что читают страницу из собственной жизни, находятся перед зеркалом, отражающим искаженные злобою черты их собственного духа. Современные Хамы, всегда готовые осмеять и надругаться, глубоко убежденные, что *смеяться, право, не грешно над тем, что кажется смешно*, люди с неизменно юмористическим складом ума и опереточным настроением духа, читают букву мертвящую о Хаме, даже и не подозревая, что заключенный в ней животворящий дух лично до них касается.

И вот, прочтя благоговейно историю о том, как современные Ною практичные дельцы издевались над его идеализмом, многие способны злобно осмеять всякого Ноя XIX века, который, живя по вере, нарушает рутину практики жизни, издеваясь над тупоумным формализмом ветхозаветных евреев, способны понимать христианские таинства и обряды совершенно так, как понимал значение обрезания *народ жестоковыйный с медным лбом и необрезанным сердцем*, зная, до чего довело евреев слепое пристрастие к букве мертвящей, способны упорно отрицать всякое значение животворящего духа христианства и даже, из политических и экономических расчетов, относятся к нему враждебно, порицая современных Спасителю книжников, фарисеев и саддукеев, способны сделать из книги кумира, думать и чувствовать по фарисейски и свои обязанности относительно Бога, религии, церкви, ближнего и самого себя понимать именно так, как понимали их священники – саддукеи; умиляясь при чтении рассказа о том, как бедная вдовица отдала Богу все, что имела, способны все сохранить для себя, бросая Богу лишние крупички; возмущаясь гнусным предательством Иуды, способны продать самого достойного человека, друга и благодетеля, как только эта операция окажется выгодной. Для всех для них буква мертвящая совсем застилает собою животворящий дух, внося мертвенность и в умы, и в сердца, и в жизнь.

Говоря о фактах, относящихся к жизни святых избранников Божиих, буквоеды вносят особенно много тумана в умы и шаткости в сердца. Игнорируя животворящий дух, им непременно надо искусственно примирять часто непримиримые на самом деле противоречия буквы мертвящей; для достижения этой цели они готовы пожертвовать здравым смыслом и черное назвать белым. Они сами признают, что веруют во единого Бога, признают и то, что из всех сынов человеческих един был свят, един Господь Иисус Христос. Они убеждены, что слово *святой* обязывает их находить безукоризненными все их поступки, они не останавливаются ни перед какими натяжками и софизмами, лишь бы обелить то, что гнусно и по справедливости должно быть заклеено в жизни Иакова, Моисея, Давида и Соломона, забывая, что это были

не боги, а лучшие из очень грубых и дурных сынов своего века; Господь избрал их соратниками своими в деле воспитания человечества; они изрекали слова жизни, когда *Дух Божий был на них*⁵⁴, но оставались в то же время людьми, которые в частной жизни своей могли поддаваться влиянию окружающей среды и собственных похотей. Безусловная искренность Библии постоянно ставит перед нашими глазами яркую картину того, как Господь в слабости творил силу, как не имеет права хвалиться никакая плоть; это заставляет тех, кто из-за буквы мертвящей желает во что бы ни стало заставить хвалиться плоть, и черное сделаться белее снега, с головою погрузиться в такой хаос натяжек и передержек, что все их благонамеренные вилияния превращаются в совершенно бессодержательную риторику.

От буквы фактов перейдем к букве слова. Не духи бесплотные возвещали людям Откровение Божие; люди, добровольно отдавшие себя и жизнь свою на дело Божие, становились избранниками и соратниками Того, *кто любит всех, кто позволяет Ему любить себя*, как сказал А. С. Хомяков. Сам Господь Иисус Христос, принеший на землю полноту Откровения, чтобы научить и спасти, облекся в завесу плоти, и многие из тех, кто лично видел, слышал и осязал Его под этою буквою внешней формы, проглядели животворящий дух *Света от Света Небесного*. Божественное Откровение содержит в себе глаголы жизни вечной под покровом условной формы человеческого слова.

Святая Библия содержит в себе не только Божественное Откровение – слова жизни, исходящие из уст Божиих, но и историю отношения грешного человечества к Богу, соратникам Его и делу Его. Чтобы и тут, под мертвящею буквою языка человеческого, не проглядеть животворящий дух *глаголов жизни вечной*⁵⁵, как под буквою завесы тела евреи проглядели столь желанного, столь долго ожидаемого Мессию-Христа, нам прежде всего надо установить, в каком смысле мы признаем Священное Писание боговдохновенным.

Неопределенность взглядов на этот вопрос и была часто источником роковых ошибок, духовных падений до уровня фанатического буквоедства, творящего кумира из мертвящей буквы слова Писания. Слово человеческое, даже и тогда, когда служит выражением абсолютной, вечной истины правды Божией, не теряет характер условной клички, значение которой изменяется и во времени, сообразно тому внутреннему содержанию, которое в нее вкладывает данное поколение, и даже одновременно, сообразно тем различным сочетаниям слов, при которых то же слово может передавать разные понятия. Слово человеческое, как порождение земной жизни, имеет условный, преходящий характер, как и все земное; в Священном Писании оно не приобретает новых свойств, не делается талисманом, не ограждает само по себе читателя от самых прискорбных ошибок.

Соратники Божии в те минуты вдохновений, когда *Дух Божий был на них*, не переставали и говорить, и действовать вполне сознательно; они не были одержимы духом, как сивиллы; их вдохновение не походило на одуряющий экстаз; они не подчинялись пассивно наитию, а вступали активно и сознательно в духовное единение с Духом Господа животворящего. Они были храм Божий, и дух Божий вдохновлял их, и вложили они животворящий дух в свои Писания; но слова Писания, внешняя форма принадлежит им, как людям, говорившим человеческим языком, переводя на лепет людей неизреченные глаголы духа; они говорили современникам на доступном им языке, часто применяясь к их пониманию, насколько это было возможно без ущерба для духа Писания.

⁵⁴ ...*Дух Божий был на них*... – И взглянул Валаам и увидел Израиля, стоявшего по коленам своим, и был на нем Дух Божий (Чис. 24, 2). Но вы не по плоти живете, а по духу, если только Дух Божий живет в вас. Если же кто Духа Христова не имеет, тот и не Его (Рим. 8, 9). Разве не знаете, что вы храм Божий, и Дух Божий живет в вас? (1 Кор. 3, 16).

⁵⁵ ...*глаголов жизни вечной*... – С этого времени многие из учеников Его отошли от Него и уже не ходили с Ним. Тогда Иисус сказал двенадцати: не хотите ли и вы отойти? Симон Петр отвечал Ему: Господи! к кому нам идти? Ты имеешь глаголы вечной жизни: и мы уверовали и познали, что Ты Христос, Сын Бога Живого (Ин. 6, 66–69).

Каждое слово и каждый текст Писания боговдохновенны в том смысле, что ни одно слово и ни один текст не могут быть выпущены без ущерба для понимания вечной истины правды Божией, имея разумное основание быть помещенным на страницах *книги жизни*, объясняя собою какую-либо существенную подробность единого стройного целого, вставляя необходимую ноту в аккорд общей гармонии; во всем Писании нет такого слова или текста, которые были бы боговдохновенны в том смысле, чтобы имели сами по себе самодовлеющее значение, могли бы передать всю суть животворящего духа Библии в отрыве от общего целого.

Именно преклонение перед отдельною буквою Писания, без всякого сообразования ее с животворящим духом единого стройного целого, и было главною причиною мертвящего буквоедства, причинившего религии не меньший вред, чем самые злостные глумления неверующих.

Буквоеды придают всем словам Писания совершенно разное значение и обращают таким образом Божественное Откровение в духовную Сахару, наполненную совершенно однородными песчинками. Апостол сказал: *Но если бы даже мы или Ангел с неба стал благовествовать вам не то, что мы благовествовали вам, да будет анафема*⁵⁶. Буквоедам нет до этого дела, они любой текст Писания, не сообразуя его нимало с Евангелием, преувеличат до полного абсурда, до явного противоречия с благовествованием апостольским и, таким образом создав себе кумира из буквы, упраздняют все Откровение.

Веруя во Христа, нельзя не поставить Евангелие и послания апостольские, святые слова и примеры жизни воплощенного Бога слова и Его ближайших свидетелей во главу всех других книг Писания, нельзя не сообразовать с ними понимания всех остальных частей Откровения.

Библия содержит в себе Божественное Откровение в том виде, как оно излагалось на протяжении многих веков, многим различным по умственному развитию и привычному им способу выражений последовательным поколениям человечества. Это не может не отразиться на букве Писания, значительно затемняя для нас то, что было совершенно точно выражено на языке обычном того народа и поколения, к которому были обращены слова избранника Божия. Животворящий дух Откровения – неизменная для всех времен и народов абсолютная, вечная истина правды Божией, мертвящая буква – условная, временная форма, соответствующая привычкам данного народа и поколения.

Замечательно, что в Библии, кроме прямых указаний на второстепенное значение и даже прямую зловредность буквы, можно на каждой странице найти доказательства принципиального презрения к форме, доходящего до преднамеренной небрежности языка, до очевидных противоречий буквы. Буквоедам, несмотря ни на какие подтасовки и натяжки, никогда не удастся примирить непримиримые противоречия буквы Писания, и им предстоит бесплодно блуждать в безысходном хаосе противоречий буквы мертвящей, если они не хотят покаяться, и, вспомнив совершенно определенные слова апостола Павла о значении животворящего духа, перестать быть буквоедами. Это великое проявление божественной мудрости, творящей в слабости силу. Человек придавал бы громадное значение точности выражений, систематической определенности буквы и не достиг бы своей цели не только вне современной ему эпохи, но даже и вне того небольшого круга своих современников, которые имеют общие с ним привычки мышления и способы выражений; вся его наивная попытка придать слову, этому условному проявлению преходящего земного бытия, несвойственную ему абсолютную определенность, привела бы только к явному обнаружению его бессилия претворить условное в абсолютное и временное в вечное. Божественная мудрость явным презрением к форме ежеминутно напоминает о том, как маловажна буква сама по себе, настойчиво привлекает внимание к животворящему духу неизреченных глаголов жизни вечной, которых вместить в себе не может ограниченная буква слова *человека*.

⁵⁶ Гал. 1, 8.

Примеров неопределенности языка чрезвычайно много, притом неопределенности явной, преднамеренной. Так, говоря о творении мира, Библия употребляет слово *день* явно не в том значении, какое мы ему придаем. Он говорит *день первый*, когда еще не существовало ни земли, ни солнца и, следовательно, не могло быть тогда дня, который происходит от обращения земли кругом своей оси в 24 часа. Чтобы не понять, что под словом *день* обозначаются совершенно неопределенные по своей продолжительности эпохи, периоды времени, надо быть фанатичным буквоедом и задушить в себе всякий здравый смысл. Неопределенность слова *день* делается вполне очевидною, когда этим же словом в единственном числе обозначается весь период творения, разделенный прежде *на шесть частей*⁵⁷.

Словом *воинства* обозначаются и духи бесплотные, и все, живущее на земле, не исключая самые низшие породы животных.

Тем же собственным именем в единственном числе обозначается и единичный человек, и его потомство, и даже многомиллионный народ, причем буквальным смыслом летоисчисления и продолжительности жизни делается очень сомнительным, что, может быть, очень прискорбно для буквоедов, но не имеет ровно никакого значения для понимания животворящего духа Откровения.

Говоря о явлениях мира незримого, Библия называет безразлично являющееся высшее существо то Ангелом, то Богом, не задаваясь, очевидно, целью объяснить тот невыразимый на языке человеческого способ, каким сообщается детям земли воля Божия.

В 20 главе книги «Исход» говорится, что *Моисей вступил во мрак, где Бог*⁵⁸, очевидно, слово *мрак* употреблено тут совсем не в том значении, какое ему придают обыкновенно, а означает, что место явления Божия было недоступно зрению народа.

Презрение к букве, доходящее до явной небрежности языка, может тоже служить красноречивым предостережением для буквоедов. Внутренний смысл Писания, животворящий дух Откровения, нимало тем не затемняется; вечная истина правды Божией везде выражена определенно и ясно; презрение к форме, преднамеренная небрежность проявляется тогда, когда дело идет о второстепенных подробностях, о тех преходящих, земных обстоятельствах времени, места и образа действия, среди которых вершится на земле вечная правда воли Божией. Буквоеды, склонные придавать большое значение знанию этих второстепенных обстоятельств, неизбежно впадают в самые прискорбные недоразумения, но, даже и проученные буквою, редко обращаются на путь истинный животворящего духа, предпочитая бесконечные схоластические препирательства о понимании и согласовании буквы мертвящей.

В книге *Бытия* говорится о том, что Каин женился, что он *боялся быть убитым первым встречным*⁵⁹; кто была жена Каина, кто мог быть этот первый встречный, когда Авель был убит и на земле жили только Адам и Ева? Не ясно ли, что тут преднамеренная небрежность, громко свидетельствующая о том, что Библия не задается целью удовлетворять любознательность историка, как, рассказывая о творении мира, она не дает нам обстоятельного трактата по геологии.

И по истории, и по геологии, и по всем другим наукам мы узнаем из Библии лишь то, что имеет существенное значение для понимания вечной истины правды Божией и взаимных отношений Бога Промыслителя и созданного по образу и подобию Его свободного человека.

⁵⁷ ...на шесть частей... – И увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма. И был вечер, и было утро: день шестой. <...>Так совершены небо и земля и все воинство их. И совершил Бог к седьмому дню дела Свои, которые Он делал, и почил в день седьмый от всех дел Своих, которые делал. И благословил Бог седьмой день, и освятит его, ибо в оный почил от всех дел Своих, которые Бог творил и созидал (Быт. 1, 31; 2, 1–3).

⁵⁸ ...Моисей вступил во мрак, где Бог... – И стоял [весь] народ вдали, а Моисей вступил во мрак, где Бог (Исх. 20, 21).

⁵⁹ ...боялся быть убитым первым встречным... – И сказал Каин Господу [Богу]: наказание мое больше, нежели снести можно; вот, Ты теперь сгоняешь меня с лица земли, и от лица Твоего я скроюсь, и буду изгнанником и скитальцем на земле; и всякий, кто встретится со мною, убьет меня. И сказал ему Господь [Бог]: за то всякому, кто убьет Каина, отмстится всемеро. И сделал Господь [Бог] Каину знамение, чтобы никто, встретившись с ним, не убил его (Быт. 4, 13–15).

Буквоеды не хотят видеть это и готовы писать обширные трактаты, полные догадок о том, кто была жена Каина и кого он мог встретить.

Повествуя об явлении трех странников Аврааму и гибели Содома и Гоморры, говорится *то Господь*⁶⁰, *то три мужа*⁶¹, *то два ангела*⁶². Очевидно, и тут не придается никакого значения тому, каким образом выполнялась воля Божия. Вечное значение имеет настроение духа Авраама и жителей Содома, сообразное этому настроению отношение к ним Бога; вот это животворящий дух, выделяющийся яркими красками на темном фоне сбивчивой, небрежной буквы второстепенных обстоятельств, при которых совершались соответствующие события.

В ст. 41 и 42 главы 27 книги «Бытие» говорится *и сказал Исав в сердце своем*⁶³ и тут же говорится *и пересказаны были Ревекке слова Исава*⁶⁴. Для буквоедов, склонных придавать громадное значение тому, выразил ли Исав свою мысль на словах или только подумал, тут непростительная небрежность, при которой остается непонятным, как узнала Ревекка о замыслах Исава.

В ст. 16 и 18 второй главы книги «Исход» то же лицо называется *то Иофором*⁶⁵, *то Рагуилом*⁶⁶, и все догадки Властова по этому поводу остаются догадками, не имеющими достаточного основания. В действительности, одно ли то было лицо и как звали это лицо во время его земной жизни, не имеет для понимания настроения духа избранника Божиего Моисея и его служения делу Божию ровно никакого значения.

Буквоеды, желая понимать Писание буквально, должны утратить всякое понимание Бога и приписывать Ему самые несвойственные Ему действия. В Писании часто говорится, что Бог *сделал* то, чему на самом деле Он только не воспрепятствовал совершиться, как говорится, что Бог *сказал* то, что было внушено имущим познать святую волю Его. Так, в книге «Исход» говорится, что *Бог ожесточил сердце Фараона*⁶⁷; в книге «Левит» говорится: *Я наведу язву проказы*⁶⁸. Так, в книге «Числа» Моисей говорит: *Постойте, я послушаю, что говорит о вас Господь*⁶⁹; придрачься к словам *послушаю* и *говорит*, чтобы вообразить себе, что поняли, каким образом постигал Моисей волю Божию, достойно самого узкого буквоедства. В этой небрежной форме выражения, очевидно, заключен животворящий дух того, что не имеет соответствующей буквы на лепете, обычном для грешного человечества.

Принимая буквально стихи от 1 по 6 главы 23 «Второзакония», необходимо признать, что Бог предписывает *несправедливую мстительность и непримиримую ненависть*⁷⁰, тогда как

⁶⁰ ...*то Господь*... – И явился ему Господь у дубравы Мамре, когда он сидел при входе в шатер [свой], во время зноя дневного. <...> И сказал Господь: утаю ли Я от Авраама [раба Моего], что хочу делать! (Быт. 18, 1, 17).

⁶¹ ...*три мужа*... – Он возвел очи свои и взглянул, и вот, три мужа стоят против него. Увидев, он побежал навстречу им от входа в шатер [свой] и поклонился до земли (Быт. 18, 2).

⁶² ...*два ангела*... – И пришли те два Ангела в Содом вечером, когда Лот сидел у ворот Содома. Лот увидел, и встал, чтобы встретить их, и поклонился лицом до земли (Быт. 19, 1).

⁶³ ...*и сказал Исав в сердце своем*... – И возненавидел Исав Иакова за благословение, которым благословил его отец его; и сказал Исав в сердце своем: приближаются дни плача по отцу моему, и я убью Иакова, брата моего (Быт. 27, 41).

⁶⁴ ...*и пересказаны были Ревекке слова Исава*... – И пересказаны были Ревекке слова Исава, старшего сына ее; и она послала, и призвала младшего сына своего Иакова, и сказала ему: вот, Исав, брат твой, грозит убить тебя (Быт. 27, 42).

⁶⁵ ...*Иофором*... – У священника Мадиямского [было] семь дочерей, [которые пасли овец отца своего Иофора]. Они пришли, начерпали воды и наполнили корыта, чтобы напоить овец отца своего [Иофора] (Исх. 2, 16).

⁶⁶ ...*Рагуилом*... – И пришли они к Рагуилу, отцу своему, и он сказал [им]: что вы так скоро пришли сегодня? (Исх. 2, 18).

⁶⁷ ...*Бог ожесточил сердце Фараона*... – Но Господь ожесточил сердце фараона, и он не послушал их, как и говорил Господь Моисею (Исх. 9, 12).

⁶⁸ ...*Я наведу язву проказы*... – И сказал Господь Моисею и Аарону, говоря: когда войдете в землю Ханаанскую, которую Я даю вам во владение, и Я наведу язву проказы на дома в земле владения вашего, тогда тот, чей дом, должен пойти и сказать священнику: у меня на доме показалась как бы язва (Лев. 14, 33–35).

⁶⁹ ...*Постойте, я послушаю, что говорит о вас Господь*... – И сказал им Моисей: постойте, я послушаю, что повелит о вас Господь (Чис. 9, 8).

⁷⁰ ...*несправедливую мстительность и непримиримую ненависть*... – У кого раздавлены ятра или отрезан детородный член, тот не может войти в общество Господне. Сын блудницы не может войти в общество Господне, и десятое поколение его

под формою, где буква доходит до очевидного извращения истины, вполне ясен животворящий дух строгой справедливости, не примиряющейся со злом и с грешниками нераскаянными. Преднамеренная небрежность языка, явное презрение к форме доходят иногда до очевидного противоречия *букве*, при полной гармонии внутреннего содержания.

Так в ст. 24 второй главы книги «Бытие» говорится об отце и матери, которых не существовало и до грехопадения и не могло быть, так как дети родились у Адама и Евы только после грехопадения, и нет даже никаких оснований полагать, что *существовало разделение полов до проклятия*⁷¹. Дело в том, что в Библии очень часто местности называются теми именами, которые были даны им много позже. О Еве при ее сотворении говорится в мужеском роде *сотворим помощника, соответствующего ему*⁷², и только после грехопадения она *получает имя Евы*⁷³, *вступает в брачные отношения с Адамом и рождает Каина*⁷⁴. Если Ева во 2 гл. называется *женою*⁷⁵, когда еще ею и не была, за неимением другого термина, не трудно понять, что для изображения силы привязанности говорится об отце и матери, применяясь к пониманию тех, кому говорил Моисей.

Не менее трудно примирить буквоедам букву Писания о том, что Бог или ангел вел евреев по пустыне, с буквою ст. 29–31 главы десятой книги «Числа», где *Моисей упрощает Ховава быть их проводником*⁷⁶. Или букву ст. 8 главы 12 книги «Числа», где *говорится от имени Бога*⁷⁷: *Устами к устам говорю Я с ним (Моисеем)... и образ Господа он видит* с буквою ст. 20 главы 33 книги «Исход», где Бог говорит тому же Моисею: *Лица Моего не можно тебе увидеть, потому что человек не может увидеть Меня и остаться в живых*⁷⁸. Или букву ст. 20 главы 22 книги «Числа», где говорится: *И пришел Бог к Валааму ночью и сказал ему*⁷⁹... со ст. 22 той же главы, где говорится с явною непоследовательностью: *И воспылал гнев Божий за то, что он пошел*⁸⁰.

не может войти в общество Господне. Аммонитянин и Моавитянин не может войти в общество Господне, и десятое поколение их не может войти в общество Господне во веки, потому что они не встретили вас с хлебом и водою на пути, когда вы шли из Египта, и потому что они наняли против тебя Валаама, сына Веорова, из Пейфора Месопотамского, чтобы проклясть тебя; но Господь, Бог твой, не восхотел слушать Валаама и обратил Господь Бог твой проклятие его в благословение тебе, ибо Господь Бог твой любит тебя. Не желай им мира и благополучия во все дни твои, во веки (Втор. 23, 1–6).

⁷¹ ...существовало разделение полов до проклятия... – Потому оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей; и будут [два] одна плоть (Быт. 2, 24).

⁷² ...*сотворим помощника, соответствующего ему*... – И сказал Господь Бог: не хорошо быть человеку одному; сотворим ему помощника, соответственного ему (Быт. 2, 18).

⁷³ ...*получает имя Евы*... – И нарек Адам имя жене своей: Ева, ибо она стала матерью всех живущих (Быт. 3, 20).

⁷⁴ ...*вступает в брачные отношения с Адамом и рождает Каина*... – Адам познал Еву, жену свою; и она зачала, и родила Каина, и сказала: приобрела я человека от Господа (Быт. 4, 1).

⁷⁵ ...*называется женою*... – И сказал человек: вот, это кость от костей моих и плоть от плоти моей; она будет называться женою, ибо взята от мужа [своего] (Быт. 2, 23).

⁷⁶ ...*Моисей упрощает Ховава быть их проводником*... – И сказал Моисей Ховаву, сыну Рагуилову, Маданитянину, родственнику Моисееву: мы отправляемся в то место, о котором Господь сказал: вам отдам его; иди с нами, мы сделаем тебе добро, ибо Господь доброе изрек об Израиле. Но он сказал ему: не пойду; я пойду в свою землю и на свою родину. Моисей же сказал: не оставляй нас, потому что ты знаешь, как располагаемся мы станом в пустыне, и будешь для нас глазом (Чис. 10, 29–31).

⁷⁷ ...*говорится от имени Бога: Устами к устам говорю Я с ним (Моисеем)*... и *образ Господа он видит*... – И сказал: слушайте слова Мои: если бывает у вас пророк Господень, то Я открываюсь ему в видении, во сне говорю с ним; но не так с рабом Моим Моисеем, – он верен во всем дому Моем: устами к устам говорю Я с ним, и явно, а не в гаданиях, и образ Господа он видит; как же вы не убоялись упрекать раба Моего, Моисея? (Чис. 12, 6–8).

⁷⁸ ...*Лица Моего не можно тебе увидеть, потому что человек не может увидеть Меня и остаться в живых*... – И потом сказал Он: лица Моего не можно тебе увидеть, потому что человек не может увидеть Меня и остаться в живых (Исх. 33, 20).

⁷⁹ ...*И пришел Бог к Валааму ночью и сказал ему*... – И пришел Бог к Валааму ночью и сказал ему: если люди сии пришли звать тебя, встань, пойди с ними; но только делай то, что Я буду говорить тебе (Чис. 22, 20).

⁸⁰ ...*И воспылал гнев Божий за то, что он пошел*... – И воспылал гнев Божий за то, что он пошел, и стал Ангел Господень на дороге, чтобы воспрепятствовать ему. Он ехал на ослице своей и с ними двое слуг его (Чис. 22, 22).

В ст. 21 главы 13 *Иисуса Навина* говорится о царе аморрейском Сигоне, *которого убил Моисей*⁸¹, хотя Моисей и не убивал его лично. Приписывать начальнику слова и действия подчиненных – обычный оборот речи в Библии: так приписывают и Богу все мысли, слова и действия избранников Его.

В ст. 7 главы 24 «Книги Иисуса Навина» говорится от имени Бога новому поколению израильтян, родившемуся в пустыне во время странствия: *Глаза ваши видели, что Я сделал в Египте*⁸². Привязываясь к букве, тут явное противоречие с фактами, известными из предшествующих страниц Библии. Самые отчаянные буквоеды признают, что эти слова не надо понимать буквально, и что внутренний смысл вполне ясен: под словами *глаза ваши видели* надо понимать *отцы ваши видели своими глазами*. Такими образными выражениями, доходящими часто до явного противоречия *букве*, переполнена Библия. Мания буквоедов при первой возможности, наперекор здравому смыслу, понимать их буквально и делает темным и противоречивым то, что вполне ясно и согласно.

В ст. 29 главы 15 «Первой книги Царств» говорится: *Не раскается верный израилец, ибо не человек Он, чтобы раскаяться Ему*⁸³, а в ст. 35 той же главы сказано: *Господь раскаялся, что воцарил Саула над Израилем*⁸⁴. При доброй воле вполне ясно, что во втором случае слова *раскаялся* и *воцарил* не могут быть понимаемы буквально. Бог не мог раскаиваться, во-первых, потому, что он Бог, а во-вторых, что не Он воцарил Саула, так как самое избрание царя было противно воле Божией. Господь только допустил изведать на опыте то, что народ желал вопреки воле Его. Не отказываясь от здравого смысла, невозможно сомневаться, что слова *Господь раскаялся, что воцарил Саула* означают *Господь признал за благо не терпеть более на царстве Саула*.

Противоречия буквы встречаются и в Новом Завете, не только выдуманные противоречия, изобретенные зложелательством представителей отрицательной критики, но и действительные противоречия буквы, которые, однако, при доброй воле не могут смутить даже и самый непроницательный ум.

Одно из главных камней преткновения для буквоедов – это образность языка Писания. Смелая образность не чужда и современному нам способу выражения мыслей европейцами XIX века; мы не замечаем образности нашей речи только по привычке. Мы постоянно говорим о человеке, которым недовольны, – *бог с ним*, не подразумевая, что он действительно находится в интимной близости с Богом, и подобных выражений очень много.

На Востоке и теперь цветистая образность языка поражает европейца своею смелостью. В дни апостолов, когда сам Иисус Христос находил полезным говорить народу притчами, весь склад языка носил чисто притчевый характер. В дни пророков, когда не ограничивались притчами на словах, а поучали современников притчами в действиях, как то делали Иеремия и Осия, образность языка доходит до невообразимой смелости, которая должна была бы испугать буквоедов чудовищностью выводов, неизбежных при буквальном понимании слов Писания.

⁸¹ ...*которого убил Моисей*... – Иааца, Кедемоф и Мефааф, Кириафаим, Сивма и Цереф-Шахар на горе Емек, Беф-Фегор и места при подошве Фасги и Беф-Иешимоф, и все города на равнине, и все царство Сигона, царя Аморрейского, который царствовал в Есевоне, которого убил Моисей, равно как и вождей Мадиаемских: Евия, и Рекема, и Цура, и Хура, и Реву, князей Сигоновых, живших в земле [той]; также Валаама, сына Веорова, прорицателя, убили сыны Израилевы мечом в числе убитых ими (Нав. 12, 18–22).

⁸² ...*Глаза ваши видели, что Я сделал в Египте*... – Я вывел отцов ваших из Египта, и вы пришли к [Чермному] морю. Тогда Египтяне гнались за отцами вашими с колесницами и всадниками до Чермного моря; но они возопили к Господу, и Он положил [облако и] тьму между вами и Египтянами и навел на них море, которое их и покрыло. Глаза ваши видели, что Я сделал в Египте. Потом много времени пробыли вы в пустыне (Нав. 24, 6–7).

⁸³ ...*Не раскается верный израилец, ибо не человек Он, чтобы раскаяться Ему*... – Тогда сказал Самуил: ныне отторг Господь царство Израильское от тебя и отдал его ближнему твоему, лучшему тебя; и не скажет неправды и не раскается Верный Израилев; ибо не человек Он, чтобы раскаяться Ему (1 Цар. 15, 28–29).

⁸⁴ ...*Господь раскаялся, что воцарил Саула над Израилем*... – И более не видался Самуил с Саулом до дня смерти своей; но печалился Самуил о Сауле, потому что Господь раскаялся, что воцарил Саула над Израилем (1 Цар. 15, 35).

В книгах Моисея необузданная образность языка доходит часто до кощунства, для Моисея и его современников, употреблявших эти выражения по привычке, хорошо понимая вложенный в них внутренний смысл и совсем не замечая грубое неприличие формы, это не было кощунством; для буквоедов, которые из-за преклонения перед буквою не остановятся даже перед буквальным пониманием статей 23, 24, 25 и 26 главы 4 «Исхода», где каждое слово по букве грубое кощунство, *невозможно разумно оставаться верующими*⁸⁵; для них многие страницы Библии должны быть совершенно непонятны и представлять непримиримое противоречие с основным пониманием Бога и Его неизменного характера.

Примеров чудовищной для нас образности выражений так много, что выбор затруднителен. Такие выражения как: *окна небесные отворились*⁸⁶; *все, что имело дыхание духа жизни в ноздрях своих*⁸⁷; *и обонял Господь приятное благоухание*⁸⁸; *дорогою на ночлег случилось, что встретил его (Моисея) Господь и хотел умертвить его*⁸⁹; *Я (Бог) в сию самую ночь пройду по земле Египетской и поражу всякого первенца*⁹⁰; *и пришел Аарон и все старейшины Израилевы есть хлеба с тестем Моисеевым пред Богом*⁹¹; *Моисей взошел к Богу на гору*⁹²; *принеси это, потрясая пред лицем Господним*⁹³; *Сам (Бог) не пойду среди вас*⁹⁴; *Я, Бог, посмотрю, что мне делать с вами*⁹⁵; *это будет напоминанием о вас пред Богом вашим*⁹⁶; *и сошел Господь и стал*

⁸⁵ ...*невозможно разумно оставаться верующими...* – Я говорю тебе: отпусти сына Моего, чтобы он совершил Мне служение; а если не отпустишь его, то вот, Я убью сына твоего, первенца твоего. Дорогою на ночлеге случилось, что встретил его Господь и хотел умертвить его. Тогда Сепфора, взяв каменный нож, обрезала крайнюю плоть сына своего и, бросив к ногам его, сказала: ты жених крови у меня. И отошел от него Господь. Тогда сказала она: жених крови – по обрезанию (Исх. 4, 23–26).

⁸⁶ ...*окна небесные отворились...* – В шестисотый год жизни Ноевой, во второй месяц, в семнадцатый [27] день месяца, в сей день разверзлись все источники великой бездны, и окна небесные отворились; и лился на землю дождь сорок дней и сорок ночей (Быт. 7, 11–12).

⁸⁷ ...*все, что имело дыхание духа жизни в ноздрях своих...* – И лишилась жизни всякая плоть, движущаяся по земле, и птицы, и скоты, и звери, и все гады, ползающие по земле, и все люди; все, что имело дыхание духа жизни в ноздрях своих на суше, умерло (Быт. 7, 21–22).

⁸⁸ ...*и обонял Господь приятное благоухание...* – И обонял Господь приятное благоухание, и сказал Господь [Бог] в сердце Своем: не буду больше проклинать землю за человека, потому что помышление сердца человеческого – зло от юности его; и не буду больше поражать всего живущего, как Я сделал: впредь во все дни земли сеяние и жатва, холод и зной, лето и зима, день и ночь не прекратятся (Быт. 8, 21–22).

⁸⁹ ...*дорогою на ночлег случилось, что встретил его (Моисея) Господь и хотел умертвить его...* – Дорогою на ночлеге случилось, что встретил его Господь и хотел умертвить его (Исх. 4, 24).

⁹⁰ ...*Я (Бог) в сию самую ночь пройду по земле Египетской и поражу всякого первенца...* – А Я в сию самую ночь пройду по земле Египетской и поражу всякого первенца в земле Египетской, от человека до скота, и над всеми богами Египетскими произведу суд. Я Господь (Исх. 12, 12).

⁹¹ ...*и пришел Аарон и все старейшины Израилевы есть хлеба с тестем Моисеевым пред Богом...* – И принес Иофор, тесть Моисеев, всесожжение и жертвы Богу; и пришел Аарон и все старейшины Израилевы есть хлеба с тестем Моисеевым пред Богом (Исх. 18, 12).

⁹² ...*Моисей взошел к Богу на гору...* – Моисей взошел к Богу [на гору], и воззвал к нему Господь с горы, говоря: так скажи дому Иаковлеву и возвести сынам Израилевым: вы видели, что Я сделал Египтянам, и как Я носил вас [как бы] на орлиных крыльях, и принес вас к Себе; итак, если вы будете слушаться гласа Моего и соблюдать завет Мой, то будете Моим уделом из всех народов, ибо Моя вся земля, а вы будете у Меня царством священников и народом святым; вот слова, которые ты скажешь сынам Израилевым (Исх. 19, 3–6).

⁹³ ...*принеси это, потрясая пред лицем Господним...* – И возьми от овна тук и курдюк, и тук, покрывающий внутренности, и сальник с печени, и обе почки и тук, который на них, правое плечо [потому что это овен вручения священства], и один круглый хлеб, одну лепешку на елее и один опреснок из корзины, которая пред Господом, и положи всё на руки Аарону и на руки сынам его, и принеси это, потрясая пред лицем Господним; и возьми это с рук их и сожги на жертвеннике со всесожжением, в благоухание пред Господом: это жертва Господу (Исх. 29, 22–25).

⁹⁴ ...*Сам (Бог) не пойду среди вас...* – И сказал Господь Моисею: пойдя, иди отсюда ты и народ, который ты вывел из земли Египетской, в землю, о которой Я клялся Аврааму, Исааку и Иакову, говоря: потомству твоему дам ее; и пошлю пред тобою Ангела [Моего], и прогоню Хананеев, Аморреев, Хеттеев, Ферезеев, [Гергесеев,] Евеев и Иевусеев, [и введет он вас] в землю, где течет молоко и мед; ибо Сам не пойду среди вас, чтобы не погубить Мне вас на пути, потому что вы народ жестоковыйный (Исх. 33, 1–3).

⁹⁵ ...*Я, Бог, посмотрю, что мне делать с вами...* – Ибо Господь сказал Моисею: скажи сынам Израилевым: вы народ жестоковыйный; если Я пойду среди вас, то в одну минуту истреблю вас; итак снимите с себя украшения свои; Я посмотрю, что Мне делать с вами (Исх. 33, 5).

у входа скинии⁹⁷; отделись от общества сего, и я (Бог) истреблю их⁹⁸; и взял Моисей жезл от лица Господа⁹⁹; и пришел Бог к Валааму и сказал: какие это люди у тебя?¹⁰⁰; но до сего дня не дал вам Господь (Бог) сердца, чтобы разуместь, очей, чтобы видеть, и ушей, чтобы слышать¹⁰¹; и разрубил Самуил Агага пред Господом в Галгале¹⁰². Таких выражений в Библии множество. Легко вообразить себе логические последствия буквального понимания подобных выражений; буквоеды именно это и считают простою, бесхитростною верою, доступною пониманию детей и народа. Удивительно ли, что они стройную гармонию вечной истины правды Божией подменили хаосом невообразимых противоречий и нелепых побасенок буквы мертвящей, не имеющих не только никакого жизненного значения, но и никакого разумного смысла.

Привычка все приписывать Богу заставляет возлагать на Его ответственность все зло, какое делают люди, и Библия с обычною ей искренностью сохранила нам яркие образцы невообразимо наивного отношения к Богу и до дерзости смелого злоупотребления именем Его. Все, что говорят вожди народа еврейского, они говорят от имени Бога, это обычная форма выражения, освященная веками официальная формула. Все, что происходит в священном месте или только с призыванием имени Божия, совершается *пред лицом Божиим*¹⁰³.

Приписывая внушению Божию все свои мысли, чувства и поступки, безразлично добрые и злые, вожди народа еврейского даже внутреннюю борьбу мыслей своих часто изображают в виде разговора с Богом, нередко принимая лучшую роль на себя, заставляя Бога говорить привычным для них самих циничным, грубым языком. Чтобы, придравшись к букве, поверить, что все это действительно были слова и воля Божья, надо предварительно перестать верить в Бога Святого и Праведного.

Нередко Ему приписывается хитрость, нечестность и крайняя несправедливость, Его усовещивают, стыдят и уговаривают быть благоразумным, иногда заклинаят и защищают

⁹⁶ ...это будет напоминанием о вас пред Богом вашим... – И сказал Господь Моисею, говоря: сделай себе две серебряные трубы, чеканные сделай их, чтобы они служили тебе для созывания общества и для снятия станов; когда затрубят ими, соберется к тебе все общество ко входу скинии собрания; когда одною трубою затрубят, соберутся к тебе князья и тысяченачальники Израилевы; когда затрубите тревогу, поднимутся станы, становящиеся к востоку; когда во второй раз затрубите тревогу, поднимутся станы, становящиеся к югу; [когда затрубите в третий раз тревогу, поднимутся станы, становящиеся к морю; когда в четвертый раз затрубите тревогу, поднимутся станы, становящиеся к северу;] тревогу пусть трубят при отправлении их в путь; а когда надобно собрать собрание, трубите, но не тревогу; сыны Аароновы, священники, должны трубить трубами: это будет вам постановлением вечным в роды ваши; и когда пойдете на войну в земле вашей против врага, наступающего на вас, трубите тревогу трубами, – и будете воспомнаны пред Господом, Богом вашим, и спасены будете от врагов ваших; и в день веселия вашего, и в праздники ваши, и в новомесячия ваши трубите трубами при всесожжениях ваших и при мирных жертвах ваших, – и это будет напоминанием о вас пред Богом вашим. Я Господь, Бог ваш (Чис. 10, 1–10).

⁹⁷ ...и сошел Господь и стал у входа скинии... – И сошел Господь в облачном столбе, и стал у входа скинии, и позвал Аарона и Мариам, и вышли они оба (Чис. 12, 5).

⁹⁸ ...отделись от общества сего, и я (Бог) истреблю их... – И сказал Господь Моисею и Аарону, говоря: отделись от общества сего, и Я истреблю их во мгновение (Чис. 16, 20–21).

⁹⁹ ...и взял Моисей жезл от лица Господа... – И взял Моисей жезл от лица Господа, как Он повелел ему (Чис. 20, 9.).

¹⁰⁰ ...и пришел Бог к Валааму и сказал: какие это люди у тебя?... – И пришел Бог к Валааму и сказал: какие это люди у тебя? Валаам сказал Богу: Валак, сын Сепфоров, царь Моавитский, прислал [их] ко мне [сказать]: вот, народ вышел из Египта и покрыл лице земли, [и живет подле меня]; итак приди, прокляни мне его; может быть я тогда буду в состоянии сразиться с ним и выгнать его [из земли]. И сказал Бог Валааму: не ходи с ними, не проклиная народа сего, ибо он благословен (Чис. 22, 9–12).

¹⁰¹ ...но до сего дня не дал вам Господь (Бог) сердца, чтобы разуместь, очей, чтобы видеть, и ушей, чтобы слышать... – И созвал Моисей всех [сынов] Израилевых и сказал им: вы видели всё, что сделал Господь пред глазами вашими в земле Египетской с фараоном и всеми рабами его и всею землею его; те великие казни, которые видели глаза твои, и те великие знамения и чудеса, [руку крепкую и мышцу простертую]; но до сего дня не дал вам Господь [Бог] сердца, чтобы разуместь, очей, чтобы видеть, и ушей, чтобы слышать (Втор. 29, 2–4).

¹⁰² ...и разрубил Самуил Агага пред Господом в Галгале... – И возвратился Самуил за Саулом, и поклонился Саул Господу. Потом сказал Самуил: приведите ко мне Агага, царя Амаликитского. И подошел к нему Агаг дрожащий, и сказал Агаг: конечно горечь смерти миновалась? Но Самуил сказал: как меч твой жен лишил детей, так мать твоя между женами пусть лишена будет сына. И разрубил Самуил Агага пред Господом в Галгале (1 Цар. 15, 31–33).

¹⁰³ ...пред лицом Божиим... – На мне, Боже, обеты Тебе; Тебе воздам хвалы, ибо Ты избавил душу мою от смерти, [очи мои от слез,] да и ноги мои от преткновения, чтобы я ходил пред лицом Божиим во свете живых (Пс. 55, 13–14).

народ от Его ярости. Все это несколько не смутит того, кто помнит, что народ избранный был *народ жестоковыйный с медным лбом и необрезанным сердцем*, и что, благодаря смелой образности ходячих выражений, Богу постоянно приписывается то, что Моисей и другие избранники Божии предписывали или допускали *по жестокосердию* своих современников, как говорит о том сам Господь наш Иисус Христос.

Для верующего безграничная искренность Библии, не скрывающей никаких пороков и преступлений даже и тогда, когда дело идет о самых авторитетных соратниках Бога, служит новым доказательством сверхчеловеческой мудрости Откровения и красноречивым свидетельством того, как Бог во все времена в слабости творил силу, *чтобы не имела права гордиться никакая плоть*¹⁰⁴.

Образчиков явного злоупотребления именем Бога можно привести очень много. Когда случается какое-нибудь несчастье, говорят: *Что это сделал с нами Бог?!*¹⁰⁵ Как говорили то сыновья Иакова в Египте. Когда Моисей тяжело заболел, говорят, что Бог хотел *умертвить его*¹⁰⁶, и приписывают его выздоровление изумительно грубой энергии жены его Сенфоры. Когда Моисей выводит народ из Египта, говорится *Бог не повел его народ по дороге земли Филистимской, потому что она близка*¹⁰⁷. Далее говорится: *и обвел Бог народ дорогою пустынною*¹⁰⁸. Даже *ожесточение сердца фараона*¹⁰⁹ приписывается Богу. Также говорится, что *Бог отнял колеса колесниц их*¹¹⁰. Приписать Богу, который есть любовь, *ненависть к Амалику навеки*¹¹¹ неудивительно со стороны Моисея, который, приписывая все свои слова, мысли, желания и действия непосредственно Богу, наивно рассказывает о том, как он принимал советы Иофора и пользовался услугами проводника Ховава. Самые мелкие обрядовые постановления, как-то: омовение рук и подробности ветхозаветных жертвоприношений – называются *уставом вечным*, и такой взгляд на них в книге «Числа» неизменно приписывается Богу.

Очень интересно, что в Библии сохранилось и описание того, как постепенно извращались слова Божии, переходя из уст в уста, с того момента, когда избранный Божий изрек их под влиянием святого вдохновения.

¹⁰⁴ ...*чтобы не имела права гордиться никакая плоть*... – Посмотрите, братия, кто вы, призванные: не много из вас мудрых по плоти, не много сильных, не много благородных; но Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых, и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное; и незнатное мира и уничиженное и ничего не значащее избрал Бог, чтобы упразднить значащее, – для того, чтобы никакая плоть не хвалилась пред Богом (1 Кор. 1, 26–29).

¹⁰⁵ ...*Что это сделал с нами Бог?!*... – И открыл один из них мешок свой, чтобы дать корму ослу своему на ночлеге, и увидел серебро свое в отверстии мешка его, и сказал своим братьям: серебро мое возвращено; вот оно в мешке у меня. И смутилось сердце их, и они с трепетом друг другу говорили: что это Бог сделал с нами? (Быт. 42, 27–28).

¹⁰⁶ ...*умертвить его*... – Дорогою на ночлеге случилось, что встретил его Господь и хотел умертвить его. Тогда Сенфора, взяв каменный нож, обрезала крайнюю плоть сына своего и, бросив к ногам его, сказала: ты жених крови у меня. И отошел от него Господь. Тогда сказала она: жених крови – по обрезанию (Исх. 4, 24–26).

¹⁰⁷ ...*Бог не повел его народ по дороге земли Филистимской, потому что она близка*... – Когда же фараон отпустил народ, Бог не повел его по дороге земли Филистимской, потому что она близка; ибо сказал Бог: чтобы не раскаялся народ, увидев войну, и не возвратился в Египет (Исх. 13, 17).

¹⁰⁸ ...*и обвел Бог народ дорогою пустынною*... – И обвел Бог народ дорогою пустынною к Черному морю. И вышли сыны Израилевы вооруженные из земли Египетской (Исх. 13, 18).

¹⁰⁹ ...*ожесточение сердца фараона*... – И ожесточил Господь сердце фараона, царя Египетского [и рабов его], и он погнался за сынами Израилевыми; сыны же Израилевы шли под рукою высокою (Исх. 14, 8).

¹¹⁰ ...*Бог отнял колеса колесниц их*... – И в утреннюю стражу воззрел Господь на стан Египтян из столпа огненного и облачного и привел в замешательство стан Египтян; и отнял колеса у колесниц их, так что они влекли их с трудом. И сказали Египтяне: побежим от Израильян, потому что Господь побораеет за них против Египтян (Исх. 14, 24–25).

¹¹¹ ...*ненависть к Амалику навеки*... – И когда Моисей поднимал руки свои, одолевал Израиль, а когда опускал руки свои, одолевал Амалик; но руки Моисеевы отяжелели, и тогда взяли камень и подложили под него, и он сел на нем, Аарон же и Ор поддерживали руки его, один с одной, а другой с другой стороны. И были руки его подняты до захождения солнца. И низложил Иисус Амалика и народ его острием меча (Исх. 17, 11–13).

Так, установив необъятное значение Бога в чудных словах *Я есмь Сущий*¹¹², тот же Моисей сужает понятие о Боге, говоря с язычником Фараоном, до *исключительности национального Бога евреев*¹¹³.

Особенно поучительно сопоставление понимания и передачи тех же слов Божиих пророком Нафаном, царем Давидом и сыном его Соломоном; это замечательный образчик того, как постепенно искажались слова Божии даже лучшими из людей, которые все же были люди, а не боги. Когда царь Давид задумал строить храм, пророк Нафан сказал ему: *все, что у тебя на сердце, иди, делай; ибо Господь с тобою*¹¹⁴. Но это говорил пророк от себя и ошибался; и пророки не Бог, и не все слова их абсолютная истина, вне тех минут высокого вдохновения, *когда Дух Божий был на них*¹¹⁵. Наперекор неразумной ревности буквоедов, святая Библия ясно устанавливает это, повествуя, что ту же ночь было слово Господа Нафану: *Пойди, скажи рабу Моему Давиду: так говорит Господь: ты ли построишь Мне дом для Моего обитания?*¹¹⁶; *говорил ли Я хотя слово кому-либо из колен, которому Я назначил пасти народ Мой Израиля: почему не постройте Мне кедрового дома?*¹¹⁷; *Я взял тебя от стада овец, чтобы ты был вождем народа Моего, Израиля*¹¹⁸; *когда же исполнятся дни твои и ты почиешь с отцами твоими; то Я восставлю после тебя семя твое, которое произойдет из чресл твоих и упрочу царство его. Он построит дом имени Моему и Я утвержу престол царства его навеки, Я буду ему отцом, и он будет Мне сыном*¹¹⁹. Тут, очевидно, выражено нежелание Божия, чтобы скиния была заменена деревянным храмом; очевидно предсказание о рождении Спасителя в роде царя Давида. Мы не можем не понимать, что слова эти не относятся к Соломону, который родился

¹¹² ...*Я есмь Сущий*... – И сказал Моисей Богу: вот, я приду к сынам Израилевым и скажу им: Бог отцов ваших послал меня к вам. А они скажут мне: как Ему имя? Что сказать мне им? Бог сказал Моисею: Я есмь Сущий. И сказал: так скажи сынам Израилевым: Сущий [Иегова] послал меня к вам (Исх. 3, 13–14).

¹¹³ ...*исключительности национального Бога евреев*... – После сего Моисей и Аарон пришли к фараону и сказали [ему]: так говорит Господь, Бог Израилев: отпусти народ Мой, чтоб он совершил Мне праздник в пустыне. Но фараон сказал: кто такой Господь, чтоб я послушался голоса Его и отпустил [сынов] Израиля? я не знаю Господа и Израиля не отпущу. Они сказали [ему]: Бог Евреев призвал нас; отпусти нас в пустыню на три дня пути принести жертву Господу, Богу нашему, чтобы Он не поразил нас язвою, или мечом (Исх. 5, 1–3).

¹¹⁴ ...*все, что у тебя на сердце, иди, делай; ибо Господь с тобою*... – Когда царь жил в доме своем, и Господь успокоил его от всех окрестных врагов его, тогда сказал царь пророку Нафану: вот, я живу в доме кедровом, а ковчег Божий находится под шатром. И сказал Нафан царю: все, что у тебя на сердце, иди, делай; ибо Господь с тобою (2 Цар. 7, 1–3).

¹¹⁵ ...*когда Дух Божий был на них*... – Дух Господа Бога на Мне, ибо Господь помазал Меня благовествовать нищим, послал Меня исцелять сокрушенных сердцем, проповедовать пленным освобождение и узникам открытие темницы, проповедовать лето Господне благоприятное и день мщения Бога нашего, утешить всех сетующих, возвестить сетующим на Сионе, что им вместо пепла дастся украшение, вместо плача – елей радости, вместо унылого духа – славная одежда, и назовут их сильными правдою, насаждением Господа во славу Его (Ис. 61, 1–3).

¹¹⁶ ...*Пойди, скажи рабу Моему Давиду: так говорит Господь: ты ли построишь Мне дом для Моего обитания?*... – Но в ту же ночь было слово Господа к Нафану: пойдя, скажи рабу Моему Давиду: так говорит Господь: ты ли построишь Мне дом для Моего обитания, когда Я не жил в доме с того времени, как вывел сынов Израилевых из Египта, и до сего дня, но переходил в шатре и в скинии? (2 Цар. 7, 4–6).

¹¹⁷ ...*говорил ли Я хотя слово кому-либо из колен, которому Я назначил пасти народ Мой Израиля: почему не постройте Мне кедрового дома?*... – Где Я ни ходил со всеми сынами Израиля, говорил ли Я хотя слово какому-либо из колен, которому Я назначил пасти народ Мой Израиля: «почему не постройте Мне кедрового дома»? (2 Цар. 7, 7).

¹¹⁸ ...*Я взял тебя от стада овец, чтобы ты был вождем народа Моего, Израиля*... – И теперь так скажи рабу Моему Давиду: так говорит Господь Саваоф: Я взял тебя от стада овец, чтобы ты был вождем народа Моего, Израиля; и был с тобою везде, куда ни ходил ты, и истребил всех врагов твоих пред лицом твоим, и сделал имя твое великим, как имя великих на земле (2 Цар. 7, 8–9).

¹¹⁹ ...*когда же исполнятся дни твои и ты почиешь с отцами твоими; то Я восставлю после тебя семя твое, которое произойдет из чресл твоих и упрочу царство его. Он построит дом имени Моему и Я утвержу престол царства его навеки, Я буду ему отцом, и он будет Мне сыном*... – Когда же исполнятся дни твои, и ты почиешь с отцами твоими, то Я восставлю после тебя семя твое, которое произойдет из чресл твоих, и упрочу царство его. Он построит дом имени Моему, и Я утвержу престол царства его навеки. Я буду ему отцом, и он будет Мне сыном; и если он согрешит, Я накажу его жезлом мужей и ударами сынов человеческих; но милости Моей не отниму от него, как Я отнял от Саула, которого Я отверг пред лицом твоим (2 Цар. 7, 12–15).

не после смерти Давида, престол которого не был утвержден навеки, и ни характер, ни жизнь которого не дают ни малейшего права именоваться сыном Божиим.

Сыну своему Соломону Давид передает волю Божию в следующих словах: *Сын мой! у меня было на сердце построить дом во имя Господа, Бога моего, но было ко мне слово Господне, и сказано: «ты пролил много крови и вел большие войны; ты не должен строить дома имени Моему, потому что пролил много крови на землю пред лицом Моим. Вот, у тебя родится сын: он будет человек мирный; Я дам ему покой от всех врагов его кругом: посему имя ему будет Соломон. И мир и покой дам Израилю во дни его. Он построит дом имени Моему, и он будет Мне сыном, а Я ему отцом, и утвержу престол царства его над Израилем навек». И ныне, сын мой! да будет Господь с тобою, чтобы ты был безуспешен и построил дом Господу Богу твоему, как Он говорил о тебе. Да даст тебе Господь смысл и разум, и поставит тебя над Израилем; и соблюди закон Господа Бога твоего¹²⁰. Перед смертью Давид говорит вождям израильским так: *Было у меня на сердце построить дом покоя для ковчега завета Господня и в подножие ногам Бога нашего, и потребное для строения я приготовил. Но Бог сказал мне: не строй дома имени Моему, потому что ты человек воинственный и проливал кровь. Однако же избрал Господь Бог Израилев меня из всего дома отца моего, чтоб быть мне царем над Израилем вечно, потому что Иуду избрал Он князем, а в доме Иуды дом отца моего, а из сыновей отца моего меня благоволил поставить царем над всем Израилем, из всех же сыновей моих, – ибо много сыновей дал мне Господь, – Он избрал Соломона, сына моего, сидеть на престоле царства Господня над Израилем, и сказал мне: Соломон, сын твой, построит дом Мой и дворы Мои, потому что Я избрал его Себе в сына, и Я буду ему Отцом; и утвержу царство его навеки, если он будет тверд в исполнении заповедей Моих и уставов Моих, как до сего дня¹²¹.**

Соломон так говорит народу при торжестве освящения храма Иерусалимского: *Благословен Господь Бог Израилев, Который сказал Своими устами Давиду, отцу моему, и ныне исполнил рукою Своею! <...> У Давида, отца моего, было на сердце построить храм имени Господа Бога Израилева; но Господь сказал Давиду, отцу моему: «у тебя есть на сердце построить храм имени Моему; хорошо, что это у тебя лежит на сердце; однако не ты построишь храм, а сын твой, исшедший из чресл твоих, он построит храм имени Моему». И исполнил Господь слово Свое, которое изрек. Я вступил на место отца моего Давида и сел на престоле Израилевом, как сказал Господь, и построил храм имени Господа Бога Израилева; и приготовил там место для ковчега, в котором завет Господа, заключенный Им с отцами нашими, когда Он вывел их из земли Египетской. <...> Ты исполнил рабу Твоему Давиду, отцу моему, что говорил ему; что изрек Ты устами Твоими, то в сей день совершил рукою Твоею. <...> И ныне, Боже Израилев, да будет верно слово Твое, которое Ты изрек рабу Твоему Давиду, отцу моему! Поистине, Богу ли жить на земле? Небо и небо небес не вмещают Тебя, тем менее сей храм, который я построил [имени Твоему]¹²².*

Вот очень интересный образчик того, как говорят вожди народа еврейского, до какой степени привычна была для них безгранично смелая образность выражений, как понимаются слово и воля Божии, как передаются они народу, и как не по-человечески искренно занесены на страницы *книги жизни* факты, касающиеся взаимных отношений Бога и Его избранных из среды народа жестоковыйного.

Нередко избранные Божии, применяясь к пониманию современников, облачают вдохновенную мысль в обычную для того времени форму выражения, которая нас, воспитанных в школе христианства, часто поражает своею грубостью. Нас неприятно поражает такая смелая

¹²⁰ 1 Пар. 22, 7–12.

¹²¹ 1 Пар. 28, 2–7.

¹²² 3 Цар. 8, 15, 17–21, 24, 26–27.

образность выражений как: *Я (Бог), подняв руку, клялся*¹²³; *Ты (Господь) поражаешь в ланиту всех врагов моих; сокрушаешь зубы нечестивых*¹²⁴; *не в ярости Твоей обличай меня*¹²⁵; *восстань, Господи, во гневе, пробудись для меня*¹²⁶; *нечестивый зачал неправду, был чреват злобою и родил себе ложь*¹²⁷; *Боже! сокруши зубы их, в устах их; разбей, Господи, челюсти львов*¹²⁸; *возрадуется праведник, когда увидит отмщение; омоет стопы свои в крови нечестивого*¹²⁹; *Бог сказал во святилище Своем: восторжествую, разделю Сихем, и долину Сакхоф размерю. Мой Галаад, Мой Манассия... Моав умывальная чаша Моя, на Едома простру сапог Мой. Воскликни Мне, земля Филистимская!*¹³⁰; *Господь сказал... чтобы ты погрузил ногу твою, как и псы твои язык свой в крови врагов*¹³¹; *блажен, кто разобьет младенцев твоих о камень*¹³².

Буквоеды будут приходить в восторг и от этой буквы мертвящей и защищать ее самостоятельное достоинство; мне кажется более сообразным достоинством Писания скорбеть о том, что именно эта форма была наиболее доступна пониманию человечества, и не проглядеть животворящий дух, облеченный даже и в такую несимпатичную для нас букву.

Что человечество нуждается в подобных уступках, что глаголы жизни вечной должны быть облечены в грубую форму, обычную детям земли, чтобы стать для них доступною, ручательством тому служит для нас следующее. Когда Моисей спросил у Бога имя Его, Господь отвечал: *Я есмь Сущий. И сказал: так скажи сынам Израилевым: Сущий [Иегова] послал меня к вам*

¹²³ ...*Я (Бог), подняв руку, клялся...* – Итак скажи сынам Израилевым: Я Господь, и выведу вас из-под ига Египтян, и избавлю вас от рабства их, и спасу вас мышцею простертою и судами великими; и приму вас Себе в народ и буду вам Богом, и вы узнаете, что Я Господь, Бог ваш, изведший вас [из земли Египетской] из-под ига Египетского; и введу вас в ту землю, о которой Я, подняв руку Мою, клялся дать ее Аврааму, Исааку и Иакову, и дам вам ее в наследие. Я Господь (Исх. 6, 6–8).

¹²⁴ ...*Ты (Господь) поражаешь в ланиту всех врагов моих; сокрушаешь зубы нечестивых...* – Восстань, Господи! спаси меня, Боже мой! ибо Ты поражаешь в ланиту всех врагов моих; сокрушаешь зубы нечестивых (Пс. 3, 8).

¹²⁵ ...*не в ярости Твоей обличай меня...* – Господи! не в ярости Твоей обличай меня и не во гневе Твоем наказывай меня (Пс. 6, 2).

¹²⁶ ...*восстань, Господи, во гневе, пробудись для меня...* – Восстань, Господи, во гневе Твоем; подвигнись против неистовства врагов моих, пробудись для меня на суд, который Ты заповедал, – сонм людей станет вокруг Тебя; над ним поднимись на высоту (Пс. 7, 7–8).

¹²⁷ ...*нечестивый зачал неправду, был чреват злобою и родил себе ложь...* – Вот, нечестивый зачал неправду, был чреват злобою и родил себе ложь; рыл ров, и выкопал его, и упал в яму, которую приготовил: злоба его обратится на его голову, и злодейство его упадет на его темя (Пс. 7, 15–17).

¹²⁸ ...*Боже! сокруши зубы их, в устах их; разбей, Господи, челюсти львов...* – С самого рождения отступили нечестивые, от утробы матери заблуждаются, говоря ложь. Яд у них – как яд змеи, как глухого аспида, который затыкает уши свои и не слышит голоса заклинателя, самого искусного в заклинаниях. Боже! сокруши зубы их в устах их; разбей, Господи, челюсти львов! (Пс. 57, 4–7).

¹²⁹ ...*возрадуется праведник, когда увидит отмщение; омоет стопы свои в крови нечестивого...* – Возрадуется праведник, когда увидит отмщение; омоет стопы свои в крови нечестивого (Пс. 57, 11).

¹³⁰ ...*Бог сказал во святилище Своем: восторжествую, разделю Сихем, и долину Сакхоф размерю. Мой Галаад, Мой Манассия... Моав умывальная чаша Моя, на Едома простру сапог Мой. Воскликни Мне, земля Филистимская!*... – Бог сказал во святилище Своем: «восторжествую, разделю Сихем и долину Сокхоф размерю: Мой Галаад, Мой Манассия, Ефрем крепость главы Моей, Иуда скипетр Мой, Моав умывальная чаша Моя; на Едома простру сапог Мой. Воскликни Мне, земля Филистимская!» (Пс. 59, 8–10).

¹³¹ ...*Господь сказал... чтобы ты погрузил ногу твою, как и псы твои язык свой в крови врагов...* – Господь сказал: «от Васана возвращу, выведу из глубины морской, чтобы ты погрузил ногу твою, как и псы твои язык свой, в крови врагов» (Пс. 67, 23–24).

¹³² ...*блажен, кто разобьет младенцев твоих о камень...* – Блажен, кто возьмет и разобьет младенцев твоих о камень! (Пс. 136, 9).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.